

Российская Академия Наук
Институт философии

КОНСТРУКТИВИЗМ В ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Москва
2008

УДК 165
ББК 15.13
К 65

Редколлегия:

академик РАН *В.А. Лекторский* (ответственный редактор),
кандидат филос. наук *Е.О. Труфанова*,
кандидат филол. наук *И.П. Фарман*

Рецензенты:

доктор филос. наук *В.И. Аршинов*
доктор филос. наук *Б.И. Пружинин*

К 65 **Конструктивизм** в теории познания [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. — М.: ИФРАН, 2008. — 171 с.; 20 см. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0124-2.

Работа посвящена актуальным и активно обсуждаемым проблемам конструктивизма. Её основу составляют материалы конференции «Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке». Главное внимание уделено предложенным в рамках этого направления теоретическим подходам к знанию и познанию, выявлению новых возможностей осмысления реальности в конструктивистских концепциях и рассмотрению их с точки зрения взаимодействия с другими подходами в контексте современной эпистемологической ситуации и культуры в целом.

Особенность работы состоит в том, что это книга-дискуссия. В ней передана живая атмосфера конференции, что позволило полнее осветить поставленные проблемы.

Предисловие

Эпистемологический конструктивизм, имевший влиятельных сторонников в прошлом (Кант, Фихте, Гегель, неокантианцы), сегодня переживает новое рождение и приобретает новые особенности. Одна из таких особенностей состоит в том, что он пытается опереться на специальные науки, особенно науки о человеке. Движение так называемого «радикального эпистемологического конструктивизма» включает не только философов, но и специалистов в области нейронаук, нейрокибернетики, психологии. «Социальный конструкционизм» популярен среди психологов, психотерапевтов, социологов. Конструктивистские идеи влиятельны сегодня как у философов, так и среди представителей разных наук о человеке — и за рубежом, и в нашей стране. Принятие этих эпистемологических установок влечёт ряд важных методологических следствий относительно возможности проведения эксперимента, создания теории и её характера, относительно возможности самой науки о человеке.

В октябре 2007 г. сектор теории познания Института философии РАН провёл посвящённую этой проблематике конференцию «Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке». Данная книга — публикация некоторых результатов конференции.

В конференции участвовали наряду с авторами текстов, вошедших в данную книгу, профессор Дюкей Университета (Питтсбург, США) Т.Рокмор, член-корреспондент РАН, профессор психологического факультета МГУ В.Ф.Петренко, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН М.А.Розов, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН Н.М.Смирнова, доктор философских наук, заведующий Отделом Института философии РАН В.И.Аршинов, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН А.Ю.Антоновский, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии» Б.И.Пружинин.

Конструктивные основания научной картины мира

Научная картина мира как особая форма теоретических знаний обстоятельно анализировалась в нашей философско-методологической литературе начиная с 60-х гг. XX в. В западной философии науки эта проблематика долгое время выпадала из сферы исследований. Научная картина мира отождествлялась с теорией. Лишь в середине 70-х гг. XX в. появились первые работы, фиксирующие научную картину мира как специфическую форму знания. Но это были лишь первые шаги. Что же касается отечественных исследований, то к этому времени у нас уже была проанализирована структура научной картины мира, выяснено ее соотношение с теориями, определена типология научных картин мира и их функции в исследовательской деятельности.

Все эти результаты расширили арсенал методологических средств науки. Понятие научной картины мира вошло в состав этих средств наряду с понятиями теория, факт, теоретический и эмпирический уровни исследований и т.п.

В истории естествознания и социальных наук первым вариантом научной картины мира была механическая картина. Как и все последующие научные картины мира, она строилась из небольшого набора теоретических конструктов, которые онтологизировались, отождествлялись с исследуемой реальностью. Это общая характеристика любой научной картины мира. Связи и отношения конструктов, из которых она построена, фикс-

сируются в виде онтологических принципов. На них опираются эмпирические и теоретические исследования на исторически определенном этапе развития науки. Что же касается механической картины мира, которая господствовала в науке в XVII—XVIII вв. и отчасти первой половине XIX в., то она вводила следующую систему онтологизируемых теоретических конструктов. В качестве фундаментальных объектов мироздания полагались неделимые корпускулы (атомы). И.Ньютон в «Оптике» писал, что Бог создал мир из неделимых корпускул (атомов) и все тела (твердые, жидкие и газообразные) составлены из них, возникают благодаря взаимодействию корпускул. Взаимодействие корпускул и тел осуществляется как мгновенная передача сил по прямой (дальнодействие) и подчиняется строгой детерминации, получившей позднее определение как лапласовская причинность. Процессы движения и взаимодействия протекают в абсолютном пространстве с течением абсолютного времени.

Неделимая корпускула, силы, действующие мгновенно по прямой, абсолютное пространство и время — все это теоретические идеализации, конструкты, которые наделялись онтологическим статусом. Относительно них формулировались принципы — неделимости атома и сохранения материи, принцип дальнодействия, лапласовской детерминации, принцип неизменности пространственных и временных интервалов и их независимости от характера движения тел. Система этих принципов составляет фундамент физического знания соответствующей эпохи.

Механическая картина мира выступала как первая научная онтология физики. Она вводила системно-структурные представления предмета ее исследования. Одновременно она воспринималась и как научная картина природы и социальной жизни. Иначе говоря, в XVII—XVIII вв. она соединяла три аспекта: физической, естественнонаучной картины мира и картины социальной реальности, претендуя при этом и на статус общенаучной картины мира.

Приведу два примера, относящихся к функционированию механической картины мира в качестве парадигмального образа природы и общества. Оба относятся к этапу становления биологии и социологии как особых научных дисциплин.

В становлении биологии в качестве особой научной дисциплины важную роль сыграли идеи об эволюции организмов как источника видообразования.

В XVIII в. эти идеи обрели вид теоретической концепции Ламарка. Сегодня она воспринимается как своего рода антитеза механистическим представлениям. Но историко-научный анализ показывает, что все обстоит иначе. Оказывается, представления механической картины мира служили в концепции Ламарка фундаментальным объяснительным принципом.

В XVIII столетии механическая картина мира была модифицирована. В качестве фундаментальных объектов в нее были включены, наряду с атомами вещества (неделимыми корпускулами) невесомые субстанции — носители тепловых, электрических и магнитных сил — теплород, электрический и магнитный флюиды.

Ламарк сознательно ориентировался на эту картину при исследовании изменений организмов в результате их приспособления к среде. Он полагал, что упражнение органов, вызванное приспособительной активностью, приводит к накоплению в них электрических и магнитных флюидов, что в конечном итоге порождает изменение органов. Отсюда он вывел принцип: упражнение создает орган. И с этих позиций выявлял эволюционные ряды организмов, демонстрирующие образование новых видов¹.

В дальнейшем развитии биологии идея флюидов была утрачена, но представление об эволюции видов организмов осталось. Эти представления легли в основание картины биологического мира, несводимой к физической, что конституировало биологию в качестве особой научной дисциплины.

Аналогичные процессы прослеживались в становлении социальных наук. Известно, что Сен-Симон и Фурье предлагали положить в основу исследования социальной жизни механику. Фурье считал, что возможно открыть закон, наподобие закона всемирного тяготения, который описывает все взаимодействия людей, только это будет тяготение не по массам, как в физике, а по страстям. Ученик Сен-Симона О.Конт, выдвинув идею социологии как науки об обществе, сначала называл ее социаль-

¹ См. подробнее: *Стёпин В. С., Кузнецова Л. Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. С. 147–148, 170–172.

ной физикой. Он полагал, что ее можно построить по образу и подобию механики. Но потом выяснилась неадекватность механистических представлений в новой области исследований, и Конт первый сделал шаги по их преодолению. Он предложил рассматривать общество как целостный, развивающийся организм. Но первые шаги по созданию социологии были основаны на механической картине мира, предлагавшей видение общества как механической системы.

В эпоху становления дисциплинарно организованной науки три аспекта механической картины мира (ее статус как физической, естественнонаучной и общенаучной) дифференцировались. Они предстали в форме разных типов научной картины мира. Во-первых, сформировались дисциплинарные онтологии – специальные научные картины мира (физическая, химическая, биологическая). По отношению к ним термин «мир» уже не обозначает Универсум, а лишь его аспект или фрагмент, изучаемый соответствующей наукой (мир физики, мир химии, мир биологии). Иногда для их обозначения применяют термины «картина реальности» (физической, химической, биологической и т.п.).

Во-вторых, из синтеза различных дисциплинарных онтологий наук о природе создается естественнонаучная картина мира. Она включает представление о структурных уровнях организации неживой и живой природы, о фундаментальных особенностях их взаимодействий и об их пространственно-временных характеристиках. Соответственно, применительно к социальным и гуманитарным наукам подобную функцию выполняет социально-научная картина (картина социальной реальности), которая призвана синтезировать наиболее значимые достижения этих наук.

Наконец, в-третьих, можно выделить еще один уровень систематизации знаний – общенаучную картину мира. Естественнонаучная и социально-научная картины мира выступают ее аспектами. Она вводит целостный образ мира, обобщающий фундаментальные достижения науки соответствующей эпохи и включающий представления о неживой, живой природе, обществе и человеке.

Научная картина мира выполняет три основные и взаимосвязанные функции в исследовательской деятельности. Во-первых, она вводит системно-структурные представления предме-

та исследования и выступает формой систематизации научных знаний. Во-вторых, она обеспечивает объективацию соотносимых с ней конкретных научных знаний, их понимание и включение в культуру. В-третьих, она функционирует как особая исследовательская программа, определяющая постановку конкретных исследовательских задач и выбор средств их решения.

Я достаточно подробно анализировал эти функции в своих работах, остановлюсь только на их основных характеристиках.

На дисциплинарную онтологию (специальную научную картину мира) опираются и с ней соотносятся теории и эмпирические знания научной дисциплины. Так на механическую картину мира опирались классическая механика, термодинамика и электродинамика Ампера-Вебера. А.Ампер, создавая свою теорию электричества, прямо указывал, что она полностью согласуется с принципами, лежащими в основе механики.

В развитии физики было три крупных этапа смены картин мира: механическая картина после создания Д.Максвеллом теории электромагнитного поля сменилась на электродинамическую, а затем, в XX столетии, на квантово-релятивистскую картину мира.

Каждая новая онтология выступала новым системообразующим фактором сложившегося дисциплинарного знания, организуя его в новую целостность. Так, принятие физикой электродинамической картины мира, вводившей принцип близкодействия и представление о полях сил как состояниях мирового эфира, поставило проблему: как встроить в единую систему физического знания механику, опирающуюся на принцип дальногодействия (мгновенного действия сил), и как согласовать ее с теорией электромагнитного поля, основанной на альтернативном принципе близкодействия (распространения сил от точки к точке с конечной скоростью).

Г.Герц предпринял попытку решить эту проблему путем переформулировки механики в терминах полевых представлений. Он предложил рассматривать силу и энергию как изменение пространственно-временных конфигураций «масс-частиц» мирового эфира. С этих позиций Герц предложил описывать любое движение механической системы как свободное движение по геодезическим линиям, характер которых определен распределением масс в пространстве и времени.

В конце XIX в. эти идеи не нашли широкого отклика в сообществе физиков, но ретроспективно можно констатировать их своеобразную переключку с идеями общей теории относительности. Правда, путь к теории относительности был иной. Для этого нужно было отказаться от представлений о мировом эфире, абсолютном пространстве-времени и ввести идею изменения геометрии пространства-времени. Разумеется, это означало коренную ломку электродинамической картины мира, на которую ориентировалась механика Г.Герца. Такая ломка произошла позднее, уже в XX столетии и была одним из важнейших моментов формирования квантово-релятивистской картины мира.

Ее создание, связанное с построением теории относительности, квантовой механики и теории квантованных полей, сопровождалось уточнением границ классических теорий (механики, классической электродинамики и термодинамики). Был сформулирован принцип соответствия, согласно которому фиксировались связи и границы между квантово-релятивистскими теориями и их классическими предшественниками. Новая дисциплинарная онтология физики по-новому организовывала в целостную систему разросшийся массив физического знания.

Если дисциплинарные онтологии обеспечивают систематизацию знаний отдельных наук, то для естественнонаучной и социально-научной картин мира характерен более высокий уровень интеграции знаний.

Современная естественнонаучная картина мира фиксирует иерархию структур неживой природы как результата эволюции Вселенной (элементарные частицы, атомы, молекулы, звезды и планетные системы, галактики, Метагалактика) и структур живой природы (ДНК, РНК, клетка, многоклеточные организмы, популяции, биогеоценозы, биосфера). Поскольку эти структуры могут исследоваться в разных дисциплинах, естественнонаучная картина мира определяет место каждой из них в системе знаний о природе и связи их предметных областей.

Что же касается современной социально-научной картины мира (картины социальной реальности), то в сообществе обществоведов и гуманитариев пока нет того уровня консенсуса в принятии той или иной ее версии, который сложился в естествознании по поводу научной картины природы. Тем не менее в

различных версиях структуры и динамики общества есть общие компоненты, что намечает общие контуры картины социальной реальности.

Можно констатировать определенное согласие относительно видения общества как сложной, исторически изменяющейся системы. Картина социальной реальности включает представление об этой системе и в качестве ее составляющих выделяет три основных подсистемы — экономику, социально-политическую подсистему и культуру.

Все три подсистемы связаны между собой и внутренне структурированы. Каждую из них можно сделать особым предметом исследования и представить как сложный исторически развивающийся объект (систему). Именно такое выделение соответствующих блоков картины социальной реальности и конкретизация каждого из них в дисциплинарных онтологиях происходит в соответствующих социально-гуманитарных науках — экономических науках, социологии и политологии, в гуманитарных науках, ориентированных на исследование культуры и человека в культуре. В этом аспекте можно рассматривать картину социальной реальности в качестве системообразующего компонента, объединяющего различные социальные и гуманитарные науки.

Наконец, третьим уровнем систематизации знания выступает общенаучная картина мира. Она включает представление о природе и обществе, намечая связи между предметами естественных и социально-гуманитарных наук.

Теперь о второй функции научной картины мира — объективации знаний и их включения в поток культурной трансляции.

В основании конкретных научных теорий, входящих в состав научной дисциплины, лежат модели, относительно которых формулируются теоретические законы. Эти модели воспринимаются как выражение сущности исследуемых процессов, хотя они создаются из некоторого набора идеализированных конструктов и их связей (я называю такие модели теоретическими схемами). Так, в фундаменте классической механики лежит модель, которая характеризует механические процессы как движение материальной точки под действием силы в инерциальной пространственно-временной системе отсчета (эйлеров-

ская формулировка механики). Материальная точка, сила, инерциальная пространственно-временная система отсчета — это теоретические конструкты, идеализации. И любому физика было понятно, что материальных точек (точечных масс) в природе нет, поскольку по определению это тело, лишенное размеров. Переход от реальных тел к материальным точкам предполагал процедуру идеализации — мысленный эксперимент, когда фиксируется возможность уменьшения размеров тела с сохранением его массы и осуществляется предельный переход к точечной массе.

Знаменитые законы Ньютона формулировались как описание движения материальных точек, но воспринимались в качестве объективных законов природы.

Достигалось такое понимание законов не только благодаря процедуре введения конструкта «материальная точка» как идеализации, опирающейся на реальные опыты.

Важную роль играло отнесение теоретической схемы механики к принятой физической картине мира. Применительно к эйлеровской формулировке механики это была механическая картина мира. Теоретический конструкт «материальная точка» сопоставлялся с конструктом «неделимая корпускула», который выступал базисным объектом в картине мира. Полагалось, что поскольку корпускулы неделимы, то количество материи в них сохраняется. А неуничтожимость корпускул была основанием для принципа сохранения материи в природе.

Сопоставление неделимой корпускулы (атома) и материальной точки, масса которой по определению неизменна, выразилось в определении массы как количества материи и формулировке принципа сохранения материи в природе как закона сохранения массы.

Соотнесение теоретической схемы, относительно которой формулировались фундаментальные уравнения механики, с механической картиной мира устанавливало соответствие между их конструктами. С материальными точками сопоставлялись неделимые корпускулы и тела (в различных задачах механики тело могло быть представлено либо как материальная точка, либо как система материальных точек); с силой — взаимодействие тел, меняющее состояния их движения; с инерциальной системой отсчета сопоставлялось абсолютное пространство и время (харак-

теристический признак инерциальной системы отсчета в механике — сохранение пространственных и временных интервалов при переходе от одной системы отсчета к другой, был выражен в механической картине мира как абсолютность пространства и времени, их независимость от характера движения тел).

Поскольку конструкты картины мира имели онтологический статус, то отображение на нее теоретических моделей (теоретических схем), составляющих ядро конкретных физических теорий, позволяло объективировать эти схемы, представить их как выражение сущности исследуемых процессов.

Математические выражения законов механики, сформулированные относительно теоретических схем, получали двоякую интерпретацию — эмпирическую, через операции отображения теоретических схем на соответствующую область опыта, и семантическую — их отображение на специальную научную картину мира. Замечу попутно, что теоретический язык, посредством которого мы описываем изучаемые объекты, гетерогенен, он включает несколько типов языковых выражений, в системе которых обязательно присутствует язык картины мира и имеются своего рода правила перевода одних языковых выражений в другие.

Специальная научная картина мира участвует в процедурах активации не только теоретических, но и эмпирических знаний.

Ситуации эксперимента, в которых обнаруживаются и изучаются те или иные явления, представляют собой разновидности деятельности человека. Чтобы интерпретировать эту деятельность в терминах естественного процесса, ее необходимо увидеть как взаимодействие природных объектов, существующих независимо о человека. Именно такое видение задает картина исследуемой реальности. Через отношение к ней ситуации реального эксперимента и их эмпирические схемы обретают объективированный статус. Когда, например, Ж.Б.Био и Ф.Савар обнаруживали в экспериментах с магнитной стрелкой и прямолинейными проводниками с током, что магнитная стрелка реагирует на электрический ток, то они истолковывали этот феномен как порождение током магнитных сил, применяя тем самым при интерпретации результатов эксперимента представление физической картины мира о существовании электрических и магнитных сил.

Понимание наблюдений и их интерпретация также определены принятой исследователем картиной мира. Когда современный астроном наблюдает звезды и их скопление, то он понимает, что это не просто светящиеся точки на небесном своде, а огромные плазменные тела, подобные нашему солнцу и могущие отличаться от него размерами, массой, температурой поверхности.

Это понимание ему дает научная картина мира, такой картины не было у древних астрономов и их истолкование наблюдений за звездами было совсем иным, чем сегодня.

Онтологический статус картины мира позволяет относить все опирающиеся на нее знания к исследуемой реальности, понимать и интерпретировать их как знания об этой реальности самой по себе. Но тогда возникает сложная проблема онтологизации теоретических конструктов, из которых построена картина мира. Что позволяет их отождествлять с реальностью? Насколько правомерны такие отождествления? Ведь ретроспективно, с позиций современной науки мы знаем, что неделимая корпускула (атом) — это идеализация, что атом сложен и делим.

Насколько правомерно тогда приписывать природе свойства нами изобретенных конструкций?

Эти проблемы требуют особого исследования. Но предварительный ответ на них все же дать можно. Конечно же, любая научная картина мира представляет собой модель исследуемой реальности, задает ее схематический образ. Но этот образ в определенных границах обеспечивает исследование природных взаимодействий. Пока физика имела дело преимущественно с механическими системами и соответствующим энергетическим диапазоном, в котором осуществлялись механические процессы, представление о неделимом атоме, лапласовской детерминации, абсолютном пространстве и времени было достаточным, чтобы осваивать эти процессы. В диапазоне энергий, с которыми имела дело наука и практика XVII—XIX столетий, принципиально невозможно было обнаружить делимость атома. И в определенных границах идеализация неделимой корпускулы была не только допустима, но и полезна, организуя исследование тех процессов, которые были доступны человеческому познанию и практике данной исторической эпохи.

Аналогично обстояло дело с конструктом «абсолютное пространство и время». Обоснованное в теории относительности изменение пространственных и временных интервалов при переходе от одной инерциальной системы отсчета к другой могло быть обнаружено только при освоении процессов, протекающих со скоростями, близкими к скорости света. Но в XVII—XVIII вв. и даже в первой половине XIX в. наука не имела дела с такими процессами. При описании же механических систем и их взаимодействий изменения пространственных и временных интервалов были настолько малы, что ими вполне можно было пренебречь, полагать эти интервалы неизменными и опираться на идеализацию абсолютного пространства и времени как на адекватный образ пространства-времени Универсума.

Если учесть все эти реальные особенности физических процессов, изучаемых наукой в соответствующую историческую эпоху, то механическую картину мира вполне можно расценить как выражающую существенные черты исследуемой в этот период реальности. Эта картина имела многочисленные подтверждения опытом. Она взаимодействовала с опытом как непосредственно, так и опосредованно через отображаемые на нее конкретные теоретические модели, подтвержденные экспериментами, измерениями и наблюдениями.

Онтологизация конструктов картины мира, допустимая в определенных границах, обнаруживает свою несостоятельность при выходе за эти границы. Тогда происходят радикальные изменения в картине мира, и на смену ранее принятой приходит новая, которая расширяет диапазон процессов, подлежащих изучению в науке. Но каждая новая картина мира как онтология будет иметь границы своей применимости.

В процедурах онтологизации теоретических конструктов картины мира важную роль играет ее состыковка с мировоззренческими образами, доминирующими в культуре ответствующей эпохи. Картина мира всегда свойственна определенная наглядность.

Представления о мире, которые вводятся в картинах исследуемой реальности, всегда испытывают определенное воздействие аналогий и ассоциаций, почерпнутых из различных сфер культурного творчества, включая обыденное сознание и производственный опыт определенной исторической эпохи.

Нетрудно, например, обнаружить, что представления об электрическом флюиде и теплороде, включенные в механическую картину мира в XVIII в., складывались во многом под влиянием предметных образов, почерпнутых из сферы повседневного опыта и производства соответствующей эпохи. Здравому смыслу XVIII столетия легче было согласиться с существованием немеханических сил, представляя их по образу и подобию механических (например, представляя поток тепла как поток невесомой жидкости — теплорода, падающего наподобие водяной струи с одного уровня на другой и производящего за счет этого работу так же, как вода в гидравлических устройствах).

Формирование картин исследуемой реальности в каждой отрасли науки всегда протекает не только как процесс внутринаучного характера, но и как взаимодействие науки с другими областями культуры. Из поля значимых наглядных образов, вырабатываемых в различных сферах культуры, наука постоянно черпает те или иные фрагменты, которые входят в ткань ее картин исследуемой реальности. Образы Вселенной как простой машины доминировали в развитии механической картины мира XVII—XVIII столетий (мир как часы, мир-механизм), перекликаясь с привычными представлениями о предметных структурах техники эпохи первой промышленной революции.

В современных научных картинах мира все чаще возникают образы самоорганизующегося автомата, которые выступают своеобразной апелляцией к наглядности технических устройств, являющихся сложными саморегулирующимися системами, которые применяются в различных областях техники второй половины XX в.

Сочетание разнородных, но вместе с тем взаимосогласующихся обоснований (эмпирических, теоретических, философских, мировоззренческих) определяет принятие специальных научных картин мира культурой соответствующей исторической эпохи и их функционирование в качестве научных онтологий.

Наглядность представлений научных картин мира обеспечивает их понимание не только специалистами в данной области знания, но и учеными, специализирующимися в других науках, и даже образованными людьми, не занимающимися непосредственно научной деятельностью. Когда гово-

рят о достижениях науки, влияющих на культуру эпохи, то в первую очередь речь идет не о специальных результатах теоретических и эмпирических исследований, а об их аккумуляции в представлениях научной картины мира. Только в такой форме они могут обрести общекультурный, мировоззренческий смысл.

Научные картины мира выступают, с одной стороны, как компонент внутренней структуры научного знания, а с другой — как компонент его инфраструктуры, опосредующей его включение в поток культурной трансляции. Их состыковка с мировоззренческими установками, доминирующими в культуре, не всегда протекает гладко и без коллизий. Наоборот, такие коллизии неизбежны при радикальных трансформациях картин мира, меняющих наши образы природы, пространства и времени, представления об эволюции и обществе.

Новые научные картины реальности могут потребовать изменения мировоззренческих образов, которые ранее доминировали в культуре. Процесс их адаптации к новой картине мира всегда сопровождается философскими дискуссиями. Здесь можно привести в качестве примеров дискуссии по поводу новых представлений о пространстве и времени, связанных с выводами теории относительности, дискуссии по поводу нового понимания причинности в квантовой механике, дискуссии вокруг дарвиновской теории эволюции и т.п.

Философское обоснование выступает условием принятия культурой изменений в нашей картине мира и, в определенной степени, участвует в обретении ею онтологического статуса.

Наконец, о третьей функции научной картины мира — ее способности быть исследовательской программой научного поиска.

Роль специальной картины мира как исследовательской программы в эмпирическом исследовании можно проиллюстрировать на примере открытия катодных лучей. Я уже анализировал в своих работах эту познавательную ситуацию. На мой взгляд, она достаточно ярко показывает, как принципы картины мира целенаправляют наблюдения и эксперименты в условиях, когда еще не создано конкретных теорий, объясняющих обнаруженные в опыте явления.

Когда Крукс открыл катодные лучи, то вначале никакой теории катодных лучей не было. Не было конкретных теорий и теоретических моделей, которые могли бы объяснить открытый феномен. Крукс обнаружил в опытах с электрическими разрядами в газовой трубке, что в результате разряда в трубке появляется светящееся пятно. Возникал вопрос: что представляет собой это явление? Для решения этой задачи Крукс обращается к принципам электродинамической картины мира и ставит вопрос: какие сущности могут породить обнаруженные явления? Ответ дает картина мира. Это могут быть незаряженные корпускулы, либо корпускулы, несущие положительный или отрицательный электрический заряд, либо это может быть состояние мирового эфира («лучистая материя»). Только эти объекты образуют, согласно электродинамической картине, фундамент физического мира. Соответственно возникали гипотезы, которые нужно было проверять в опыте.

Крукс с самого начала склонялся к идее, что катодные лучи имеют корпускулярную природу. Проверая эту гипотезу в экспериментах, он установил, что катодный пучок способен вращать радиометр (эффект механического действия катодных лучей), что поставленный на их пути мальтийский крестик дает на флюоресцирующем стекле четкую тень (прямолинейность распространения катодных лучей). Все эти результаты показывали, что катодные лучи являются потоком корпускул. Затем проверялось наличие заряда у этих корпускул. Было установлено, что они реагируют на магнитное поле. Приближение магнита приводит к смещению вызываемого ими флюоресцирующего пятна (эффект взаимодействия катодных лучей с магнитным полем). Опираясь на эти опыты, Крукс заключает, что катодные лучи являются потоком заряженных частиц.

Характерно, что в этот период другими исследователями (Ленард, Герц) проводилась экспериментальная проверка и альтернативного предположения — о волновой природе катодных лучей (опыты дали отрицательный ответ, показав, что катодные лучи не являются электромагнитными волнами). Таким образом картина физической реальности определяла стратегию экспериментальной деятельности, формулируя ее задачи и указывая пути их решения.

В свою очередь, полученные факты оказывали активное обратное воздействие на сложившуюся физическую картину мира. Появилась гипотеза об особой природе частиц, образующих катодные лучи, которые Крукс полагал «частицами, лежащими в основе физики Вселенной». «Я беру на себя смелость предположить, – писал Крукс, – что главные проблемы будущего найдут свое решение именно в этой области и даже за нею. Здесь, по моему мнению, сосредоточены окончательные реальности, тончайшие, определяющие, таинственные»².

Последующее развитие физики во многом подтвердило эту гипотезу, доказав, что отрицательно заряженные частицы, составляющие катодные лучи, не являются ионами, а представляют собой электроны (эксперименты Томсона и Ленарда и теория Лоренца).

Картина мира функционирует как исследовательская программа и в ситуациях теоретического поиска. Приведу, на мой взгляд, достаточно яркие примеры таких ситуаций из истории классической электродинамики. Когда Ампер и Вебер создавали свою теорию электричества и магнетизма, они ориентировались на механическую картину мира. Соответственно ставилась задача описать взаимодействие электрических зарядов и магнитов в терминах дальнего действия. Аналоговые модели и математические средства заимствовались из механики материальных точек и переносились на область электрических и магнитных явлений.

Иная стратегия была выбрана Д. Максвеллом при создании теории электромагнитного поля. Максвелл развивал предложенную М. Фарадеем картину электрических и магнитных процессов, которая была первичной и зародышевой формой будущей электродинамической картины мира. Фарадей, опираясь на многочисленные опыты, доказал, что электрические и магнитные силовые линии разной конфигурации заполняют пространство между электрически заряженными телами и источниками магнетизма. Эти результаты противоречили концепции взаимодействий в механической картине мира. В противовес им Фарадей выдвигал гипотезу, что поля силовых линий являются особой материальной субстанцией, наряду с веществом.

² Цит. по: *Льоци М.* История физики. М., 1970. С. 291.

Появление новых представлений о мире, подкрепленных опытными фактами, и их конкуренция с господствующей ранее общепринятой картиной мира не является исключением в истории науки. Новая картина мира чаще всего возникает в процессе развития своих зародышевых форм, которые их творцы вначале выдвигают в качестве новых гипотез.

Процессы соперничества разных картин исследуемой реальности можно охарактеризовать в терминологии Т.Куна как конкуренцию парадигм, а в терминологии И.Лакатоса — как конкуренцию исследовательских программ.

Когда Максвелл приступил к грандиозному синтезу в единую теорию накопленных знаний об электричестве и магнетизме, он ориентировался на представление о реальности полей электрических и магнитных сил. Фарадеевская картина подсказывала формулировку основной задачи построения обобщающей теории электричества и магнетизма. Синтез накопленных знаний должен осуществляться с позиций полевых представлений. Эта же картина подсказывала выбор средств, необходимых для решения этой задачи. Максвелл использовал при построении теории аналоговые модели и математические средства не механики точек (как Ампер и Вебер), а механики сплошных сред.

В процессе построения теории электромагнитного поля возникали новые представления о полях. Новые результаты, завершившиеся созданием знаменитых уравнений Максвелла и экспериментально подтвержденным предсказанием электромагнитных волн, постоянно соотносились с картиной мира, включали в нее новые смыслы и в конечном итоге превратили ее в развитую электродинамическую картину физического мира, которая к концу XIX столетия постепенно стала доминировать в физике.

Таким образом, не только в эмпирическом, но и в теоретическом поиске картина исследуемой реальности функционирует в качестве исследовательской программы, которая очерчивает круг допустимых проблем и область средств, обеспечивающих возможность их решения.

Специальные научные картины мира выступают в качестве исследовательских программ внутридисциплинарных исследований. Объединяя в систему различные направления соответствующей науки, они обеспечивают переносы методов и концептуальных средств из одной теории в другую.

Но кроме внутридисциплинарных взаимодействий в науке существуют междисциплинарные взаимодействия, которые на современном этапе становятся все более значимым фактором роста научного знания. Новые результаты порождаются благодаря трансляции концептуальных средств и методов из одной дисциплины в другую. Целый ряд перспективных направлений в науке возник как раз за счет такого рода междисциплинарной трансляции (биохимия, биофизика, кибернетика, синергетика). Встает вопрос, что подсказывает исследователю возможность заимствования методов и идей, выработанных в других науках, и их использование в своей области исследований? Ведь для этого нужно увидеть некоторые общие черты в предметах разных наук. Такое видение обеспечивает общенаучная картина мира, взятая в ее основных аспектах (естественнонаучной картины природы и картины социальной реальности).

В этих процессах общенаучная картина мира функционирует как программа междисциплинарных исследований, определяя круг возможных междисциплинарных проблем и ориентируя на определенный выбор средств их решения.

Знания научной дисциплины развиваются как сложная система с обратными связями. Познавательный цикл — от картины мира к построению конкретных теоретических моделей и открытию новых фактов, а затем снова к картине мира — многократно повторяется в процессе решения конкретных теоретических и эмпирических задач. В результате происходит расширение массива знаний научной дисциплины и конкретизация специальной научной картины (дисциплинарной онтологии) без ее радикального изменения. Это продолжается до тех пор, пока изучаются объекты, главные системно-структурные характеристики которых представлены в соответствующей картине исследуемой реальности. Но рано или поздно наука сталкивается с принципиально новым типом объектов и процессов, для освоения которых требуются новые представления об изучаемой предметной области. Тогда появляются факты, не согласующиеся с представлениями ранее принятой картины мира. Попытка объяснить эти факты посредством новых теоретических моделей при отображении этих моделей на картину мира приводит к парадоксам. Типичным примером могут

служить парадоксы, возникшие в электродинамике и связанные с применением в ней преобразований Лоренца. Из этих преобразований следовало, что пространственные и временные интервалы изменяются при переходе от одной системы отсчета к другой, что противоречило представлениям картины мира об абсолютном пространстве и времени.

В концепции Т.Куна такие ситуации характеризуются как аномалии и кризисы, выступающие предпосылкой научной революции. Радикальная перестройка картины мира является необходимым компонентом такой революции.

В классической науке формирование новой картины мира начиналось с критики и пересмотра прежних онтологических постулатов. Они заменялись новыми, которые на первых порах выступали как гипотезы. В процессе выдвижения этих гипотез активную роль играли философские идеи. Затем происходило обоснование гипотетических онтологических постулатов. Доказывалось их соответствие уже накопленным (в том числе и новым) фактам. Устанавливалось их согласование с теоретическими моделями, объясняющими факты. После такого рода обоснования, часто весьма длительного, новая картина реальности утверждалась в качестве новой дисциплинарной онтологии и активно участвовала в генерации новых теорий.

В неклассической науке стратегия радикальной трансформации картины мира меняется. В ней отчетливо выступает деятельно-конструктивная природа научных онтологий. То, что было неявным в классической науке, в неклассической эксплицируется. Я имею в виду коррелятивную связь между картиной исследуемой реальности и характером деятельности, осваивающей эту реальность.

Проиллюстрирую этот тезис на примере построения теории относительности. Проблема, которая возникла в электродинамике в связи с введением преобразований Лоренца, была решена Эйнштейном на путях экспликации схемы экспериментально-измерительной деятельности, посредством которой выявляются пространственно-временные характеристики физического мира.

Два ключевых принципа, лежащих в основании специальной теории относительности, — принцип относительности и принцип постоянства скорости света — Эйнштейн вводил, рас-

смаатривая их в качестве постулатов измерения. Анализируя схему измерения пространственно-временных интервалов, которая выступала идеализацией реальных измерительных процедур, осуществляемых в физических лабораториях с часами и линейками, Эйнштейн вывел отсюда уже известные преобразования Лоренца. Тем самым было доказано, что именно они выражают реальные особенности физических процессов, фиксируемых экспериментально-измерительной практикой. Следствия преобразований Лоренца об относительности пространственно-временных интервалов приобрели реальный физический смысл. Эйнштейн придал им онтологический статус, заменив абсолютное пространство – время физической картины мира представлениями о релятивистских характеристиках пространства-времени.

Аналогичная стратегия коренной трансформации физической картины мира прослеживается в процессе построения квантовой механики. Н. Бор особо акцентировал роль принципа относительности по отношению к средствам наблюдения и роль принципа дополнительности в осмыслении особенностей новой предметной области. Оба этих принципа вводили операциональную схему, посредством и в рамках которой выявлялись особенности квантово-механических объектов. Онтологические постулаты, такие как принцип корпускулярно-волнового дуализма квантовых объектов, включались в физическую картину мира через корреляцию с этой операциональной схемой. Известный астрофизик А. Эддингтон, обобщая эпистемологический опыт создания квантовых и релятивистских теорий, писал, что теория – это сеть, которую мы забрасываем в мир, и то, что мы выловим этой сетью, и есть предмет нашего исследования (позднее эту же формулу повторил с небольшой модификацией К. Поппер). Данную формулу следует уточнить, учитывая онтологическую и операциональную составляющую теоретического знания. Операциональная составляющая задает обобщенную схему метода деятельности, соотносясь с которой и выстраивается онтология. Именно ее характер определяет особенности «сетки метода», посредством которой мы выделяем в Универсуме те или иные исследуемые объекты.

В классике новая специальная картина мира и ее эмпирическое обоснование, как правило, предшествует новой фундаментальной теории. В неклассической же науке формирование новой дисциплинарной онтологии включено в сам процесс построения фундаментальной теории. Этот процесс, как и в классике, регулируется философскими идеями. Но акцент вначале переносится на эпистемологические идеи, которые обосновывают анализ операциональных структур еще недостроенной специальной картины мира.

В неклассических стратегиях новые онтологические постулаты конституируются чаще всего на завершающем этапе формирования теории, в связи с поиском семантической интерпретации уравнений, выражающих фундаментальные законы. На этом этапе уже активно включаются в обсуждение философские идеи онтологического характера (понимание причинности, пространства и времени, части и целого). Они обосновывают новые представления о реальности, включаемые в специальную научную картину мира.

Показательным примером являются дискуссии, которые развернулись на Сольвеевских конгрессах уже после построения математического аппарата квантовой механики и его эмпирической интерпретации. В центре дискуссий была проблема понимания вероятностной природы квантовых процессов. Ключевой в этой проблематике явилась интерпретация принципа детерминизма. Центральными фигурами дискуссии были Н. Бор и А. Эйнштейн. Эйнштейн отстаивал классическое понимание детерминизма (выразив свою позицию в виде афоризма: «Бог не играет в кости»). Бор полагал необходимым расширить понимание причинности, включив в качестве базисной идею вероятностной причинности. Нужно сказать, что последующее развитие представлений о сложных развивающихся системах выявило перспективность боровской позиции.

Появление неклассических стратегий построения специальных научных картин мира не отменило классических образцов. Они взаимодействуют в развитии современной науки. В ней особую значимость, наряду с внутридисциплинарными революциями, приобретает особый тип научных революций, основанный на трансляции парадигмальных принципов (он-

тологических и методологических) из одной науки в другую. В отличие от проанализированных Т.Куном ситуаций, когда предпосылкой революции в науке выступает накопление аномалий и кризисов, здесь радикальные трансформации представлений о предмете и методах исследования могут происходить при отсутствии аномалий и кризисов. «Парадигмальные прививки» могут открывать новое поле научных проблем и затем обнаружить новые явления и законы, которые до этой прививки не попадали в сферу научного поиска³. Примерами здесь могут служить формирование биохимии и биофизики, применение кибернетических методов в биологии, использование представлений и методов синергетики в естественных и социально-гуманитарных науках. В этом типе изменений дисциплинарных онтологий целенаправленную роль играет общенаучная картина мира. Она же развивается под влиянием новых достижений, полученных в результате парадигмальных прививок. Сегодня в обменных процессах между различными науками активно взаимодействуют и стратегии неклассической науки и традиционные классические стратегии. Вместе с тем методологический анализ, проведенный с позиции эталонов неклассического подхода, позволяет обнаружить операциональные схемы в дисциплинарных онтологиях любой науки, в том числе возникшие в те исторические эпохи, когда еще не было неклассического естествознания.

В картине биологического мира, утвердившейся благодаря успехам теории Дарвина, была операциональная основа представлений об образовании видов путем естественного отбора. Это была схема практики искусственного отбора. В современной биологии, когда развились технологии генетической инженерии, стали укореняться новые концепции эволюции, в которых видообразование связывается с горизонтальным переносом генетического материала, а идея дифференциации единого корня эволюции дополняется идеей сетей взаимодействия. Новая операциональная сетка в этом случае определяет новые границы конструирования картины исследуемой реальности.

³ Подробнее об этом типе научных революций см.: *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М., 2003.

Итак, в построении научной картины мира участвуют как внутринаучные, так и вненаучные факторы. Онтологизация ее конструктов обосновывается соотносением с ней эмпирических фактов и объясняющих их конкретных теоретических моделей, корреляцией между специальной научной картиной мира и обобщенной схемой практических операций, в рамках и посредством которых фиксируются объекты предметной области той или иной науки на соответствующей стадии ее исторического развития. Вместе с тем в процедуру онтологизации включены философские обоснования, соотношение представлений картины мира с доминирующими в культуре ценностями, включение в нее наглядных представлений, коррелирующих с предметными образцами технологически освоенной человеком предметной среды.

Философско-методологический анализ, фиксируя конструктивно-деятельностную природу научных онтологий, неизбежно сталкивается с проблемой: насколько правомерно отождествлять искусственное, созданное человеческой деятельностью, с естественным, существующим до и независимо от человеческой деятельности?

В решении этой проблемы многое зависит от того, в каких системных образах мы представляем естественное и искусственное. Для механических и даже для сложных саморегулирующихся (гомеостатических) систем такое противопоставление имеет смысл. Но при практическом и теоретическом освоении сложных саморазвивающихся систем ситуация меняется.

Сегодня освоение сложных саморазвивающихся систем определяет стратегию переднего края науки и технологического развития. Этот тип системных объектов характеризуется открытостью, обменом веществом, энергией и информацией с внешней средой, развитием, им свойственны фазовые переходы от одного вида саморегуляции к другому. Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровневой организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней фор-

мируются новые, относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей.

К таким системам относятся биологические объекты, рассматриваемые не только в аспекте их функционирования, но и в аспекте развития, объекты современных нано- и биотехнологий (в том числе генетической инженерии), системы современного проектирования, когда берется не только та или иная технико-технологическая система, но еще более сложный развивающийся комплекс: человек — технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию, и весь этот комплекс рассматривается в развитии. К саморазвивающимся системам относятся современные сложные компьютерные сети, предполагающие диалог человек-компьютер, «глобальная паутина» — Интернет. Наконец, все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем. К исследованию таких систем во второй половине XX в. вплотную подошла и физика. С одной стороны, развитие современной космологии (концепция Большого взрыва и инфляционная теория развития Вселенной) привело к идее становления различных типов физических объектов и взаимодействий. Появилось представление о возникающих в процессе эволюции различных видах элементарных частиц и их взаимодействиях как результате расщепления некоторого исходного взаимодействия и последующей его дифференциации. С другой стороны, идея эволюционных объектов активно разрабатывается в рамках термодинамики неравновесных процессов (И. Пригожин) и синергетики. Взаимовлияние этих двух направлений исследования инкорпорирует в систему физического знания представления о самоорганизации и развитии.

Важно выяснить, какие стратегии деятельности характерны для освоения таких систем. Ведь когда мы осуществляем воздействие на саморазвивающиеся системы, оно включается в систему и актуализирует определенные возможности ее развития. На этапе фазовых переходов, в точках бифуркации возникает спектр возможных сценариев развития системы. Какой из них реализуется, зависит от условий взаимодействия системы

со средой. И если мы своими действиями создаем определенные условия, при которых обменные процессы со средой порождают странные аттракторы, которые втягивают систему в определенное русло развития, то можно считать, что мы сконструировали эти процессы своей деятельностью. Но можно рассматривать эти же процессы как естественные, как выражающие сущностные особенности развивающегося объекта. Ведь система так устроена, что реализация одного из возможных сценариев развития выступает как условие и характеристика бытия системы, как выражение ее природы. И если мы своей деятельностью направили развитие системы по определенному руслу, то это одновременно и искусственное, и естественное. Жесткие грани между ними стираются. Искусственное предстает как вариант естественного.

Дискуссия

В.Ф.Петренко: Очень интересный доклад. Великий Эйнштейн говорил, что проблемы не решаются в том языке, в котором они были поставлены. Необходим выход в новую систему языковых средств, что вы блестяще сейчас и продемонстрировали, когда показывали, как трансформировались фундаментальные понятия физики. Изменялся смысл таких понятий, как абсолютное время, пространство, сила, масса и т.д. В философии, если философия развивается, то тоже должна быть какая-то трансформация таких понятий, как объективная действительность, истина и т.п.

В.А.Лекторский: Вы предлагаете их элиминировать?

В.Ф.Петренко: По крайней мере, трансформировать. Обратите внимание, что в докладе Вячеслава Семеновича не было ни понятия истины, ни понятия объективной действительности. Было понятие картины мира, которое уже подразумевает не онтологию, копирующую реальность, существующую вне зависимости от субъекта познания, а картину, в которую входит и культура, и язык, и мотивы человеческой деятельности. В своем докладе он блестяще продемонстрировал смену понятийного аппарата философии. И на наш спор о том, есть ли какая-то дей-

ствительность, независимая от нас, которая стоит за нашими понятиями, можно посмотреть с другой позиции. Дело не в том, что она есть или ее нет, а в том, в каком языке мы должны описывать эту действительность. Надо отказаться от ряда традиционных понятий и использовать новый понятийный аппарат.

В. С. Смёну: Я бы сказал иначе. Переопределение понятий в науке и философии происходит постоянно, и в этом состоит рост знания. И вы правы, акцентируя этот аспект. Теперь относительно того, как быть с понятием объективной реальности.

Здесь важно различать реальность как нечто существующее в качестве объекта и предмета познания и наши представления о ее структуре и динамике. Эти представления определены спецификой нашей деятельности с исследуемыми объектами, исторически накопленными познавательными средствами, характером культуры, в контексте которой осуществляется познавательная деятельность. Онтологизируя эти представления, мы приписываем реальности определенную структуру. Мы видим мир сквозь призму нашей деятельности и нашей культуры. Но деятельность — это не произвольное преобразование объектов в соответствии с поставленной целью. Не все цели реализуются, и не все природа позволяет. Объект сопротивляется вашему желанию. Объект не настолько пластичен, что все, что мы захотим, то мы и реализуем. Значит, в результатах деятельности есть что-то от объекта и что-то от субъекта, от средств, особенностей языка, от возможностей той сетки операций и действий, с помощью которой мы вылавливаем в океане Универсума тот или иной объект и превращаем его в предмет познания.

С этой точки зрения никакая философия не может дать последней окончательной онтологии мира. Время философских систем, претендующих на последнюю и абсолютную истину, закончилось. Философия осознает себя как развивающееся знание. Знание о том, как устроен мир — это наше человеческое знание. Мы видим мир сквозь призму определенной системы категорий, их смыслов, продиктованных культурой определенной исторической эпохи, сквозь призму тех реальных практик, в которых мы реально конструируем из исходного материала (предмета деятельности) его новые состояния. Но всегда следу-

ет помнить, что конструирование обусловлено законами функционирования и развития объектов, поэтому понятие объективной реальности не утрачивает своего смысла и ценности в современной эпистемологии и теории деятельности.

В. Ф. Петренко: Это понятие уже становится неудобным.

В. А. Лекторский: Но если его устранить, что же тогда остается? Истины нет, реальности нет.

В. С. Стёпин: Истина тоже остается. Только истина в особом понимании. Я напому высказывание Ю. Хабермаса по поводу различия классической и неклассической рациональности. Классика знала два элемента познавательной деятельности — субъект и объект. Неклассика показала, что между ними есть третий элемент, соединяющий их — это деятельность и язык. Последнее можно интерпретировать в расширительном смысле — как языки культуры.

Субъект и объект предстают своеобразными полюсами деятельности. Ни один, ни другой вне деятельности не дан. Все, что познающий субъект увидит в природе, какую ее картину он сконструирует, — это продукт деятельности и культуры. Еще раз подчеркну, что в этой конструкции есть нечто и от познающего субъекта, и от исследуемого объекта. Понятие реальности вне нас сохраняется, но знание о реальности, конечно же, является результатом нашей познавательной деятельности.

Картины мира меняются, и меняется наше видение мира. Но я не считаю, что этот факт следует интерпретировать в духе абсолютного релятивизма. В смене картин мира как онтологических схем есть преемственность. Идея Т. Куна о несовместимости парадигм не вписывается в реальную историю знаний, а фиксирует лишь некоторые аспекты этой истории. В западной философии науки о преемственности в развитии научных понятий, онтологических схем, методологических принципов, на мой взгляд, достаточно убедительно сказано в концепции Дж. Холтона, который выявлял непрерывные тематические линии в развитии онтологических и методологических идей науки.

Т. Рокмор: Если наука есть процесс рациональной реконструкции, то как вы считаете, адекватно ли гегелевская модель описывает познание и адекватна ли она для тех процессов, которые вы описываете, анализируя науку?

В. С. Смёнин: Я рассматриваю гегелевскую модель как одну из первых продуктивных попыток предложить категориальную структуру для понимания сложных саморазвивающихся систем. Эти системы требуют для своего освоения особой категориальной сетки, особого понимания части и целого, вещи и процесса, причинности, пространства и времени.

Важно подчеркнуть, что первичные варианты этого категориального аппарата были генерированы в философии задолго до того, как соответствующие структурные характеристики развивающихся систем стали предметом естественнонаучного исследования. В первой половине XIX в. естествознание активно разрабатывало идеи эволюции, однако описание исторически развивающихся систем ограничивалось, скорее, феноменологическим подходом.

Но в ту же эпоху Гегель разрабатывал категориальный аппарат, который выражал целый ряд важных структурных особенностей таких систем. Процедура порождения новых уровней организации представлена им следующим образом: нечто (прежнее целое) порождает «свое иное», вступает с ним в рефлексивную связь, перестраивается под воздействием «своего иного», в результате чего возникает новое целое, и затем этот процесс повторяется на новой основе. Важнейшим моментом этого процесса является «погружение в основание», изменение предшествующих состояний под воздействием новых состояний (обогащение смыслов категорий). Эту схему саморазвития Гегель обосновывал, прежде всего, на материале исторического развития различных сфер духовной культуры (философии, религии, искусства, права). Позднее К.Маркс развил гегелевский подход применительно к анализу капиталистической экономики (диалектика «Капитала»).

Сегодняшняя наука вносит ряд конкретизаций в гегелевские идеи, но в них есть еще достаточный потенциал для дальнейшей разработки. Что же касается моих исследований структуры и динамики научного знания, то я сознательно использовал в этом анализе представления о науке как сложной саморазвивающейся системе.

Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии?

Конструктивизм сегодня в моде. О нём пишут и говорят не только философы, но и социологи, психологи (отечественные психологи издают «Журнал конструктивистской психологии»), науковеды и даже некоторые специалисты в области когнитивной нейрологии. Конечно, можно отнестись к этому как к чему-то не очень серьёзному, как и к любой очередной моде — а моды, как известно, бывают и в сфере идей. Я думаю, что на самом деле речь идёт о важных вещах. Конструктивизм в эпистемологии всегда был влиятельным течением. Что же касается современного эпистемологического конструктивизма, тот он, на мой взгляд, выражает ряд особенностей современных наук о человеке и даже современной культуры в целом. Отсюда и его популярность. Об этом я скажу подробнее позже. Сразу хочу заявить, что не являюсь эпистемологическим конструктивистом, но вместе с тем считаю, что конструктивистский подход схватывает ряд важных характеристик познавательной деятельности, которые могут и должны быть лучше поняты в рамках другой эпистемологической позиции, которую я (вслед за некоторыми философами) называю конструктивным реализмом.

Согласно классическому пониманию, идущему от Платона, знание (как отличное от мнения и веры) необходимо предполагает отношение к реальности. Оно говорит о том, что «есть на самом деле», а не просто о том, что кому-то кажется. Вместе с тем знание предполагает обоснованность. Вообще говоря, в

обычной жизни мы употребляем термин «знать» не только в отношении того, «что есть» в действительности, каково реальное положение дел, но и в отношении умения, способности нечто сделать, осуществить, построить: я знаю, как пилить дрова, кататься на велосипеде, писать письма и т.д. Но философия (и прежде сего такой её раздел, как эпистемология) всегда имела дело прежде всего с «знанием что», т.к. её всегда интересовал вопрос о реальности и возможности её постижения (хотя в философии лингвистического анализа на основании того факта, что термин «знать» употребляется в обыденном языке в разных смыслах, был сделан вывод о том, что общая теория знания, т.е. эпистемология, невозможна).

Основная идея эпистемологического конструктивизма состоит в том, что «знание что» может быть сведено к «знанию как»: вы знаете нечто о каком-либо предмете в том и только в том случае, если можете построить его. Это идея кантовской философии: мир опыта, т.е. мир предметов и их отношений, предстающих эмпирическому сознанию в качестве реально существующих, на самом деле является конструкцией, продуктом идеальной деятельности трансцендентального субъекта, хотя эмпирический индивид не сознаёт этой деятельности. То, что мы считаем отношением к реальности как конституирующим признаком знания — и само различие реальности и иллюзии — с этой точки зрения является лишь моментом внутри конструктивной идеальной деятельности. Можно считать Канта первым эпистемологическим конструктивистом. Однако нужно заметить, что с точки зрения Канта конструктивизм имеет свои границы. Во-первых, нужно различать позицию философа-трансценденталиста и позицию эмпирического сознания (к последнему относится как обыденное сознание, так и сознание учёного). Если для философа мир «трансцендентально идеален», т.е. сконструирован, построен трансцендентальным субъектом, то для эмпирического сознания мир предстаёт как эмпирически реальный, независимый от сознания. Его можно и нужно исследовать и открывать в нём нечто неизвестное. Во-вторых, по Канту конструктивная деятельность трансцендентального субъекта предполагает данность разнообразных

ощущений как материал для деятельности (ибо строить можно только из чего-то), а также трансцендентную реальность вещи в себе, которая и производит ощущения.

Нужно сказать, что в послекантовском немецком идеализме, прежде всего в философии Фихте и Гегеля, конструктивистское понимание пошло гораздо дальше. Было снято противопоставление деятельности и вещи в себе, снят тезис о существовании независимой от деятельности сферы чувственной данности, весь мир опыта и вся реальность были поняты как продукт деятельности некоего Абсолютного Субъекта.

Эпистемологический конструктивизм противостоит эпистемологическому реализму. Из этого утверждения, однако, не следует, что любой антиреализм в эпистемологии является конструктивизмом. В эпистемологии и философии науки в XX в. были популярны разные версии эмпиризма. Философы, развивавшие эмпиристские концепции знания и познания, считали, что по большей части предметы, к которым относятся разные виды и типы знания, реально не существуют. Последние являются либо логическими конструкциями из чувственных данных (ранняя аналитическая философия, логический эмпиризм), либо продуктами осуществления лабораторных операций, в частности операций измерения (операционализм), либо вспомогательными орудиями для описания мира опыта (инструментализм). Хотя все эти философские концепции придавали большое значение конструирующей деятельности в процессе познания, для них конструкции служат для выявления, описания того, что есть, что дано в мире опыта: как в виде ощущений, так и в виде приборов и средств измерения. Иными словами, конструирующая деятельность при познании оправдана настолько, насколько она служит для познания того, что есть, существует. Хотя то, что существует, понимается иначе, чем в опыте обычного человека и в деятельности учёного-исследователя. Правда, философы, развивавшие подобные концепции, пытались показать, что исследователь в действительности как раз и работает в соответствии с их теориями, однако сам не понимает того, что реально делает: если учёный прислушается к мнению философов-методологов, то, как утверждали защитники этих взглядов, его работа станет намного эффективнее (та-

кие учёные на самом деле появились и стали строить теории в соответствии с подобными рекомендациями). Я считаю, что эмпиристский эпистемологический антиреализм всё же нельзя считать видом эпистемологического конструктивизма.

Одной из первых влиятельных конструктивистских концепций в эпистемологии XX в. был конструктивизм в обосновании математики, разработанный в 20-х гг. прошлого столетия. Согласно математическому конструктивизму, существуют только те математические объекты, которые можно построить. Важно заметить, что речь идёт не только о философском истолковании познавательной деятельности, а об определённых способах работы в математике: конструктивисты принимают не все методы математического доказательства и не все математические теоремы.

Сегодня интерес к эпистемологическому конструктивизму стимулирован тремя концепциями.

1. Критика американским философом У.Селларсом так называемого «мифа о данности». Имеется в виду тезис Селларса о том, что никаких данных, в том числе чувственных, в процессе познания не существует. То, что принимается за данное, в действительности является продуктом конструктивной деятельности, в частности, деятельности построения познаваемого мира — предметной онтологии — посредством различных языковых средств. Критика «мифа о данности» близка к общепринятой сегодня в эпистемологии и философии науки критике фундаменталистских концепций, исходивших из того, что существует некое неизменное основание, являющееся конечным пунктом обоснования всех познавательных построений.

2. Так называемый радикальный эпистемологический конструктивизм. Эта позиция разделяется рядом философов и учёных (в основном в Германии и Австрии), работающих в разных областях: биологии, нейрокибернетики, психологии. Согласно этой концепции, которая претендует на осмысление результатов ряда научных дисциплин, познаваемый мир — это только продукт деятельности нашего мозга. Сторонники этих идей используют созданную чилийскими биологами Ф.Варелой и Р.Матураной теорию аутопоэтических систем. То, что кажется познанием внешнего мира, в действительности, как считают сторонники

этих взглядов, является отношением между элементами внутри аутопоэтической системы. Некоторые из этих конструктивистов даже развивают идеи «методологического солипсизма».

3. Социальный конструкционизм, популярный среди психологов и социологов. Идеи социального конструкционизма оказали влияние на понимание производства и распространения научного знания. С точки зрения социальных конструкционистов при исследовании психики, сознания, человеческой личности мы имеем дело не с реальными предметами, а лишь с конструкциями двоякого рода. Во-первых, это продукты социальных взаимодействий, разного рода коммуникаций, имеющих культурно-исторический характер. В разных культурах и в разное время эти конструкции будут разными: поэтому и личность, и «Я», и субъективный мир будут выглядеть по-разному, а может быть, вообще не будут иметь места. Во-вторых, сам исследователь вместе с тем, кого он исследует, строит изучаемый предмет, который вне этого процесса не существует. То, что принимается за познание, в действительности таковым не является. Поэтому в этом случае невозможно строить теории (т.к. не существует предметов, к которым они могли бы относиться) и проводить эксперименты, предполагающие существование процессов, которые экспериментально исследуются. Психолог или социолог, с этой точки зрения, являются в действительности не исследователями, а участниками в создании определённых социальных отношений, некоей эфемерной социальной реальности, о которой можно говорить лишь в условном смысле, ибо она существует только в рамках конструктивной деятельности.

Я кратко скажу, к каким парадоксам приводит конструктивистская концепция в эпистемологии.

Радикальный эпистемологический конструктивизм утверждает тезис о том, что действительность есть лишь конструкция, существующая внутри аутопоэтической системы в ответ на некий толчок извне. Но в этом случае возникает странная картина. Анализ такого рода систем должен обосновать конструктивистский тезис о том, что никакой действительности, реальности на самом деле нет, т.к. то, что мы принимаем за последнюю, — лишь продукт действия аутопоэзиса. С другой стороны, разговор об аутопоэтических системах возможен лишь

при условии понимания этих систем как реально существующих в реальном окружении и при взаимодействии с последним. Получается, что «мир находится в мозгу, а мозг в мире». Я уже не говорю о том, что невозможно понять внутренние перестройки в такого рода системах, если не учитывать необходимости получения информации из внешнего мира. Нужно сказать, что кантовский конструктивизм (на который любят ссылаться сторонники данной точки зрения) является гораздо более последовательным. Ибо Кант принципиально не смешивал эмпирическую установку обычной жизни и научного познания с трансценденталистской установкой и считал невозможным исследовать трансцендентальный вопрос о возможности познания с естественнонаучных позиций. Но именно это и пытаются делать исследователи, разделяющие точку зрения радикального эпистемологического конструктивизма.

Что касается социального конструкционизма, то он тоже не может свести все реальные процессы к конструкции. Ибо вынужден исходить из того, что реально существуют социальные процессы, конструирующие познание, знание, мир субъективности. Реально существуют люди, вступающие между собою в деятельностно-коммуникативные отношения. Существуют созданные людьми предметы, в которых объективированы социальные и культурные смыслы. Но тогда непонятно, почему нужно отказываться в реальном существовании природным процессам. Чем они хуже социальных? К тому же, если считать, что все модели реальности — лишь продукт социальных отношений и в подлинном смысле слова знаниями не являются, тогда и саму концепцию социального конструктивизма нужно считать продуктом социальных взаимоотношений, а не попыткой нечто понять, познать.

В действительности конструирование и реальность не исключают, а необходимо предполагают друг друга. Это и есть позиция конструктивного реализма, которую я разделяю. Попробую очень кратко разъяснить основные моменты этой позиции.

1. Познаваемая реальность не «непосредственно даётся» познающему и не конструируется им, а извлекается посредством деятельности. Познаётся не вся реальность, а лишь то, что познающее существо может освоить в формах своей деятельно-

сти. Этот вопрос был неплохо разработан в нашей философии в рамках так называемого деятельностного подхода. За последние 30 лет такого рода понимание становится всё более популярным в мировой психологии и когнитивной науке, в том числе в связи с растущим влиянием «экологической теории восприятия» известного американского психолога Дж. Гибсона. В этой связи я хочу сделать два важных замечания.

Первое. Человек и вообще любое познающее существо воспринимает и познаёт реальность в рамках определённых онтологических предпосылок. Эти предпосылки могут переживаться как «данные» (например, в случае восприятия или при пользовании родным языком), а могут сознательно конструироваться, как это имеет место в научном познании. В рамках разных онтологий реальность будет постигаться по-разному. Можно сказать, что познающие существа живут как бы в разных мирах и что эти миры есть результат конструкций. Именно на этом обстоятельстве основывается эпистемологический конструктивизм. Существенно, однако, то, что та или иная онтология принимается только постольку, поскольку она «работает», помогает ориентироваться в мире, в каком живёт то или иное существо, и позволяет выделить те аспекты мира, которые соотносятся с нуждами познающего. Это значит, например, что эталоны человеческого восприятия («перцептивные объект-гипотезы»), отлично действующие в земных условиях, могут перестать работать в случае попадания в совершенно иную обстановку (например, на другую планетную систему). Онтологические схемы, лежащие в основании той или иной научной картины мира, заменяются другими, если они перестают соответствовать развивающемуся научному познанию, осваивающему новые горизонты реальности. Очень важно не интерпретировать онтологические схемы в кантовском духе — как результат субъективных конструкций по «эту сторону опыта», а реальность понимать как вещь в себе «по ту сторону». В действительности каждая онтология, если она успешна в определённых условиях, выделяет те или иные аспекты самой реальности. Реальность многообразна и многослойна, и познающее существо имеет дело только с некоторыми её характеристиками. Так, например, человек, сидящий и работающий за столом, собака, подбежавшая к хозяину и улег-

шаяся под столом, и таракан, огибающий ножку стола, воспринимают один и тот же предмет — стол. Но воспринимают они его по-разному. Для собаки стол не существует как то, что может использоваться для еды или написания текстов, таракан, по-видимому, не может воспринять стол в его целостности. Все эти существа живут в мире, в котором существует стол, но они воспринимают его в соответствии со своими онтологическими схемами и, как сказали бы когнитивные психологи, «когнитивными картами». Если существуют инопланетные разумные существа, то можно полагать, что они будут воспринимать и постигать мир, в том числе и наше земное окружение, иным образом, чем мы. Если бы были существа, размеры которых сопоставимы с размерами элементарных частиц, они смогли бы непосредственно воспринимать эти частицы, что невозможно для человека.

Второе. В современной науке серьёзно обсуждаются гипотезы о существовании миров, лишь в некоторых из которых находятся наблюдатели (не обязательно люди). Это, например, космогоническая теория Линде о существовании нескольких Вселенных и предложенная Х.Эвереттом интерпретация, согласно которой в процессе квантово-механического измерения возникает несколько параллельных миров, лишь в одном из которых находится исследователь. Таким образом, реальность не только познаётся по-разному разными существами и одним и тем же существом в разное время. Существуют такие сферы реальности, которые в данное время не познаются никем, а возможно, никогда и никем не будут познаваться.

2. Я считаю, что социальные конструкционисты в психологии проделали очень важную работу, показав, что субъективный мир человека, по крайней мере в его смысловой части, есть результат социально-культурных коммуникаций. В действительности они продолжили работу нашего великого психолога Л.С.Выготского, на которого они ссылаются как на своего предшественника. Однако я не могу принять их эпистемологических выводов. Если «Я», личность, идентичность — это социальные конструкции, из этого вовсе не следует их нереальность. Не всё, что сконструировано, нереально. И стол, за которым я сижу, тоже построен, сконструирован. Однако он не перестаёт

от этого существовать. Феномен «Я» возникает в определённом возрасте и в определённых культурно-исторических условиях. Но когда «Я» возникло, оно становится реальностью, при этом такой, в которой далеко не всё ясно как самому его носителю, так и другим. Можно сказать, что все социальные институты есть продукт человеческой деятельности, т.е. в некотором смысле конструкции. Но из этого не следует их нереальность. Человек вообще создаёт такие предметы (как материальные, так и идеальные), которые как бы выходят из-под его контроля и начинают жить вполне самостоятельной реальной жизнью. Это и социальные институты – и поэтому можно и нужно изучать их структуры, строить о них теории. Это и субъективный мир человека – предмет психологических исследований, как теоретических, так и экспериментальных. Это мир идеальных продуктов человеческого творчества, развивающийся по своим особым законам, как показал ещё К.Поппер. Эти идеальные предметы до такой степени отделяются от породившего, сконструировавшего их творца, что сегодня многие считают бессмысленным ставить вопрос об их авторстве.

Социальное конструирование существует в рамках реальных социальных взаимодействий и в контексте развития социальных систем. Оно предполагает также взаимодействие общества с природными процессами. Поэтому позиция социального конструкционизма при правильном её истолковании вполне сочетается с точкой зрения эпистемологического реализма. В этом, в частности, убеждают работы известного английского философа и психолога Р.Харре. Последний – один из лидеров социального конструкционизма в психологии. В то же время он – эпистемологический реалист.

3. Сегодня в связи с развитием нанотехнологий проблема взаимоотношения природных и социально-культурных, естественных и искусственных процессов, органического развития и человеческого конструирования является одной из наиболее острых – не только в теоретическом, но и в плане сугубо практическом, в отношении возможных последствий применения нанотехнологий для человека, в том числе последствий весьма опасных. Дело в том, что нанотехнология начинает конструировать предметы и материалы, оперируя теми единицами ре-

ального мира (атомы, элементарные частицы), которые философы-эмпирики считали логическими конструкциями из чувственных данных, а конструктивисты – простыми фикциями. Естественно, что для эпистемологического конструктивизма проблемы взаимоотношения естественного и искусственного не существует, т.к. для него не существует естественного. Между тем энтузиасты нанотехнологий предлагают понять человека как космиурга, как конструктора реального Космоса. Эта конструктивистская научно-техническая и социальная установка в случае её принятия угрожает подорвать бытийные основания человека, его деятельности и познания. Это весьма современная проблематика, которую нужно обсуждать. Но это можно делать только при условии признания того обстоятельства, что наша деятельность вписана в реальность и пытается её трансформировать. А это и есть установка конструктивного реализма.

Дискуссия

В.М.Розин: Отличаете ли вы эпистемологическое осмысление реальной работы учёных и саму эту работу?

В.А.Лекторский: Смысл вашего вопроса, по-видимому, в том, что вы сомневаетесь в той интерпретации реальной познавательной деятельности, которую я предлагаю в рамках концепции конструктивного реализма. Вы, как я думаю, зная вашу позицию, считаете, что в действительности процесс познания соответствует в большей мере его конструктивистской интерпретации. Конечно, то, как учёный осознаёт свою деятельность и то, как её интерпретирует философ – эпистемолог или методолог, – это разные вещи. Но я же не просто декларировал свою эпистемологическую позицию, а пытался обосновать её с помощью анализа того, что реально делают учёные: предполагают существование ненаблюдаемых объектов, не только меняют онтологические допущения, но и ищут способы перехода от одних из них к другим, находят неизвестные связи в тех объектах, которые создал сам человек: идеальные предметы, научные концепции, социальные институты, субъективный мир. Я пытался показать, что сам смысл эпистемологических и этических

ких проблем, возникших в связи с развитием современных нанотехнологий, можно понять только на основе позиции конструктивного реализма, которую я защищаю. А вот для эпистемологического конструктивизма, который исходит из того, что природа не существует вне нашего разговора о ней, такой проблемы не существует. При этом я считаю, что позиция конструктивного реализма лучше, чем другие интерпретации, учитывает то, как сами учёные осознают свою деятельность.

В.Ф.Петренко: Не кажется ли вам, что предложенный вами термин «конструктивный реализм» — это оксюморон, некий семантический кентавр, который пытается объединить две несочетаемые позиции? И потом, что является реальностью в случае психологического исследования? Когда мы имеем в виду естественные науки, то там ещё можно говорить об объективной действительности, о реальности в каком-то смысле. Но о какой реальности можно говорить, когда психолог имеет дело с такими феноменами, как субъективные переживания, воображение, мышление, свобода воли и т.д.? Ведь эти феномены весьма чувствительны не только к установке того, кто их имеет, но и к субъективной позиции их исследователя. В таких случаях конструктивистская эпистемология предпочтительнее реалистической.

В.А.Лекторский: Прежде всего замечу, что не я предложил термин «конструктивный реализм». Он используется в мировой философской литературе весьма уважаемыми авторами. Никакого оксюморона не возникает по той причине, что в действительности любая конструкция предполагает реальность, в которой она осуществляется и которую она выявляет и пытается трансформировать. С другой стороны, как я пытался показать, реальность выявляется, актуализируется для субъекта только через его конструктивную деятельность. При этом реальность должна пониматься как многослойная и многоуровневая. Разные уровни не сводимы друг к другу, хотя между ними есть отношения зависимости. Способы существования разных уровней различны. Поэтому можно говорить о существовании «разных миров», каждый из которых реален и связан с другими. Физический мир, например, это не только микромир, но и макромир: мир деревьев, животных, людей, столов и стульев. Сказать, что стул не существует, что это наша иллюзия, что имеется

только некоторая концентрация атомов и элементарных частиц в определённой области пространства и времени, было бы в высшей степени странно (хотя некоторые физики утверждали именно это). Существуют числа, теории, идеи, хотя это уже другой способ существования. Существует субъективный мир, и это тоже реальность, хотя иного рода, чем реальность физического рода. Об особенностях субъективной реальности написано много, и вся западная философия начиная с Декарта пыталась понять природу реальности вообще на основе анализа субъективности. Но последняя именно всё-таки реальность. Поэтому я могу рефлексировать над собственными переживаниями, т.е. пытаться осознать и познать их (иной раз неудачно), и исследователь-психолог может изучать мои психические процессы со стороны, конструировать теории в этой связи, проводить эксперименты. Но субъективная реальность как объект изучения не конструируется процессом её исследования. Она в значительной мере конструируется социальными коммуникациями, но это уже другой вопрос: одно дело, как она возникает и существует, другое дело, как она исследуется. К тому же, как я уже говорил, то, что создаётся человеком, может приобрести статус реальности и вести довольно самостоятельное существование, выходя из-под контроля своего создателя.

Идея предпосылочности научного знания и современный конструктивизм

Говоря о конструктивизме как направлении современной неклассической эпистемологии науки, прежде всего на Западе, следует, на мой взгляд, подчеркнуть, что это понятие не тождественно деятельностному или конструктивно-деятельностному подходу к научному знанию вообще. Последний значительно шире и включает различные течения философско-методологической мысли. В частности, вряд ли целесообразно характеризовать как «конструктивизм» направления деятельностного подхода к познанию в отечественной методологии науки – ту же концепцию Г.П.Щедровицкого и его последователей, при том сразу же оговорюсь, что деятельностный подход в нашей литературе не исчерпывается работой и этого течения. В свою очередь понятие конструктивизма на Западе также требует своих уточнений. Не ставя в данном тексте задачи подобного анализа, я исхожу из того, что характерной чертой конструктивизма выступает идея предпосылочности научного знания как порождающего механизма его формирования. Я хотел бы подчеркнуть, что именно развитие идеи предпосылочности обусловило в значительной мере специфику современной проблематики эпистемологии науки, ее остроту, что проявляется и в распространении релятивистских и постмодернистских интерпретаций современного конструктивизма, и постклассической эпистемологии науки в целом. Важным условием плодотворного анализа всей этой

проблематики является, на мой взгляд, рассмотрение логики эволюции самой идеи предпосылочности в истории философско-методологической мысли.

Если говорить об идейных источниках современного конструктивизма в историко-философской традиции, то их, конечно, в первую очередь следует связывать с именем И.Канта. Вообще значение идей Канта для современной неклассической эпистемологии науки трудно переоценить — это повсеместно признается представителями философского сообщества нашего времени различной идейной ориентации¹. Что же касается идеи предпосылочности, то у Канта получила свое четкое выражение та система взглядов, которую несколько условно можно назвать классическим конструктивизмом, чтобы отличить эту систему взглядов от представлений современного постклассического конструктивизма, которую можно рассматривать как результат более поздней эволюции конструктивистских идей. Именно в гносеологии Канта, в его специфической концепции априоризма, в его идее априорного синтеза сформировалось представление о предзаданных познавательной деятельности системе предпосылок и «краевых условий», выступающих, говоря современным языком, порождающими механизмами научного знания, выделение которых в методологической рефлексии вычерчивает некую особую реальность предшествующих наличному знанию неявных установок сознания, обуславливающих формирование этого знания.

Среди этих установок, как они представлены в априоризме Канта, следует, на мой взгляд, в перспективе дальнейшей эволюции в направлении современного конструктивизма, в качестве течения в неклассической эпистемологии науки, обратить

¹ См., например: *Рокмор Т.* Постнеклассическая концепция В.С.Стёпина и эпистемологический конструктивизм // *Человек, наука, цивилизация. К 70-летию академика В.С.Стёпина.* М., 2004. С. 252. По мнению отечественного философа Е.А.Мамчур, кантовская теория познания во многом, а возможно, и в основных своих чертах является наиболее адекватной процессу познавательной деятельности человека (*Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм. М., 2004. С. 29). Мнение Е.А.Мамчур тем более симптоматично, что она является решительным противником релятивизма в современной эпистемологии науки.

особое внимание на учение Канта о синтетических основоположениях рассудка, которое зачастую как-то затушевывается в обычном школьном изложении его априоризма. Между тем именно это учение имеет прямую корреляцию с представлениями о парадигмах, научных картинах мира, твердом ядре исследовательских программ в современной методологической литературе. Понятие априорных основоположений рассудка вводится Кантом тогда, когда он начинает рассматривать с точки зрения своих исходных установок естественнонаучное знание как некую целостную систему. Априорные основоположения и выступают в качестве необходимых предпосылок, лежащих в основании этой системы. Речь идет, таким образом, о некоторых исходных предпосылках естественнонаучного взгляда на мир, т.е., современным языком говоря, научной картины мира. Именно такие предпосылки и являются, по Канту, априорными в строгом смысле слова. Они лежат в основе «суждений опыта», выражающих конкретные законы науки. Последние носят всеобщий и необходимый характер, который придается им априорностью лежащего в их основе схематизма основоположений, однако сами они не являются априорными суждениями, поскольку для их получения требуется специфический опыт, который сам не заложен в основоположениях. Этот момент следует оговорить специально, поскольку было бы грубым упрощением полагать, что Кант рассматривает конкретные законы естествознания непосредственно как априорные положения. На самом деле он, напротив, подчеркивает, что мы должны отличать эмпирические законы природы, всегда предполагающие особые восприятия, от чистых или всеобщих законов природы, которые, не основываясь на особых восприятиях, содержат лишь условия их необходимого соединения в опыте². Кант специально оговаривает, что частные законы касаются эмпирически определенных явлений и для их познания необходим опыт, «хотя в свою очередь знание об опыте вообще и о том, что может быть познано как предмет опыта, дается нам только упомянутыми априорными законами»³.

² См.: *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 4(1). М., 1965. С. 140.

³ Там же. С. 124–125.

Итак, под «априорными основоположениями» Кант понимает не конкретные законы и утверждения науки, а именно некоторые исходные принципы, относящиеся, по его мнению, к той области знания, которая «под именем общего естествознания предшествует всякой физике (основанной на эмпирических принципах)...»⁴. Среди этих принципов Кант указывает такие, как «*субстанция сохраняется* и постоянна, *все, что происходит, всегда заранее определено некоторой причиной* по постоянным законам и т.д. Это действительно общие законы природы, существующие совершенно a priori»⁵.

Нетрудно убедиться, что эти «действительно общие законы природы» не что иное как возведенные в ранг априорной аподиктичности исходные постулаты современной Канту естественнонаучной картины мира. Иными словами, Кант канонизирует и абсолютизирует в виде априорных необходимых истин не просто фундаментальные законы естественнонаучной теории, но некоторые исходные онтологические постулаты современного ему механистического естествознания. Они не являются непосредственно законами науки, скажем законами классической механики, но тем не менее они существуют в качестве более или менее ясно осознаваемых и принимаемых научным сообществом того времени определяющих принципов интерпретации природы.

У Канта эти принципы начинают рассматриваться не как общие утверждения о бытии, как это имело место в классической онтологии, а как порождающие научное знание структуры трансцендентального сознания. Впоследствии в эпистемологии XX в. отвергнутый Кантом термин «онтология» возвращается в философскую литературу, но уже в новом послекантовском значении. Заметим, что в отечественной традиции деятельностного подхода к научному знанию с самого начала не было того негативизма к понятию онтологии, которое в западной философии науки явилось следствием господства неопозитивизма и которое преодолевалось в постпозитивизме. При этом сами онтологические принципы, конечно, понимались не в духе докритической

⁴ См.: *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 4(1). М., 1965. С. 112–113.

⁵ Там же.

онтологии, а в русле методологизма, как «онтологические утверждения и конструкции, касающиеся соответствующей предметной области изучения и представляющие ее в виде... объективной ситуации, создаваемой (мысленно или вещественно-экспериментально) самим исследователем, в виде системы объективированных допущений, упрощений, идеализаций и т.д., и т.п.»⁶.

Оценивая всю эту концепцию Канта, следует, на мой взгляд, четко осознавать два ее аспекта, которые, конечно, в ее реальном осуществлении тесно переплетены друг с другом. С одной стороны, несомненно учение Канта сохраняет определенную преемственность с классической гносеологией. Кант трактует свои априорные формы рассудка как непреложные и безальтернативные, говоря современным языком, в духе последовательного монологизма. Благодаря этому априорные условия устройства рассудка, по словам М.К.Мамардашвили, «остаются чем-то непонятным и мистическим. Мы не слишком далеко ушли здесь от декартовских “врожденных идей” или лейбницевских “предрасположений” и от субстанциалистского понимания мышления»⁷. Вспомним, с какими трудностями сталкивалась всегда философская мысль при попытках рационально понять природу априоризма у Канта и в ее интерпретации, разумеется, неадекватной, отчасти был повинен и сам Кант. Все это, безусловно, дань классической гносеологии, и только в этом смысле и можно, на мой взгляд, говорить о вписанности кантовского неклассического конструктивизма в последнюю. И именно исходя из этой монологичности Канта, Р.Рорти, например, ставит его в один ряд с такими мыслителями, как Платон и Декарт, считая, что их всех объединяет вера в наличие некоей привилегированной познавательной системы. Однако у Канта по сравнению с названными философами сама эта привилегированная познавательная система трактуется существенно иначе, что позволяет квалифицировать его концепцию как предвозвестницу неклассической эпистемологии. Кантовский априоризм, как известно, включен в структуру «критической философии» с ее отрицанием метафизической укорененности априоризма. Принципи-

⁶ См.: *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 4(1). М., 1965. С. 112–113.

⁷ *Мамардашвили М.К.* Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания). М., 1968. С. 15, 67.

ально важно то, что для Канта любые научные построения выступают лишь «конечными» познавательными моделями, не могущими претендовать на полное схватывание реальности, на проникновение в сущность вещей. Это относится и к механистической картине мира, на основе которой Кант формулирует свою систему «чистого» естествознания. Как отмечала в свое время Л.М.Косарева, образ механизма начинает приобретать в культуре Нового времени сакральный характер⁸. Кант, в соответствии с исходными установками своего критицизма, «десакрализует» механицизм, лишает его характера универсальной онтологии в классическом смысле, его априорные основоположения естествознания не могут обладать однозначным метафизическим статусом, несмотря на всю свою монологичность. Недаром известный русский философ Е.Н.Трубецкой в своей книге «Метафизические предположения познания» упрекает Канта за то, что, оборвав метафизические корни познания, он открывает дорогу злейшему врагу априоризма в классическом смысле этого понятия — прагматизму.

И действительно, дальнейшее развитие посткантовской методологической мысли привело в западной философии науки XX в. к концепции функционального или прагматического априори. Следует заметить, что по существу понятие априорности основоположений естествознания уже содержит потенциал того функционально-методологического понимания априорности, которое более последовательно и радикально было развернуто поздними кантианцами. Для них определяющим признаком априорности является особая функциональная роль данного элемента знания, выступающая в качестве обязательной предпосылки обоснования системы знания в целом⁹.

⁸ См.: *Косарева Л.М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997. С. 56.

⁹ Русский неокантианец А.И.Введенский подчеркивает, например, что в «априорности мыслится лишь одна необходимость считать данное суждение заведомо годным для знания, несмотря на его недоказуемость, вопрос же о происхождении этого суждения остается в понятии априорности открытым во все стороны» (*Введенский А.И.* Логика как часть теории познания. Пг., 1917. С. 384). Виндельбанд же говорит о телеологической необходимости априорных аксиом, т.е., иначе, об их функциональной необходимости в системе научного знания (*Виндельбанд В.* Прелюдии. СПб., 1904. С. 233).

Априорность, таким образом, теряет свой первоначальный гносеологический смысл независимости от опыта и становится лишь обозначением исходных принципов системы знания. Даже во времена господства логического позитивизма с его радикальным отрицанием идеи синтетического априори в любой его форме раздавались голоса о необходимости реабилитации понятия синтетического априори, но в ослабленном по сравнению с ортодоксальным кантианством виде (К.Льюис, А.Пап и др.). Как писал, например, в 40-е гг. прошлого столетия – как мы помним, годы пика влияния так называемого стандартной концепции науки – американский философ науки А.Пап, «мы принимаем кантову доктрину синтетических априорных принципов только постольку, поскольку они постулируются как неизменные и необходимые образующие условия опыта. Однако Кант не доказал и не мог доказать, что эти образующие условия не имеют альтернатив. Регулятивные принципы действительно не опровергаются опытом до тех пор, пока они используются как регулятивные принципы. Но опыт может внушить мысль об удобстве изменения данного регулятивного принципа или отказа от него¹⁰. В более поздний период несомненный интерес представляет обращение к идее синтетического априори Канта выдающегося биолога К.Лоренца, основателя этологии, взгляды которого легли также в основу эволюционной эпистемологии как направления современной неклассической философии. К.Лоренц исходит из того, что живое существо активно строит свое отношение к окружающей среде на основе генетически предопределенной, т.е. в этом смысле априорной программы. В этом и заключается, по Лоренцу, рациональный смысл концепции априоризма у Канта для естествоиспытателя. Заметим, что здесь нетрудно усмотреть сходство позиции австрийского биолога с нашими отечественными идеями «физиологии активности», той же идеей моделей потребного будущего Е.А.Бернштейна. В то же время Лоренц четко дифференцирует это современное научное понимание априорности от собственно кантовского – априорность толкуется Лоренцем как возни-

¹⁰ *Pap A. The apriori in Physical Theory. N. Y., 1946. P. 72–73.*

кающая в процессе эволюции (т.е. апостериорно) приспособительная и тем самым изменчивая способность организма к решению витальных задач¹¹.

Если же взять современную постпозитивистскую методологию науки, то в ней, с одной стороны, окончательно закрепляется представление об особом статусе исходных содержательно-онтологических принципов в системе научного знания — основоположений, говоря языком Канта, — которые выступают как матрицы формирования конкретных научных знаний (исходные принципы научных картин мира в отечественной философии науки, метафизические компоненты парадигмы Куна, твердое ядро исследовательских программ Лакатоса), но, с другой стороны, решительно отвергается кантовский «монологизм» с его идеей единой и неизменной безальтернативной внеисторической системы абсолютно априорных постулатов, очерчивающих содержательное поле теоретического разума. Исходные функционально априорные основоположения науки должны истолковываться, тем самым, как некие устойчивые образования, обеспечивающие конструктивную деятельность по формированию и совершенствованию научных знаний в контуре закрытой рациональности; но в то же время при определенных условиях подверженные изменению и пересмотру в духе «открытой рациональности», что призвано препятствовать их догматизации, вырождению «закрытой рациональности» в догматическую псевдорациональность.

То принципиальное обстоятельство, что функционально априорные основоположения рассматриваются как открытые критике и пересмотру, лишаются своего характера безальтернативных постулатов теоретического разума, как это было у Канта, обуславливает переход к рассмотрению научного знания как гетерогенного образования, допускающего в принципе многообразии различных интерпретационно-моделирующих схем, лежащих в их основе. Таким образом, научная рациональность не может жестко связываться с какой-то конкретной онтологией, она определяется не содержанием этой онтологии, той кар-

¹¹ Лоренц К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии // Человек. 1997. № 5. С. 22.

тиной мира, которую она рисует, а способом работы с онтологией, в первую очередь той критичностью и самокритичностью, которая является непреложным условием рационально-теоретического научного мышления. Исходным принципом последнего, если угодно, его императивом, должно выступать убеждение в том, что Реальность всегда шире, богаче, полней любых человеческих представлений об этой Реальности и что поэтому недопустима канонизация содержания любой картины мира. То, что представляется странным или невозможным в рамках принятой в известное время «парадигмальной» модели мира, может быть освоено и осмыслено на ином уровне исходных содержательно-онтологических предпосылок. Открытая научная рациональность должна руководствоваться не сакраментальной фразой: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда», а скорее известным шекспировским изречением о тайнах мира, недоступных нашим мудрецам. Другое дело, что любые представления, если мы пытаемся ввести их в пространство научно-рациональной мысли, должны быть освоены и критически осмыслены с позиций норм научного мышления, что, кстати, не исключает того, что они могут существовать в человеческой культуре на уровне вненаучного сознания.

Итак, можно выделить следующие этапы движения от классической к неклассической конструктивистской эпистемологии, связанные с эволюцией понимания предпосылочности научного знания: 1) «десакрализация» этой предпосылочности, ее понимание как исходных контуров моделирования реальности в научном знании, не претендующее на схватывание коренных свойств реальности «как она есть» в ее подлинности (критицизм Канта); 2) переход к пониманию относительности, функциональности предпосылочности научного знания при обязательном признании ее конструктивной роли в формировании научного знания (реабилитация кантовской идеи синтетического априори на новых методологических основаниях), методологическая трактовка онтологии; 3) признание правомерности существования различных интерпретационно-моделирующих схем, в основе которых лежат свои онтологические картины мира, что стимулирует вынужденный отход от классической трактовки научного знания в духе монологизма. Заме-

тим, что специфика столкновения конкретных форм научного знания — различных теорий, концепций и гипотез — что само по себе свойственно, конечно, любому этапу истории науки в «неклассической» ее интерпретации, — рассматривается именно в контексте несовпадения, конфликтов исходных предпосылочных структур, что остро ставит незнакомую классике проблему соизмеримости или несоизмеримости этих структур. Хорошо известно принятие второй альтернативы в концепции Т.Куна. Положение осложняется еще и тем, что различие исходных интерпретационно-моделирующих структур определяется не только и даже не столько различием собственно познавательного подхода к реальности, но и многообразными мировоззренческими, социокультурными и социопсихологическими факторами, задающими так называемое человеческое измерение познания. Таким образом, в неклассическом конструктивизме размывается принципиальная для классики строгая демаркация теоретического и практического разума в осуществлении конструктивной деятельности по формированию научного знания: «Между познаваемыми объектами... и познающим субъектом стоят мировоззренческие, культурные и ценностные предпосылки познавательной деятельности, несомненно влияющие на интерпретацию и истолкование фактов и даже на содержание теоретических принципов и постулатов научных теорий», — четко признает Е.А.Мамчур, решительно выступающая в то же время в поддержку объективизма в интерпретации науки¹².

Говоря о признании сосуществования различных интерпретационно-моделирующих схем как о характерной черте неклассического когнитивизма, не следует, разумеется, забывать о том, что и монологизм классической гносеологии исходит из факта дискуссий и конкуренции различных точек зрения. Он, однако, предполагает, что при всех коллизиях и трудностях познание может и должно выйти на достаточно надежную почву несомненности. При этом монологическое сознание в своих более тонких формах допускает относительную правоту чужих точек зрения, необходимость усовершенствующих модификаций своих позиций, однако для него такая открытость выступа-

¹² *Мамчур Е.А.* Объективизм науки и релятивизм. М., 2004. С. 33.

ет лишь как средство поглощения, «снятия» этих позиций в рамках своей доктрины, которая осуществляет притязания на монополию истины. Конкурирующие позиции сознания рассматриваются, таким образом, в лучшем случае как своего рода оселок, средство совершенствования своей собственной позиции¹³. Монологизм тем самым принципиально враждебен любым формам идеи «дополнительности» в трактовке познания, представлению о том, что подлинная реальность открывается в различных своих ракурсах и благодаря лишь сочетанию многообразных, в том числе и находящихся между собой в противоречиях и конфликтах, позиций сознания.

Вынужденный отход от монологизма в современной гносеологии науки ставит перед ней, конечно, весьма трудные и неоднозначно решаемые проблемы. На мой взгляд, здесь не следует ни бросаться в крайности релятивизма, ни стремиться, опасаясь этих крайностей, отстаивать классическую точку зрения на выработку единственно верной точки зрения в процессе соревнования различных позиций. Я не согласен с Е.А.Мамчур, что единственной альтернативой монологизма является представление о том, что споры в науке ведутся «просто из любви к искусству»¹⁴. На мой взгляд, современная эпистемология науки не должна исходить из того, что в соревновании различных познавательных позиций обязательно должна возобладать одна позиция, одна теория, одна парадигма, и что только такой подход может спасти нас от релятивизма. Я полагаю, что если мы действительно не на словах, а на деле отходим от идеологии монологизма и признаем необходимость перехода на позиции диалогизма, то даже успехи в течение длительного времени одной какой-либо теории или парадигмы не дают окончательных оснований для того, чтобы ставить точку в процессе познания и, наоборот, неудачи, неумение справиться с трудностями,

¹³ Заметим, что именно такой разновидностью монологического сознания, конечно, весьма своеобразной и далекой от примитивного догматизма, на мой взгляд, является позиция Сократа в знаменитых сократических диалогах Платона, где позиция его оппонентов служит лишь материалом для разворачивания его собственной системы взглядов.

¹⁴ *Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм. С. 8.

контрпримерами, внутренними и внешними противоречиями в равной степени не исключает возможности последующего позитивного развития. (Ср. точку зрения И.Лакатоса о возможности возрождения, казалось бы, бесперспективной исследовательской программы.) Иными словами, приходится признать перманентность процесса соревнования различных парадигм и исследовательских программ, не одну из которых, несмотря на ее неудачи, не следует «с ходу», так сказать, сбрасывать со счета, как равным образом не надо рассматривать как окончательно правильную. И если Е.А.Мамчур соглашается с тем, что кантовская теория познания «во многих, а возможно, и основных своих чертах является наиболее адекватной процессу познавательной деятельности человека»¹⁵, тем самым соглашаясь с принципиальным кантовским постулатом о феноменальности познания, то мы не можем разделять позицию совпадения содержания мысли и реальности, «как она есть сама по себе» относительно любой даже кажущейся нам вполне достоверной познавательной концепции. И такой подход, отправляющийся, как уже было отмечено, от кантовского критицизма, на мой взгляд, отнюдь не обязательно ведет к переходу на релятивистские позиции. Конечно, разочарование в существовании безусловной истины, открывающейся монологическому сознанию, может приводить к релятивистскому плюрализму, когда все точки зрения и взгляды в принципе оцениваются как равноправные и считается, что у нас нет четких эпистемических критериев, позволяющих обеспечить предпочтение одной точки зрения над другой. Принимается, что предпочтения, конечно, могут быть, но они проистекают из ценностных, эстетических, прагматических и т.п. установок и соображений. То есть что-то вроде подхода в известном анекдоте: и ты прав, и он прав, и все по-своему правы. Наряду с такой псевдотолерантностью релятивизм может приводить и к идеологии «войны всех против всех», воплощающейся, в частности, в агрессивном самоутверждении, не встречающем противодействия в виде какого-либо внешнего авторитета, вера в который начинает оцениваться как догматизм. Таким образом, релятивистский плюрализм, приходящий

¹⁵ *Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм. С. 29.

на смену «единонемыслию» догматической псевдорациональности, не менее чем последнее контрпродуктивен для подлинного научного сознания, поскольку в нем отсутствуют предпосылки для «коэволюции», конструктивного взаимодействия различных позиций. Отсутствие такого взаимодействия привело бы к распаду научного сообщества, к утере его способности к плодотворному функционированию и развитию, деятельности по выработке наиболее успешных и конструктивных познавательных моделей. Такой подход прежде всего неконструктивен, и, по существу последовательно проводимый, он стал бы капитуляцией перед реальной сложностью проблемы. Релятивистское «доброе и зло внимающее равнодушие» или озлобленная борьба «всех против всех», не оглядывающаяся ни на какие нормы и ценности, никак не могут соответствовать реальной практике плодотворного научно-познавательного процесса. В своей реальной практике ученый никогда не становится и не может стать на релятивистские позиции. Незавершенность процессов оценивания различных точек зрения и неадекватность примитивных критериев этого оценивания в плане эффективности решения познавательных задач не исключает того, что такой процесс постоянно идет, и в любой его фазе можно с той или иной степенью определенности оценить конструктивность имеющихся познавательных позиций. Разделяя по существу установку «открытой рациональности», научное сообщество в целом стремится определить для себя реальные возможности своих отдельных «подразделений», вырабатывающих соревнующиеся теории, гипотезы, исследовательские программы, каждая из которых в определенный момент времени обладает известными, рационально оцениваемыми преимуществами или, наоборот, некоторыми слабостями. Такая картина, согласимся, весьма далека от пассивного релятивизма и от споров из «любви к искусству».

Взгляд на научно-познавательную деятельность как пространство взаимодействия коллективных субъектов, связанных со своими системами исходных интерпретационно-объяснительных схем и предпосылок, влечет за собой четкое осознание того принципиального обстоятельства, что наука представляет собой специфическую форму социальной деятельности. Научное

знание лишается при этом своего внеисторического и внесоциального статуса, при котором его авторитет зиждется на том, что оно является продуктом действия некоей надчеловеческой силы, как бы эта сила ни именовалась на специальной философской языке — трансцендентальное сознание, чистый разум, абсолютная идея и пр. Субъекты научно-познавательной деятельности в свете современных представлений о ней не могут апеллировать к подобной надчеловеческой силе, претендовать на то, что они являются ее проводниками и выступают от ее имени. Все это существенно меняет саму предметность современной неклассической эпистемологии по сравнению с классической гносеологией. Неклассическая эпистемология оказывается сопряженной с социальной философией, философской антропологией и философией культуры. Результативность деятельности научного сообщества в целом во многом определяется типом социального поведения составляющих его коллективных субъектов, конструктивностью их взаимодействия. Мы сталкиваемся здесь, таким образом, с более широкой принципиальной современной цивилизационной задачей — как обеспечить позитивную коммуникацию различных позиций в культуре, не впадая в «войну всех против всех», в различные формы догматической агрессивности или, напротив, беспринципного релятивистского «плюрализма». Поиски конструктивного взаимодействия с Другими являются, несомненно, важнейшим вызовом современного сознания, без всякого преувеличения являющимся необходимым условием выживания человеческой цивилизации.

Конструктивность взаимодействия с позициями Других связывается обычно с понятиями толерантности и диалогичности. Ниоим образом не подвергая сомнению значимость заложенных в этих понятиях принципов, следует, однако, предостеречь против бездумного употребления этих понятий, превращения их в легковесные расхожие штампы, непонимание всей сложности возникающих здесь проблем, необходимости ответственного к ним отношения. Говоря о толерантности, приходится иметь в виду, что употребление этого термина, к сожалению, во многом дискредитировано истолкованием его в духе пресловутой «политкорректности», по существу лицемерной и лживой.

Апелляция же к диалогичности зачастую носит поверхностный характер, является данью моде, не опирается на необходимый концептуальный анализ.

Из сказанного выше вытекает необходимость тщательного философского анализа соответствующих понятий. В отношении понятия толерантности такой анализ проделал В.А.Лекторский¹⁶. Оказывается, что за термином «толерантность» зачастую скрываются смыслы весьма далекие от того позитивного содержания, которое должно ассоциироваться с этим термином. По мнению В.А.Лекторского, можно выделить четыре возможных способа понимания толерантности, и только один из них является плодотворным в той ситуации, с которой столкнулась современная цивилизация. Первое из этих пониманий выступает как по существу безразличие к существованию различных взглядов и практик, т.к. последние рассматриваются как несущественные перед лицом основных проблем, с которыми имеет дело общество, и поэтому их можно просто игнорировать. Второе понимание толерантности исходит из того, что различные культурные и познавательные установки в принципе равноправны и всех их следует уважать, но в то же время они несоизмеримы и поэтому они не могут взаимодействовать друг с другом. Третье понимание толерантности явно или неявно предполагает преимущество своей позиции перед позицией Другого и установку на демонстрацию этого преимущества, и вместе с тем невозможность убедить Другого в этом преимуществе. Толерантность здесь заключается в том, что я вынужден терпеть взгляды, несостоятельность которых я понимаю и могу показать. Подобная толерантность выступает как снисхождение к позиции Других, сочетающаяся с некоторой долей презрения к ним. На мой взгляд, именно такого рода менталитет лежит неявно в основе печально известной лицемерной политкорректности. И, наконец, подлинная конструктивная толерантность предполагает расширение собственного опыта и критический диалог. Каждая культура, ценностная и познавательная система не только вступает в борьбу с другой системой, но так или иначе пытается учесть опыт другой системы, расширяя

¹⁶ См.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 21–31.

тем самым горизонт своего собственного опыта. Речь идет о необходимости видеть в иной позиции то, что может помочь мне в решении проблем, которые являются не только моими собственными, но и проблемами других людей и других культур.

Итак, подлинная толерантность и уважительное отношение к позициям Других заключается не в формальном признании их права на существование, за которым нередко скрывается равнодушие или высокомерие, а стремление использовать то ценное, что содержится в этих позициях, пусть даже и ценой изменения собственной позиции. Необходимым условием такой толерантности является, таким образом, открытость и самокритичность своего сознания. Механизмом реализации этой открытости и самокритичности выступает диалог. В наше культурное сознание это понятие вошло в связи с работами М.М.Бахтина. К сожалению, мода на его использование, на мой взгляд, не всегда сопровождалась должной критической рефлексией, которая предотвращала бы его абсолютизацию и превращение в некоего очередного идола, на которые столь падко наше отечественное сознание. Рассматривая понятие диалога в контексте эпистемологии науки, прежде всего надо учитывать, что сам диалог как культурологическое понятие и связанная с ним проблематика человеческого сознания шире понятия диалога применительно к научно-методологической проблематике, понимания диалогичности в духе диалогической научной рациональности. И рассматривая понятие диалога в этом широком культурологическом ключе, мы сталкиваемся, как, по нашему мнению, справедливо отмечает В.Г.Шукин, с вырожденными формами диалогического общения, когда «диалог оказывается все в большей степени лишенным интеллектуального смысла — той самой его сути, о которой писал и за которую всю жизнь боролся Бахтин»¹⁷. В общем, проводимый В.Г.Шукиным тщательный анализ всей этой проблематики заставляет согласиться с его выводами о недопустимости жесткой ценностной иерархии различных форм человеческого самовыражения, среди которых находит свое место и диалог, и монолог, и вопль, и молчание.

¹⁷ Шукин В.Г. О диалоге и его альтернативах. Вариации на тему М.М.Бахтина // *Вопр. философии*. 2007. № 7. С. 32–44.

Разумеется, тот лишенный интеллектуального содержания «диалог», об опасности которого предупреждает В.Г.Щукин, никоим образом не может быть ориентиром для современного неклассического научного сознания, стремящегося уйти от недостатков монологизма. Диалоговость в этом сознании, в общем и целом, лежит в русле выдвинутой и разработанной Ю.Хабермасом концепции «коммуникативной рациональности», в основе которой лежит убеждение в объединяющем, вырабатывающем консенсус диалогическом дискурсе, в процессе которого преодолеваются разногласия в пользу рационально мотивированного согласия. При этом в идеале в диалоговой коммуникации предполагается «неслиянность» взаимодействующих сознаний, их встреча не приводит к угасанию их самостоятельности, как это подразумевается идеей синтеза в диалектической схеме. Иными словами, специфичность диалоговой рациональности как формы неклассического сознания заключается в признании перманентности диалога, что, впрочем, не исключает достижения на определенных этапах согласованных позиций.

Концепция коммуникативной рациональности Ю.Хабермаса подвергалась, как известно, жесткой критике за неоправданный идеализм, недостаток здравого прагматизма, невнимание к механизмам силы и власти, господствующим в обществе, и т.д. Все эти упреки во многом справедливы по отношению к коммуникативной рациональности как общесоциологической доктрине, но они, на мой взгляд, не подрывают конструктивности идеи коммуникативной рациональности как некоей регулятивной идеи в рамках научного этоса, идеалы которого исключают недобросовестность, плагиат, использование административного ресурса и прочие «прелести» включенности реальной науки в жизнь общества, так же как несовпадение реального поведения людей с нравственными идеалами не означает неконструктивности последних.

Перманентность диалога, то, что конкуренция различных исследовательских программ, обуславливаемых не сводимыми друг к другу системами исходных предпосылок, не заканчивается с точки зрения диалоговой коммуникативной рациональности окончательной победой или поражением одной из этих программ, которая получила бы монопольное право на истину,

на схватывание реальности «как она есть на самом деле», вовсе не означает, что «споры в науке ведутся просто из любви к искусству». Все эти споры ведутся в контексте достижения цели совершенствования, развития различных точек зрения, изобретения более успешных интерпретаций и схем, которые, однако, не теряют своего характера относительных моделей реальности, в принципе сохраняющих дистанцию по отношению к последней. На мой взгляд, нет жесткой альтернативы: или истина в классическом духе, в духе монологизма, или релятивизм. В конце концов, почему мы так легко отказываемся от старой идеи относительности истины, в которой несомненно есть определенное рациональное содержание, снимающее хотя бы догматичность вышеуказанной альтернативы. Дискуссии в науке — это вовсе не соревнование в риторике, это мощный инструмент отбора наиболее жизнеспособных взглядов. Здесь безусловно правомерна выдвигаемая так называемой эволюционной эпистемологией аналогия с естественным отбором в живой природе. И так же как в живой природе жизнеспособность различных ее форм определяется их способностью решать стоящие перед ними жизненные задачи, так в конкуренции научных программ и позиций выживают те, которые оказываются более успешными в решении стоящих перед наукой задач. Здесь, конечно, возникает естественно напрашивающийся вопрос: какие именно это задачи и каковы критерии их успешности? В классической гносеологии ответ был достаточно прост и ясен — конечной задачей является выход на финишную прямую совпадения содержания знания с природой исследуемого объекта. И соответственно критерии такого совпадения тоже были достаточно ясны — это была очевидность проникновения в объект, схватывания его в непосредственной достоверности для познающего субъекта, «естественный свет» разума, интеллектуальная или эмпирическая очевидность.

Очевидно, что эти критерии не срабатывают и не могут срабатывать в ситуации оценки современного научного знания. В частности, не срабатывают многообразные варианты критерия эмпирической проверяемости вплоть до уточненных его версий в «методологии исследовательских программ» И.Лакатоса. «История науки может рассматриваться как история по-

стоянно флуктуирующих, зарождающихся и исчезающих теоретических и экспериментальных практик. Из всего этого виртуального моря только те традиции способны выжить, которые могут поддержать друг друга, взаимно усилить друг друга, приводя к расширению и углублению наших знаний о мире»¹⁸. Сказанное выше не означает, конечно, отрицания роли эмпирического фактора в оценке теорий. Однако эта оценка носит гораздо более сложный характер, чем это представлялось в классике.

Наконец, в заключение несколько слов о влиянии на проблематику оценки научного знания в современной эпистемологии науки в связи с тем, что она вынуждена учитывать воздействие на формирование научного знания различных вненаучных ценностных, социокультурных, этико-мировоззренческих и т.д. факторов. Конечно, неклассическая эпистемология науки не может не учитывать всех этих факторов. Однако мне все-таки представляется, что здесь приходится вспомнить рациональный момент известной старой идеи о различии «контекста открытия» и «контекста оправдания». Какие бы факторы вненаучного характера ни определяли возникновение исследовательских программ, теорий, гипотез и т.д., оцениваются они научным сообществом все-таки с точки зрения их познавательной эффективности. Скажем, сейчас много споров идет вокруг учения Дарвина. Выявляются его вненаучные предпосылки, в частности, концепции естественного отбора. Но все-таки серьезная критика связана не с этим, а с познавательными возможностями его теории. Если бы с этими возможностями не возникало бы проблем, то не было бы и особого внимания к предпосылкам из вненаучной области. То есть критическая рефлексия в первую очередь порождается проблемами в познавательной сфере, а уже затем ищут источники этих проблем в области вненаучных предпосылок.

¹⁸ Нугаев Р.М. Смена базисных парадигм: концепция коммуникативной рациональности // *Вопр. философии*. 2001. № 1. С. 122.

Дискуссия

В.М.Розин: К вопросу о предпосылочности знания. Ведь у Канта два типа предпосылок. Одни как бы искусственные, а вторые как бы естественные: разум, опыт, вещь-в-себе и пр. Таким образом, непонятно, является ли Кант с его признанием такого рода предпосылок конструктивистом?

В.С.Швырёв: Система априорных предпосылок у Канта не является творением человека. Поэтому, с моей точки зрения, о конструктивизме у Канта можно говорить лишь в том смысле, что система априорных предпосылок выступает как некий порождающий механизм, механизм производства знания. Будучи заданы человеку, эти предпосылки выступают средством, орудием его деятельности по производству знания.

А.А.Воронин: Мне кажется, что представления о конструктивизме в познании перекочевали из представлений в социальных сферах. Каким образом можно представить себе различие между конструктивизмом в науке и конструктивизмом в других типах ментальности?

В.С.Швырёв: Гигантское значение кантианства как раз состоит в том, что все формы ментальности были рассмотрены через призму априорных исходных форм. Подчеркивается, что везде существует определенная система предпосылок и она везде оказывает свое формирующее воздействие. Различие — в отношении к этой системе предпосылок, в способе работы с ними. И мифологическое сознание, и научное сознание строят определенные представления о мире, исходя из некоторой системы предпосылок, но только научному сознанию свойственен критицизм по отношению к этим предпосылкам.

Конструктивизм как идея и направление

Первое соображение о важности тематики конструктивизма состоит в том, что она содержит в себе современную форму проблематизации отношений между наукой и философией. Философия провозглашает, что человеческой деятельности внутренне присущ креативно-конструктивный характер, определяющий природу человека как проекта. Одновременно философское мышление выводит релятивистские следствия из данного тезиса и вынуждено заниматься их осмыслением. Наука также всегда колеблется между реализмом и конструктивизмом, но она выбирает свой путь стихийно, в зависимости от типа научной деятельности и ее предметности. Анализ научного знания позволяет философу находить аргументы и контраргументы и избегать крайне релятивистских выводов, обсуждая тему конструктивности. И в то же время именно философский анализ показывает универсальность конструктивистской точки зрения, в том числе и применительно к науке.

Поэтому стоит проводить достаточно ясное различие между тем, как идея конструктивности проводится и осуществляется в науке, и тем, как ученый рефлексировал над своей деятельностью, употребляя термин «конструктивизм», с одной стороны, и тем, как в философии эта идея разрабатывается, с другой. На фоне этого различия, которое представляется мне существенным, вместе с тем мы видим, что современная эпистемология отличается в своих сущностных чертах междисциплинар-

ным подходом, и острота этого противостояния как бы снимается. Эпистемология усваивает результаты и отчасти даже методы специальных наук, а может быть, и наука тоже отчасти воспринимает некоторые философские идеи. Но тем не менее я хотел бы подчеркнуть, что научный и собственно философский смыслы понятия «конструктивизм» надо разводить, если мы вообще не хотим утратить в эпистемологии собственно философскую, или трансцендентальную позицию. И это никак не исключает того, что современная эпистемология, которую часто называют неклассической, обречена на то, чтобы быть конструктивистской в достаточно существенном смысле.

Второе основание, которое показывает нам важность этой темы, состоит в том, что, обращаясь к ее изучению, мы тем самым повышаем уровень своей образованности в отношении современной западной философии, переоткрываем то, что в ней давным-давно было, но что в ней находилось за пределами мейнстрима. Под ним я имею в виду линию философии науки, ведущую от первого и второго к третьему позитивизму, которая, конечно же, не исчерпывает собой все значимые направления эпистемологии и философии науки.

Конструктивизм часто фигурирует в общественном сознании, которое имеет разные пласты, более поверхностные и более глубинные. На некоторых пластах термин «конструктивизм» становится одним из модных словечек, наряду с такими разными вещами, как «постмодернизм», «синергетика», «дискурс-анализ», которые тоже отличаются остро модным характером. С термином «конструктивизм» связываются определенные ожидания, в частности, это ожидания, которые относились и к другим аналогичным программам междисциплинарного характера; это надежды на эффективную парадигматику науки и философии, а также на финансирование некоторых проектов, которые на определенном уровне нашего сознания выглядят достаточно заумными. Конструктивизм — это не просто мода, как мне представляется, это еще своеобразная, если хотите, технократическая мода, по крайней мере, применительно к гуманитарным наукам, которым тем самым придается флер научного знания. И не в последнюю очередь от звучного слова «конструктивизм» ожидают собственно практического применения,

решения, которое могло быть применимо на практике эффективно, причем не только в отношении эпистемологических, но и практических социальных проблем. Если человек разрабатывает некоторую теорию конструктивности, то имеется в виду, что она применима не только для сознания, но и в широком смысле, так сказать, поскольку сознание руководит нашей деятельностью, поскольку деятельность осуществляется в социальном контексте, т.е. по сути дела она нам должна давать некоторый инструмент социального преобразования.

Что же касается философского смысла конструктивизма как идеи и направления, то, на мой взгляд, конструктивизм выступает как вариант универалистского подхода к миру, человеку и познанию. Это подход, в котором осмысливается и синтезируется ряд идей, характерных для современной математики, логики, а также и для естественных и гуманитарных наук. Как же можно в целом определить, что такое конструктивизм? Я буду рассматривать его в первую очередь как направление в эпистемологии и философии науки, в основе которого лежит представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении или конструировании образов, понятий, рассуждений. Из этого следует, что в рамках философии вообще конструктивизм подчеркивает конструктивность всякой познавательной деятельности. И в этом смысле он выступает как альтернатива любой метафизической онтологии и эпистемологического реализма. Я бы хотел напомнить, что, как правило, в философском употреблении различается узкий и широкий смысл термина «конструкция». В узком смысле конструкция касается построения понятий, восприятий в геометрии и логике, в широком смысле «конструкция» относится к достаточно различным аспектам миропонимания и самосознания, которые отличаются организующим, структурирующим, формирующим характером. Под расплывчатым именованьем «конструктивизм» объединяются разные философские концепции, подчеркивающие активный конструктивный смысл восприятия, познания и самой реальности. Вместе с тем конструктивизм — это общее обозначение направлений и подходов к науке, искусству и философии, в которых понятие конструкции играет главную роль в изображении про-

цессов порождения предметов. Можно напомнить, что в эпистемологии и философии науки XX в. конструктивистские направления формировались, дистанцируясь от некоторых эмпирических традиций, которые были ориентированы на естествознание XIX в., с одной стороны, и от формалистской математики, с другой. Понятно, что ссылки на конструктивность могут быть обнаружены в самых разных областях, начиная от логики, математики, наук о природе до наук о культуре, до обыденного знания, и такого рода ссылки, конечно же, используют авторитет ученых и философов, таких как Евклид, Кант, Фреге, Динглер, Пиаже и ряд других. В самом предварительном плане можно сказать, что все многообразие конструктивистских концепций распадается на две части. Принято выделять две группы конструктивистских подходов – это натуралистический и культуральный конструктивизм.

Для того чтобы понять истоки этого направления, необходимо вспомнить о Канте, который должен был самоопределился в отношении дискуссий в античной математике. Речь идет о том, что в античной математике конфронтировали между собой в понимании математического знания, с одной стороны, школа Евдокса, а с другой стороны, Платоновская академия. Так вот, Кант занял позицию Евдокса, согласно которой в качестве доказательств существования математического объекта дается указание на принципы его конструирования или возможность его анализа как определенной конструкции. И в этом смысле геометрические теоремы служат исключительно исследованию общих свойств конструктивных объектов. Для платоновской Академии эта позиция была неприемлема потому, что общее как предмет математики существует объективно, и здесь речь идет не о том, чтобы его конструировать, а о том, чтобы его открыть. Так вот, в узком смысле конструктивность, связываемая с Кантом, как раз и имеет отношение к кантовскому пониманию математики. Кант использует понятие конструктивности для демаркации философии от математики. Философия определяется как дискурсивно-разумное понятийное познание. В нем особенное рассматривается с позиции общего, а само общее в абстрактном смысле – с помощью понятий. Напротив, математическое познание производно от некоторого интуитив-

ного использования разума путем конструирования понятий. Слово «интуитивное» здесь ключевое для дальнейшего развития математики в направлении интуиционизма. Это интуитивное использование разума служит тому, чтобы общее рассматривалось в особенном. Конструировать понятия, как мы знаем, по Канту, это представить соответствующую ему форму чувственности. Это — конструктивность в узком смысле. Но помимо этого, с кантовской философией связано и широкое использование термина «конструирование» или «конституирование» в смысле создания образов мира явлений. Провозглашаемая Кантом креативно-конструктивная точка зрения опровергает реализм объектов и явлений мира и подчеркивает конструктивность миропонимания и самосознания путем указания на трансцендентальную способность воображения, на трансцендентальную природу схематизма, который занимает посредствующее положение между чувственностью и рассудком. Ну и далее обязанное Канту понятие интеллектуального созерцания закладывается в основу идеи философского конструктивизма. И здесь я должен поддержать нашего уважаемого гостя Тома Рокмора, когда он указывает на то, что идея конструктивности была воспринята всей немецкой послекантовской философией и играла в ней чрезвычайно существенную роль. Надо сказать, что далеко не в полной мере кантовские идеи оказались востребованы в XX в., и логический конструктивизм Рассела, Уайтхеда, который требовал свести предложения и термины математики к логике на основе некоторых идей Фреге, пошел значительно более простым путем. Тем не менее он оказался достаточно influential, и в дальнейшем его воспринял Р.Карнап.

Примерно этим же путем шел первоначально глава эрлангенской школы в философии науки П.Лоренцен, который относительно мало у нас известен, как раз потому, что в дальнейшем именно он закладывает основу так называемого методического конструктивизма и конструктивистской философии эрлангенской школы, которая образует один из полюсов вообще конструктивистской парадигмы. Это полюс в свете уже упомянутой дихотомии натуралистического и культурального конструктивизма, конечно же, находится в непосредственной связи с последним, т.е. с культуральным. Очень много фамилий

здесь надо перечислять для того, чтобы дать какую-то более-менее связную картину, надо говорить и о П.Бриджмене, и о Г.Динглере, согласно которому объекты научного знания конструируются с помощью специфических для науки методов. Ну и, конечно, нельзя пройти мимо различия между методическим и радикальным конструктивизмом, которое не полностью совпадает с различием натуралистического и культурального конструктивизма. Их различие в первоначальном виде в середине 1960-х гг. было далеко не очевидным, и их основатели Сильвио Цекато и Гуго Динглер излагали очень близкие идеи. Сильвио Цекато — вообще человек практически неизвестный в российской философии, насколько я знаю, это тоже пример того, как обращение к конструктивизму позволяет вводить в эпистемологический оборот совершенно новые фигуры. Его идеи в дальнейшем были унаследованы такими более известными для нас людьми, как П.Лазарсфельд, У.Матурана, Ф.Варела, Х. фон Форстер. Все это была линия радикального конструктивизма. Им противостоял Гуго Динглер, который тоже породил целый куст своих последователей, Лоренцена, В.Камлаха, П.Яниха — в основном это немцы. Эти направления в дальнейшем разошлись в разные стороны и сегодня характеризуются натуралистической ориентацией радикального конструктивизма и культуральной ориентацией методического конструктивизма. Надо также упомянуть конструктивистскую теорию символа и интерпретации, которые сегодня достаточно влиятельны. В современной немецкой философии эти идеи излагаются целым кругом относительно молодых авторов, которые транслируют их в Соединенные Штаты, и можно сказать, что благодаря им эта тематика находится на переднем плане развития эпистемологии. Речь идет не только о давно знакомом Н.Гудмене, но и о таких фигурах, как Гюнтер Абель и его старший коллега Ханс Ленк.

Особым типом конструктивизма является социальный конструктивизм. Он отличается от других тем, что сформировался в рамках социально-гуманитарных наук. Его исходной предпосылкой явился своеобразный фундаментализм, который, вообще-то говоря, в философии естествознания к тому времени был по сути дела отброшен. Обществоведы, принявшие позицию холизма, отказавшись от социального атомизма и индивиду-

лизма, в основном исходят из понятия социума как целого, которое больше суммы своих частей. И поэтому понятие общества такого рода можно использовать как эксплананс при объяснении частных социальных феноменов: практических действий, речевых актов, экономических структур, религиозных и политических убеждений. И каждый из такого рода феноменов конституируется из совокупности выполняемых им социальных функций или ролей. В социологии научного знания такого рода методы социального конструирования оказались особенно востребованы, начиная со второй половины 1970-х гг., и причем востребованы в самых разных вариантах: в экстерналистском, с которым мы связываем имена Д.Блура, Б.Барнса, Г.Коллинза, С.Шейпина, а также в интерналистском варианте, который развивался Б.Латуром, С.Вулгаром, К.Кнопп-Цетиной. В экстернализме конструирование когнитивных феноменов достаточно широкого круга от первобытной магии до современной науки строилось в форме их редукции к набору убеждений и верований, принятых в рамках некоторой социокультурной группы. Именно эти убеждения и верования — Блур их называет «социальная образность» — как раз играли ключевую роль. Их и следовало анализировать для того, чтобы понять частные когнитивные феномены. Тем самым понимание всякого частного когнитивного феномена есть, по сути дела, операции редукции. Это редукция к некоторым параметрам социального целого, но взятого тоже достаточно локально, как некоторая группа, в которой эти идеи формулируются, но это группа не эпистемического типа, а просто группа, в которой живет человек. В интернализме, напротив, объяснение научных теорий и фактов исходит из самой структуры научного сообщества, которое, тем не менее, в значительной степени, скопировано с общества в целом. В частности, в таком научном сообществе фундаментальный характер играет коммуникация между учеными, и коммуникация эта в первую очередь выражает их субъективные интересы и стремление к успеху, благосостоянию, престижу. Поэтому в процессе научного общения первоначальные факты, полученные в лаборатории, зафиксированные в журнале наблюдений, трансформируются до неузнаваемости: от протокола лабораторных наблюдений до отчета перед науч-

ным фондом или ученым советом пролегал дистанция чудовищного размера. Так вот, предлагая такого рода проекты, социология научного знания, казалось бы, справилась с наиболее трудной задачей, которая стояла перед социологическим объяснением естествознания. Еще ранее в трудах Маркса, Мангейма и др. различные формы политической и религиозной идеологии были разоблачены с помощью редукции к социальным потребностям и интересам. Теперь же понятия научной онтологии — такие как атом, кварк, материя, ген, естественный отбор и т.д. — были провозглашены опять же социальными конструкциями или конструктами. Открытие в них социального содержания, и более того, даже полная редукция этого содержания к социальным образам и аналогиям открывала дорогу к превращению естествознания в обществознание. Но при этом на обществоведов возлагалась чрезвычайно трудная задача: они были призваны перевести все результаты и методы науки, в первую очередь естествознания, и современной науки в том числе, на язык социологии. В скобках отметим, что это примерно то же самое, что перевести современный английский язык на язык племени мумба-юмба. Задача такого рода практической сложности обременялась еще и неизжитыми методологическими заблуждениями, а провозглашение специфики социального как предмета обществознания совмещалось с отрицанием специфики предмета наук о природе потому, что этот предмет, оказывается, можно редуцировать к предмету социологии. Методологический фундаментализм и редукционизм, превращенный из метода социальной критики в способ построения теоретического и систематического знания, обернулись против самих себя, потому что и понятия социально-гуманитарных наук тоже должны допускать социальную интерпретацию. Само понятие общества тоже, таким образом, есть социальный конструкт, происхождение которого можно объяснить только из самого себя.

В чем же состоит философский смысл дискуссий вокруг конструктивизма? Мне представляется, он состоит в том, чтобы еще раз попытаться дать общий взгляд на основные философские проблемы от эпистемологии до этики на основе некоторого глобального междисциплинарного синтеза. Задача впечатляющая, как мы понимаем. К жизни такого рода стремление

вызывается, конечно же, исчерпанностью классической программы фундаментализма в обосновании науки, а также несколько более новыми явлениями: необходимостью понимания процессов самоорганизации в природе и обществе. Я бы выделил три ключевых понятия, которые характеризуют современный конструктивизм, если попытаться осуществить, так сказать, неправомерное обобщение совершенно разных процессов. Это понятия целеполагания, обоснования и творчества. Является ли самоорганизация целеполагания прерогативой человека или она присуща всей живой или неживой природе? Представляет ли собой объяснение лишь приспособление непознаваемого мира к возможностям человека или корни познавательных способностей уходят далеко вглубь природы, где имеют место аналогичные информационные процессы? Трактовка природной самоорганизации как целесообразности вносит в конструктивизм элементы изначально чуждого ему платонизма. Вместе с тем, если конструирование является универсальным механизмом генезиса и развития природы и общества, то сама конструктивно-креативная деятельность познающего индивида получает некоторое надежное обоснование. Она не просто вытекает из некоторой духовной субстанции, но является развитием того, что в природе уже давным-давно было, и человек делает это на какой-то свой особенный лад. В таком случае пределы обоснованию следует искать не в глубинах человеческой субъективности, но в природных и социальных закономерностях. Эта точка зрения отличается натурализмом и монизмом, и ей противостоит другая, уже не натуралистическая, а методологическая и дуалистическая позиция, согласно которой конструктивность — уникальное свойство человеческого сознания и деятельности. Этим самым человек отличается от природы. В таком случае весь мир делится на пассивную реальность, которая подлежит преобразованию, и человека, который это преобразование относительно свободно осуществляет. Причем в основном человеческая свобода реализует себя именно в сфере сознания, благодаря чему и строится конструктивное объяснение и понимание человека и мира. Но в таком случае возникает проблема понимания этой человеческой субъективной способности, ее обоснования; она как бы повисает в воздухе. Эта методологическая

свобода оборачивается постоянной необходимостью решать парадоксы и антиномии, преодолевать ошибки и заблуждения, а процесс познания оказывается весьма рискованным и ответственным мероприятием. И мы в данной ситуации, осознавая относительность противопоставления этих двух позиций, должны делать определенный выбор — что нам ближе? Либо мы целиком и полностью обеспечиваем основательность человеческих претензий тем, что показываем, как они укоренены в мире, в процессах самоорганизации, и тогда нет проблем, человек вообще ни за что не отвечает. А можно принять другую позицию, согласно которой риск и ответственность — это неизбежная черта конструктивной деятельности и никуда от этого не деться.

Дискуссия

В.А.Лекторский: Илья Теодорович, у меня вопрос: Вы само какой позиции придерживаетесь?

И.Т.Касавин: Я не зря с самого начала попытался противопоставить научный и философский подход к конструктивизму и понятию конструктивности. Как мне представляется, эти две точки зрения соответствуют, хотя и не полностью, различию научного и философского подхода. Для науки главное все понять и объяснить. Для философии — главное проблематизировать. Поэтому когда мы подчеркиваем рискованность, неопределенность познавательной деятельности, ответственность человека за результаты, мы, вообще говоря, философствуем. А когда пытаемся ее целиком и полностью понять и объяснить — мы занимаемся наукой. Философская идея конструктивности познания не есть объяснение факта, это, скорее, критический взгляд на статус кво, а также надежда и мечта всякого творческого человека, распространенная на сознательных субъектов вообще.

К проблеме границ конструктивизма

Здесь уже обсуждались смыслы конструктивизма, но понятно, что, когда мы говорим о конструктивизме, за этим стоят определенные способы реконструкции, в рамках которых эти смыслы задаются. С этой точки зрения, возможны два типа реконструкции, причем одного и того же материала: один раз мы смотрим на интересующее нас явление в конструктивной модальности, а другой раз — как на естественное образование, причем оба способа могут быть соотнесены между собой. Возьмем, например, диалог Платона «Пир». С одной стороны, мы можем осуществить такую реконструкцию, в которой деятельность Платона выглядит как конструктивная. Рассмотрим ее.

Действительно, представления о любви в «Пире» совершенно новые, отличные от тех, которые существовали: народные представления о любви — понимание ее как страсть и действие богов. А Платон задает совершенно другой образ, герои «Пира» утверждают, что любовь — это действие самого человека, это вынашивание духовных плодов, стремление к целостности и поиску своей половины. При этом Платон задает эти новые представления о любви на особых схемах, которые могут быть истолкованы как конструкции, поскольку они явно сознательно построены. Например, герой «Пира» рассказывает миф об андрогине, но такого нарратива не было в номенклатуре народных мифов, его, очевидно, придумал сам Платон. Видно это и по самой конструкции мифа, а также потому, что в следующем

диалоге «Федр» Платон говорит, что в «Пире» он действовал сознательно: так, пишет Платон, поступили мы только что, говоря об Эроте: сперва определили, что это такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стали рассуждать; поэтому-то наше рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе.

Откуда, спрашивается, Платон извлекает новое знание о любви? Он не может изучать (созерцать) объект, ведь платонической любви в культуре еще не было, а обычное понимание любви было противоположно платоновскому. Платон утверждал, что любовь — это забота о себе каждого отдельного человека, а народное понимание языком мифа гласило, что любовь от человека не зависит (она возникает, когда Эрот поражает человека своей золотой стрелой); Платон приписывает любви разумное начало, а народное — только страсть; Платон рассматривает любовь как духовное занятие, а народ — преимущественно как телесное и т.п. Новое знание Платон получает именно из схем, очевидно, *он их так и создает, чтобы получить новое знание*. Однако относит Платон это знание, предварительно модифицировав его, не к схеме, а к объекту рассуждения, в данном случае к идее любви. Возникает вопрос: на каких основаниях, ведь объекта еще нет? Платон бы возразил: как это нет объекта, а идея любви, ее творец создал одновременно с Космосом, и душа созерцала совершенную любовь, когда пребывала в божественном мире. В данном случае *единая идея любви — это любовь как идеальный объект, любовь, сконструированная Платоном*. Такая любовь позволяет не только рассуждать без противоречий, но и любить по-новому (в плане реализации античной личности), позволяет она, уже как эзотерическая концепция, осуществлять себя в любви и самому Платону.

Понятно, что при такой реконструкции мы получаем представления о том, что Платон сознательно сконструировал новые представления о любви. К тому же именно он впервые вышел на концептуализацию, которую с современной точки зрения можно отнести к конструктивизму. В «Государстве» великий философ не только мыслит проектно по отношению к общественному устройству («Так давайте же, — говорит Платон устами Сократа, — займемся мысленно построением государства с самого начала. Как видно, его создают наши потребности»), но и

обсуждает условия реализации такого «проекта». К ним Платон относит наличие самого проекта и соответствующих знаний (заимствованных им из других своих работ), подготовку из философов, если можно так сказать, государственных работников и реформаторов, решивших посвятить свою жизнь общественному переустройству, наконец, поиск просвещенных правителей.

Все это, с одной стороны — одна реконструкция. С другой стороны, мы можем на «Пир» взглянуть иначе, расширив границы изучаемого, и при этом не отказываться от первой реконструкции. Так, в своих работах я показываю, что конструктивная деятельность Платона была вполне обусловлена¹. В это время формировалась античная личность. Личность — это человек, переходящий к самостоятельному поведению, сам выстраивающий свою жизнь. Такому человеку совершенно не подходило народное понимание любви. Для личности необходимы были личностно-ориентированные практики. И они начинают складываться. Это судопроизводство, где человек не столько защищался в юридическом смысле, сколько рассказывал сообществу, почему он пошел против традиции. Это театр, где, как показывает А.Ахутин, человек ставился в ситуации «амехании», т.е. необходимости действовать самостоятельно². Что бы герой античной драмы ни сделал, он нарушал традицию, поэтому он вынужден был действовать от себя. Это, кстати, такая практика, как личностно ориентированная любовь, которую, собственно, и подготавливает Платон. Наконец, даже те представления об идеях, которые использует Платон, говоря в «Федре», что, разные представления о любви мы относили к одной идее любви — эти представления тоже были культурно обусловлены. В «Метафизике» Аристотель пишет, что Сократ впервые стал строить определения, но он не превращал их в самостоятельные сущности, как это делали сторонники теории идей. Короче говоря, в этой второй реконструкции я стараюсь показать, что конструктивная деятельность Платона была обусловлена сложной социокультурной ситуацией и целым рядом процессов, ко-

¹ См.: Розин В.М. Античная культура: Этюды-исследования. М.—Воронеж, 2005. С. 65–83.

² См.: Ахутин А.В. Открытие сознания // Человек и культура. М., 1990.

торые в это время разворачивались. При таком взгляде получается, что конструктивная деятельность обусловлена разными естественными процессами.

А вот еще один яркий пример. Кто будет возражать против утверждения, что создание самолетов — конструктивная деятельность. Но вспомним, как люди к этому пришли. Замысел полета человека сложился задолго до того, как удалось построить первый аэроплан. В мифах архаических народов человек превращается в птицу и летает; причем это была фантазия, основанная на культурной идее (душа человека, по убеждению архаических людей, могла перейти в тело птицы). В Древней Греции был создан миф об Икаре, который сделал из перьев и воска крылья, чтобы летать и, действительно, полетел. В чем причина полета птицы, спрашивал античный ученый — и отвечал так: причиной полета являются крылья.

Позднее, в эпоху Возрождения Леонардо да Винчи создал проект машины, которая должна была летать, махая крыльями, как птица. Наконец, в конце XIX — начале XX столетия инженеры вышли на идеи и расчеты подъемной силы крыла, винта и мотора, что и позволило создать первые летающие аппараты. Иначе говоря, чтобы реализовать технический замысел самолета и стало возможным конструирование, должны были сложиться определенные культурные предпосылки, необходима была эволюция идей, науки и техники. В рамках этой эволюции и разворачивалась конструктивная и креативная деятельность человека, причем она была культурно и исторически обусловлена. Здесь возникает закономерный вопрос о том, как провести границу между искусственным, что характерно для конструктивизма, и естественным, характерным для естественной науки. Уже в работах Кузанца естественное начинает пониматься как аспект искусственного и наоборот. «Ничто, — пишет он, — не может быть только природой или только искусством, а все по-своему причастно обоим». Начиная же с XVI—XVII вв., когда творение осмысливается в категории «искусственного» (действия искусства), а присутствие и действие в вещах Бога с помощью категории «естественного» (природы), естественный и искусственный планы вещей сближаются.

В связи с этим Л. М. Косарева обращает внимание на то, что в работах Галилея уравниваются в правах «естественное» и «искусственное», которые в античности мыслились как нечто принципиально несоединимое. В эпоху Возрождения, пишет она, «впервые снимается граница, которая существовала между наукой (как постижением сущего) и практически-технической, ремесленной деятельностью, — граница, которую не переступали ни античные ученые, ни античные ремесленники: художники, архитекторы, строители»³. Более того, искусственное все больше понимается как культурное, как культура, без которой не может быть использована человеком и природа. Например, современник Галилея Грасиан в романе «Карманный оракул» пишет: «Природа бросает нас на произвол судьбы — прибегнем же к искусству! Без него и превосходная натура останется несовершенной. У кого нет культуры, у того и достоинств вполонину. От человека, не прошедшего хорошей школы, всегда отдает грубостью; ему надо шлифовать себя, стремясь во всем к совершенству... Совершенством является союз природы и искусства»⁴.

Кстати, если взять еще один пример, можно понять, как иногда устанавливается связь между естественным и искусственным. Обратимся к одному подростковому воспоминанию и переживанию Карла Юнга. Содержание этого переживания таково. Однажды в прекрасный летний день 1887 г. восхищенный мирозданием Юнг подумал: «Мир прекрасен и церковь прекрасна, и Бог, который создал все это, сидит далеко-далеко в голубом небе на золотом троне и... Здесь мысли мои оборвались и я почувствовал удушье. Я оцепенел и помнил только одно: Сейчас не думать! Наступает что-то ужасное. *(После трех тяжелых от внутренней борьбы и переживаний дней и бессонных ночей Юнг все же позволил себе додумать начатую и такую, казалось бы безобидную мысль. — В.Р.)* Я собрал всю свою храбрость, как если бы вдруг решился немедленно прыгнуть в адское пламя, и дал

³ Косарева Л. М. Методологические проблемы исследования развития науки. Галилей и становление экспериментального естествознания // Методологические принципы современных исследований развития науки: Реф. сб. М., 1989. С. 29—30.

⁴ Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон. М., 1981. С. 7—8.

мысли возможность появиться. Я увидел перед собой кафедральный собор, голубое небо. Бог сидит на своем золотом троне, высоко над миром — и из-под трона кусок кала падает на сверкающую новую крышу собора, пробивает ее, все рушится, стены собора разламываются на куски. Вот оно что! Я почувствовал несказанное облегчение. Вместо ожидаемого проклятия благодать снизошла на меня, а с нею невыразимое блаженство, которого я никогда не знал... Я понял многое, чего не понимал раньше, я понял то, чего так и не понял мой отец, — волю Бога... Отец принял библейские заповеди как путеводитель, он верил в Бога, как предписывала Библия и как его учил его отец. Но он не знал живого Бога, который стоит, свободный и всемогущий, стоит над Библией и над Церковью, который призывает людей стать столь же свободным. Бог, ради исполнения Своей Воли, может заставить отца оставить все его взгляды и убеждения. Испытывая человеческую храбрость, Бог заставляет отказаться от традиций, сколь бы священными они ни были»⁵.

Не правда ли, удивительный текст? Первый вопрос, который здесь возникает, почему подобное толкование мыслей является следованием воли Бога, а не наоборот, ересью и отрицанием Бога? Ведь Юнг договорился до того, что Бог заставил его отрицать и Церковь и сами священные религиозные традиции. Второй вопрос, может быть даже более важный, а почему, собственно, Юнг дает подобную интерпретацию своим мыслям? Материал воспоминаний вполне позволяет ответить на оба вопроса. В тот период юного Юнга занимали две проблемы. Первая. Взаимоотношения с отцом, потомственным священнослужителем. По мнению Юнга, отец догматически выполнял свой долг: имея религиозные сомнения, он не пытался их разрешить, и вообще был несвободен в отношении христианской Веры в Бога. Вторая проблема — выстраивание собственных отношений с Богом, уяснение отношения к Церкви. Чуть позднее рассматриваемого эпизода эти проблемы были разрешены Юнгом кардинально: он разрывает в духовном отношении и с отцом, и с Церковью. После первого причастия Юнг приходит к решению, которое он осознает так:

⁵ Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. С. 46, 50.

«В этой религии я больше не находил Бога. Я знал, что больше никогда не смогу принимать участие в этой церемонии. Церковь — это такое место, куда я больше пойду. Там все мертво, там нет жизни. Меня охватила жалость к отцу. Я осознал весь трагизм его профессии и жизни. Он боролся со смертью, существование, которой не мог признать. Между ним и мной открылась пропасть, она была безгранична, и я не видел возможность когда-либо преодолеть ее»⁶.

Вот в каком направлении эволюционировал Юнг. На этом пути ему нужна была поддержка, и смысловая и персональная. Но кто Юнга мог поддержать, когда он разрывает и с отцом, и с Церковью? Единственная опора для Юнга — он сам, или, как он позднее говорил, «его демон». Однако понимает этот процесс Юнг иначе: как уяснение истинного желания и наставления Бога. Именно подобное осознание происходящего и обуславливает особенности понимания и интерпретации Юнгом своих мыслей. Юнг, самостоятельно делая очередной шаг в своем духовном развитии, осмысляет его как указание извне, от Бога (в дальнейшем — от бессознательного, от архетипов), хотя фактически он всего лишь оправдывает и обосновывает этот свой шаг. На правильность подобного понимания указывает и юнгеанская трактовка Бога. Бог для Юнга — это его собственная свобода, а позднее — его любимая онтология (теория) — бессознательное. Поэтому Юнг с удовольствием подчиняется требованиям Бога, повелевающему стать свободным, следовать своему демону, отдаться бессознательному.

Итак, приходится признать, что Юнг приписал Богу то, что ему самому было нужно. Интерпретация мыслей Юнга, так же как затем и других проявлений бессознательного — сновидений, фантазий, мистических видений — представляет собой своеобразную форму самосознания личности Юнга. Превращенную потому, что понимается она неадекватно: не как самообоснование очередных шагов духовной эволюции Юнга, а как воздействие на Юнга сторонних сил — Бога, бессознательного, архетипов. Но для нас данный материал подсказывает, как могут быть связаны два плана — естественный с искусственным.

⁶ Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. С. 64.

Есть естественные ситуации, внутри которых реализуется конструктивная деятельность личности. В этом плане, например, можно говорить, что Платон становится инструментом культурного бытия, культурной жизни. Существует совершенно поразительный пассаж у Г.П.Щедровицкого, относящийся уже к концу его жизни, когда он пишет, что в двадцать лет пережил удивительное ощущение, почувствовал, что на него село мышление⁷. И дальше он говорит: на самом деле не я мыслю, а мыслит мышление. На мой взгляд, более интересно работать вот с такой сложной конструкцией, где нет отдельно конструктивизма и естественных процессов, а есть конструктивная деятельность креативной личности, встроенная в естественные образования. А дальше такой шаг. Есть задачи, когда можно рассматривать явления только чисто конструктивно. Например, Петр Энгельмейер создает свою теорию технического творчества. Другая ситуация. Идеи техноэволюции. В этом случае техническая деятельность представляется как чисто естественное образование. Как пишет, например, Борис Иванович Кудрин, «техника порождает технику».

Наконец, можно представить ситуации, когда мы имеем дело с диалектикой естественного и искусственного. Как, например, в концепции техники Х.Сколимовски. Ему нужно понять, каким образом техника порождает негативные незапланированные результаты. Сколимовски вводит понятие трансформирующей социальной реальности и показывает, что всякое изобретение запускает некие процессы трансформации. Само изобретение имеет искусственный характер, но оно запускает естественные процессы, которые меняют социальную действительность. Если для одних задач нам достаточно конструктивных концептуализаций, для других — естественных, то для третьих, как у Сколимовски, — их сочетание. Здесь, мне кажется, и можно охарактеризовать границы конструктивизма. Они задаются, во-первых, характером концептуализации, тем, какие типы концептуализации исследователи используют, это раз. Во-вторых, эти границы задаются типами задач. И, наконец, в-тре-

⁷ *Щедровицкий Л.П.* А был ли ММК? // *Вопр. методологии.* 1997. № 1–2. С. 9, 12.

тых, они задаются природой самого изучаемого явления. При этом есть случаи, когда явление необходимо рассматривать как естественное, но оно осуществляется через искусственную творческую деятельность человека.

Дискуссия

В.Ф.Петренко: Можно ли сказать, что в научную картину мира входят и личностные проекции?

В.М.Розин: Конечно! Но не только личностные. В целом, нужно анализировать те социокультурные детерминации, которые определяют искусственную конструктивную деятельность.

Н.М.Смирнова: А вот, Вадим, ты говоришь в конце, что границы конструктивизма задаются типами концептуализации и характером задач. А вначале ты сказал, что мы все-таки должны рассмотреть типы практик, в которых происходит это конструирование. В заключении ты этого не отметил. И поэтому я черпаю пример из твоего же собственного доклада и хочу сказать: а был ли Бог до тех пор, пока люди не начали на него молиться?

В.М.Розин: Ну, этот же вопрос Розову задавали, он уже отвечал на эти вопросы.

Н.М.Смирнова: Нет, он говорил о платонической любви! А теперь твой ответ.

В.М.Розин: Отвечу. Конечно, никакой платонической любви до Платона не было, хотя уже чувствовалась потребность в новых формах любви для становящейся античной личности.

Н.М.Смирнова: Я тебя о Боге спрашивала. Мне о Боге более интересно.

В.М.Розин: Подожди. Сложилась ситуация, которая требовала своего разрешения. Платон создает соответствующие схемы, пишет «Пир», и после него разворачивается практика платонической любви. Кстати, заметь: а дальше ее можно уже изучать. Когда она сформировалась, ее можно было изучать как вполне объективную вещь. То же самое относительно богов. Обратите внимание, представления о богах появляются лишь в культуре древних царств. В архаической культуре центральным было понятие души, никаких богов нет. В «Культурологии» я

показываю, что тут происходило. Общество переходило к мегамашинам и разделению труда. Мегамшины — это большие коллективы людей с жестким вертикальным управлением. Существует интересный параллелизм между разделением труда и мегамашинами, с одной стороны, и характеристиками богов — с другой. Бог бессмертен, и мегамшины действуют вечно. Например, армия как мегамашина. Люди проходят, а армия сохраняется. Дальше. Бог направляет человека и поддерживает его усилия. Но ведь в этой культуре человек не мыслил самостоятельных действий, он действовал только в рамках мегамашин. Переход к разделению труда и мегамашинам потребовал нового видения действительности, в результате и появляются боги. Представление о богах было сконструировано как условие перехода к разделению труда и мегамашинам. До этого никаких богов, естественно, не было.

В.А.Лекторский: Бог существует в культуре, а не культура в Боге?

В.М.Розин: Больше трех тысячелетий боги были культурной реальностью. В рамках этой реальности происходила организация человеческой деятельности, функционировали понимание, видение и т.д. Как физической реальности богов не было, но как культурной и психологической феномен боги существовали.

В.А.Лекторский: Вы атеист законченный, Вадим Маркович. А теперь, скажите — логика мышления до Аристотеля была или нет?

В.М.Розин: В своих работах показываю, что ее не было. Почему? Объясняю. Потому, что мышление, на мой взгляд, — это нормированное рассуждение. После того, как Аристотель создает правила и категории, он завершает длинный ряд усилий, начиная с Сократа.

Реплика: И Платон не мыслил?

В.М.Розин: Почему?

Реплика: а потому, что Аристотель был после Платона, а ты утверждаешь, что до Аристотеля не было логики мышления. Ну, ты же говоришь, начиная с Сократа. Рефлексия по поводу мышления появляется у Сократа.

В.М.Розин: Не рефлексия. Правила — это не рефлексия, извините меня. И категории — это не рефлексия. Нужно было, чтобы сформировалась соответствующая семиотическая маши-

на – правила, категории. Кстати рассуждения тоже были изобретены только в ранней античности. Не было рассуждений до античности, вы не найдете там никаких рассуждений.

В.А.Лекторский: Что вы понимаете под рассуждениями?

В.М.Розин: Рассуждения – это новый способ получения знаний на основе других знаний, минуя опыт. Таких способов получения знаний до античности не было. Так вот, изобретение рассуждений, создание правил и категорий, т.е. нормирование рассуждений, приводит к мышлению. Если вы посмотрите Аристотеля, то увидите, что он называет мышлением рассуждения по правилам и категориям. Такая семиотическая машина возникла только в античности, она была сформирована усилиями целого ряда античных философов начиная с Сократа. В этом смысле я и говорю, что мышления до античности не было. А новые знания, конечно, получались. Но они получались другими способами, на схемах, что я тоже показываю. Иначе говоря, существует два основных эпистемологических источника: самый древний – это схемы, второй, значительно более поздний – мышление. Вот представления о богах, о душе новые. А знания древнего мира получались на схемах⁸.

В.Г.Буданов: А формула усеченных пирамид – это тоже из схем?

В.М.Розин: Ну естественно. В античности складывается второй способ создания знаний – собственно мышление. И дальше они существуют параллельно. Мы и сегодня пользуемся схемами и строим новые схемы. И, конечно, мыслим. Поэтому я четко и жестко отвечаю: до античности мышления в аристотелевско-платоновском смысле не было.

В.А.Лекторский: У вас получается так, что если норма не осознана и не сформулирована, то ее как бы и не было. Вот человек живет в деревне. Он никакого Аристотеля не читал. Он что, не рассуждает? Еще как рассуждает. Иногда лучше нас с вами. У вас получается, что пока не изобрели что-то – этого нет. А почему изобрели? Если человек не осознает нормы и правила своего поведения, то этих норм и нет? Они уже есть. В действительности у него есть нормы поведения, нормы рассуждения.

⁸ О схемах см. мою книгу «Семиотические исследования» (М., 2001).

Хотя он этого не понимает. С вашей точки зрения получается, что, пока люди не стали говорить и думать о природе, последняя не существовала.

В.М.Розин. ...есть люди, которые и без всякой деревни не умеют мыслить.

В.А.Лекторский: А у вас получается так, что если он «Логики» Аристотеля не читал, то у него нет норм. Как это?

В.М.Розин: Объясню. В культуре после работ Аристотеля складывается специальный механизм, эквивалентный по функции аристотелевской логике. Например, взрослые демонстрируют правильные рассуждения. Если ребенок ошибается – они его поправляют. В культуре отработан специальный механизм, который эквивалентен усвоению правил и правильному рассуждению.

В.А.Лекторский: На самом деле, если я язык усвоил, то я уже буду рассуждать. В действительности мышление существует и до языка: уже у животных. Есть у них даже элементарные Рассуждения.

В.М.Розин: Нет, язык недостаточен. Нужно действительно формировать мышление.

В.А.Лекторский: Я думаю, что ваше понимание мышления очень узко. Оно не позволяет понять генезис и эволюцию мышления, влияние на него языка и рефлексии по поводу мышления, т.е., в частности, осознания его норм и правил.

В.Ф.Петренко: Я сторонник позиции Розина, и она мне очень симпатична. Хочу привести конкретный пример, ну вот просто из истории психологии. Была защищена докторская диссертация М.М.Муканова, он казах. Диссертации предшествовало известное исследование Александра Романовича Лурия, который показал, что у узбеков рефлексии нет. Муканов в каком-то смысле с ним полемизировал. Он изучал поговорки, так называемые айтосы. В отличие от римского права у казахов было право прецедентов, напоминающее английское. Множество частных случаев, которые выступали в форме прецедента и в которых осуществлялась рефлексия данного конкретного преступления. Муханов рассматривает пословицы, поговорки, айтосы как формы, регулирующие, нормирующие мышление до того, как возникла аристотелевская логика. Вот в этом смысле мышления или, вернее, логики, конечно, нет.

В.А.Лекторский: Почему? Есть.

В.Ф.Петренко: То есть их не было как рефлексии. Но как формы регуляции они существовали.

В.А.Лекторский: Ну, так я об этом и говорю. А у Вадима Марковича получается, что и форм регуляции не было. Другое дело, что эти нормы могут действовать по-разному. Осознанно или неосознанно.

В.М.Розин: Владислав Александрович, у вас какое-то странное представление. Вам кажется, что человек — это константное существо, антропологически неизменное, например, всегда мыслит.

В.А.Лекторский: Я так не считаю. Просто осознание чего-то не означает его порождения самим актом осознания. Как раз наоборот: если не понимать того, что мышление было и до Аристотеля и что мышление есть и у животных, и у ребенка, тогда вообще невозможно понять, как мышление развивается и как в связи с этим меняется человек.

В.М.Розин: Я вам конкретно показываю, что до античной культуры были другие семиотические способы построения знаний, другие способы осознания их, другие нормативные механизмы. Но это не мышление.

В.А.Лекторский: Почему?

В.М.Розин: Кстати, знаете, какая одна из главных предпосылок мышления? Личность. А личность складывается тоже только в античной культуре. Даже Выготский, когда он как марксист пытался это обсуждать, в конце концов отказался от этой идеи — что у животных были зачатки мышления.

В.А.Лекторский: При чем тут марксизм? Это просто факт.

В.М.Розин: Что значит факт? То Выготский говорит, что мышление у человека было всегда, то что оно появляется у ребенка примерно в два года, когда он осваивает значения слов, то что мышление появляется только в подростковом возрасте, когда дети начинают рассуждать и пользоваться понятиями. А до этого ни понятий, ни рассуждений у ребенка нет.

В.А.Лекторский: Конечно, мышление развивается. Но для того, чтобы нечто развивалось, оно должно существовать. Конечно, личность вносит нечто новое в развитие мышления. Но мышление не есть просто продукт личности. Мне вообще на-

чинает казаться, что у нас идет какой-то спор о словах, а не о существовании проблемы. Мы говорим о том, что именовать мышлением. Вы связываете с мышлением только определенный способ осуществления рассуждений, предполагающий наличие личности, осознание правил и норм рассуждений и т.д. Абстрактно говоря, так можно считать, ибо бессмысленно спорить о наименованиях. Вы вправе давать свои наименования. Только в этом случае вы закрываете себе возможность понять, как то, что вы называете мышлением, связано с теми способами рассуждений, которые есть на других уровнях развития интеллектуальных способностей, ибо даваемое вами наименование вырывает пропасть между мышлением в вашем смысле слова и тем мышлением, которое признается всеми исследователями развития психики. К тому же нельзя не считаться с принятой традицией именования определенных интеллектуальных способностей в качестве мышления. Я не вижу пользы от вашего переименования. К тому же я не могу согласиться с тем, что осознание создает сам осознаваемый предмет. Новое там вносит личность, она там не сразу возникла. Кто спорит то?

В.М.Розин: Я не это хочу сказать. Я возражаю, в частности, против теории А.Г.Асмолова, который говорит, что личность всегда уже есть. У него получается так, что личность есть, но она спит. Потом, когда осознаются противоречия в деятельности, личность почему-то просыпается. И дальше она начинает развиваться. Я исхожу из совершенно других схем и представлений. Ни мышления, ни личности, ни многих других образований нет до античной культуры. Все это новообразования. Как мыслит традиционная психология? Вот есть все структуры, дальше они лишь усложняются и развиваются. Совсем другая схема должна быть. Не схема «семечко, росток, дерево», а другая схема — «гусеница, куколка, бабочка». Дело в том, что бабочка — это не развившаяся гусеница. Образно говоря, мышление — это бабочка.

В.А.Лекторский: Понимаете, вопрос, где проходят границы мышления, — это вопрос спорный. Об этом можно много говорить. И во всяком случае, свою позицию нужно серьезно обосновывать, а не просто декларировать. Я хочу сказать другое. Вопрос в том, существует ли предмет научного исследования до того, как он стал изучаться? Вот я считаю, что, хотя Аристотель

впервые стал изучать логику, она уже была. Он осознал то, что было. Не он изобрел логику, придумал. Не он. Он ее вывел. Это не просто моя личная точка зрения, в позиция всех тех, кто сегодня занимается когнитивной наукой.

В.М.Розин: Ничего подобного. До Аристотеля была развилка, и ее обсуждали. Софисты, например, говорили, что человек есть мера всех вещей. То есть если вы показали, что не существует движения, — значит, его не существует. Но я повторяюсь. Моя позиция такая: да, до Аристотеля логики не было, он ее создал. Естественно, не было и мышления. Все эти утверждения только нужно понимать правильно. Аристотель создает логику не на пустом месте, его деятельность была предопределена, он был предопределен сложившейся ситуацией и разными процессами. То есть давайте мыслить, так сказать, искусственно-естественно.

В.А.Лекторский: Лосев тоже считал, что у древних греков не было личности, не было, по-моему, с его точки зрения, и совести. Но у Лосева это не просто отдельное утверждение, а часть его теоретической концепции, которая обоснована анализом огромного материала. Но и поводу его концепции можно спорить. Сейчас вот обсуждали вашу позицию. Спасибо нашему докладчику, который вызвал такое живое обсуждение. Конечно, и идеи Вадима Марковича можно и нужно обсуждать.

И.П. Фарман

Конструктивизм как метод и социально-культурная практика

Сейчас мы говорим о конструктивизме в эпистемологии, социальной философии, теоретической социологии и других науках, что свидетельствует о расширении значения как самого этого понятия, так и направления в целом. Как *проективно-конструктивная позиция* человека по отношению к реальности конструктивизм имеет давние философские традиции, которые можно вести от античности, от Канта, Гегеля и др. Но как новое единое *направление* он сформировался на рубеже XIX–XX вв., особенно активно развивался в 20–30-е гг. прошлого века, и тематизировался прежде всего в таких контекстах, как архитектура, искусство, литература, инженерно-техническая теория и практика. Его первые проявления были настолько впечатляющи и значительны, что понятие конструктивизма до сих пор ассоциируется с этими областями. Как эстетическое направление и художественный стиль (а это была всеобъемлющая стилистика) он представлен рядом известнейших имён: Ш.Э. Ле Корбюзье, Вальтер Гропиус, братья Л., В. и А. Веснины, И. Леонидов, К.С. Мельников, И.Л. Сельвинский, В.А. Луговской, Вс. Мейерхольд, ранний И. Эренбург и др., и по творчеству каждого из них имеется огромная литература.

Но конструктивизм с самого начала был, конечно, шире, чем искусство; это была не только эстетика. Он сложился как *новый теоретико-методологический подход*, который приобрел *общекультурный характер*. Его исходные смысло- и формооб-

разующие принципы, идеи и методологические основы оказались весьма перспективными. Многие из них, хотя и в трансформированном виде, проявились и в современном конструктивизме. Поэтому, на наш взгляд, имеет смысл рассмотреть их *в контексте современных проблем эпистемологии и общей методологии*. Выделим некоторые основные положения.

1. *Формирование нового видения* путём смены самих методов осмысления реальности, когда восприятие её как данности заменяется проективно-конструктивным отношением к ней и выражается посредством новых способов её репрезентации в виде моделей, конструкций, проектов, в том числе социальных.

Как стал возможен такой подход? Он был обусловлен социально-историческими предпосылками, которые заложили необходимый фундамент для формирования новой культуры, а также социально-культурным и идеологическим контекстом, в который конструктивизм органически вписался. Он был «мироощущением времени» (В.Гропиус), выразителем новых веяний сначала на Западе, а затем катализатором революционных идей и преобразований в России.

А они проникали во все сферы жизни. Шло сознательное разрушение старого типа социальности, осуществлялся *радикальный* отход от традиций во всех областях культуры, но этот, условно говоря, деконструктивизм не был однонаправленным, а порождал также и бурное развитие *новых форм*.

Наиболее ярко такой подход проявился в искусстве. В художественном отношении это привело к созданию новых оригинальных стилевых направлений, нового языка, к появлению новой предметности и невиданных ранее композиций и ракурсов. (Разумеется, — это большая и специальная тема, которой здесь мы коснёмся лишь кратко, в связи с рассматриваемыми вопросами.) Перенос конструктивистских идей в другие области также был продуктивным, особенно в сфере инженерной и технологической мысли. Но особенность такого подхода состояла не только в широте охвата разных областей.

В архитектуре, изобразительном искусстве, дизайне он проявился в создании новых способов *пространственного конструирования*, в строительстве — в утверждении приоритета линии и геометрических плоскостей из бетона, стекла и железа, что неиз-

бежно должно было опираться на точный расчёт и инженерные разработки. Такой подход был невозможен без привлечения *новых видов знания*, которые активно осваивались. Наряду с математическим знанием и обычными расчётами — это проектирование, сложные приёмы технического черчения и широкое внедрение типовых проектов, создание больших сооружений, несущих конструкций, открытых опор и каркасов, варьирование сборных строительных блоков, освоение новой техники и др.

Новый подход был основан на практическом использовании самых новейших достижений науки и промышленной технологии, новых строительных материалов и конструкций, он был связан с экспериментальной деятельностью, что также стало одной из его характерных черт. Символическим ориентиром в этом плане послужило сооружение А.Г.Эйфелем башни для всемирной выставки в Париже в 1889 г., которая тогда явилась прежде всего показателем достижений техники XIX в. и лишь потом стала символом этого знаменитого города.

Сооружения нашего выдающегося инженера и учёного В.Г.Шухова, прозванного «русским Леонардо», — оригинальные конструкции гиперболоидной башни (1896) и башни радиотелеграфной станции на Шаболовке в Москве (1921) — имели *практическое назначение*, что было принципиальным для нового направления. Шухов хотел возвести свою ажурную конструкцию до высоты 350 метров — чтобы она была выше своей знаменитой предшественницы, но из-за недостатка металла ограничился высотой 160 метров. Его башня вынесла все испытания на прочность и оставалась высочайшим сооружением Москвы до постройки Останкинской. Шуховым были сконструированы также стеклянные крыши Верхних торговых рядов (нынешний ГУМ), Петровского пассажа и громадный операционный зал Главного почтамта.

Синтез конструирования и знания, простота, лаконичность и целесообразность форм, чёткость линий, математически выверенная «*монтажная система*» (начало ей положил Д.Штеренберг), скомпонованность зданий, рациональность — всё это легло в основу как теоретических разработок конструктивизма, так и новой социально-культурной практики, «*жизнеустройство*», если использовать термин наших ранних конструктивистов».

стов. Инженерно-технические новшества были чётко ориентированы на *новые идеалы практической ценности*, на *целерациональные действия*, выражаясь современным языком.

Особо отметим, что *идея рационалистической целесообразности* была одной из основных. Она тесно связывалась с развитием новой индустриальной культуры.

В целом, в разных своих проявлениях конструктивизм выступил как функционально направленная *новая социально-культурная практика*. Наиболее яркие примеры культурного строительства в духе конструктивизма в нашей стране — это архитектурная часть Днепрогэса (1927—32 гг., архитектор В.А.Веснин), Дворец культуры Автозавода им. И.А.Лихачёва (1930—37 гг., он же, совместно с братьями), некоторые общественные и др. сооружения. Новыми зданиями конструктивистской архитектуры особенно отличалась Москва. Так, возникнув в определённом социально-культурном контексте, конструктивизм сам стал знаковым феноменом культуры XX в.

2. Пафос обновления общества был передан в *новых формах*, которые сами по себе были активным началом. Не случайно ещё современники упрекали конструктивизм в господстве формы и экспериментаторстве с ней, и не без оснований. Однако, хотя *форма, структура и сам процесс конструирования* определяли специфику конструктивизма, они не были самоцелью, и в современной истории культуры сведение спектра его смысловых значений к чисто формальным нововведениям рассматривается как редукция, как искажение его главных интенций. Ответ на вопрос, в чём они состоят, отчасти дают сами термины: *construction* (лат. — построение, в смысле устройства, взаимного расположения частей какого-либо предмета); *construere* (лат. — создавать конструкцию чего-либо, сооружение). Эти значения ассоциируются с грамматическими конструкциями, в частности с предложением, под которым понимается сочетание слов, выступающих в качестве одной синтаксической единицы как нечто целое. И, наконец, *конструктивный* в смысле *плодотворный*, который можно положить в основу чего-либо.

Безусловно, все эти значения указывают на определяющую роль для конструктивизма формы, структуры, построения и т.д. Но это только одна сторона. Другая состоит в том, что сама про-

цедура конструирования должна была осуществляться в соответствии с требованием «*форма следует функции*» (назначению): т.е. форма должна была выразить какие-то новые смыслы и идеи, быть их языком.

А таких идей было достаточно во всех областях, и в этом выразилась попытка выработать *новую мироориентацию, характерную для конструктивизма направленность на творчество и строительство*. Даже некоторые законы и их применение в науке, технике и прикладном искусстве претерпели существенное изменение, например законы симметрии. В архитектуре новой гармонией стала геометрия, а это уже не «застывшая музыка» и не «поэзия в камне». Геометризация строительства мыслилась как отход от старого урбанистического пейзажа с его куполами, колоннами, портиками, пышными фронтонами и прорыв в новое пространство. Многоэтажные дома были ещё в древнем Риме, но прорыв был в масштабности, в высоте, в господстве линии и вертикали, создании нового видеоряда. В градостроительстве продольное расположение, «строчную застройку» сменили вертикальные остроугольные контуры на фоне неба. Плоские покрытия, ленточные окна, сфокусированность линий стали вехами нового времени. Если вспомнить, что греки называли архитектуру матерью всех искусств, а позже многие понимали её как летопись народа и его историю, то можно сказать, что конструктивизм в архитектуре отразил тенденцию «время, вперёд!» (напомним, что это название романа В. Катаева 1923 г.).

В творчестве художников-конструктивистов при всём своеобразии и оригинальности каждого из них отразилось стремление освоить и передать дух времени, особенно достижения науки и техники (в частности, в области физики и освоении Вселенной), расширить границы искусства за счёт осмысления нового технического мира посредством усиления условности, схематизма фигур или вообще беспредметной живописи, построенной на строгих геометрических формах. Показательными в этом плане считаются трёхмерные конструкции А.М. Родченко и В.Ф. Степановой. Они создавали «производственное искусство»; конструктивная схематичность изображений применялась также в книжном оформлении, в плакате. Примечательно, что Родченко создал не только «Висящую конструкцию», ассо-

цирующуюся со структурой атома, и композиции из геометрических форм, но и под маркой «Реклам-конструктор Маяковский – Родченко» – чёткую и лаконичную рекламу на стихи поэта «Нигде кроме, как в Моссельпроме».

Отметим, что новаторство конструктивизма, включая его радикализм, было проявлением креативности не только его приверженцев: он впитал многие смыслы и идеи, выдвинутые такими авангардными направлениями начала XX в., как модернизм, кубизм, футуризм и др., кредо которых было не отображать и воспроизводить (основные принципы искусства), а *преображать действительность, создавать новое*, стремясь к конечной цели – ни много ни мало – революционному преобразованию мира и человека. Тематика нового человека, а через него – и нового мира, мировой революции, интернационального единения и др. придавала широту и масштабность художественному видению, своеобразие и оригинальность языку образов. Свидетельством тому служат весьма характерные для того времени произведения литературы и искусства: «Башня» В.Е.Татлина, с фигурой которого связывают начало русского конструктивизма, модель 1919–1920 гг., посвящённая III (коммунистическому) Интернационалу; философско-сатирический роман И.Г.Эренбурга «Хулио Хуренито» (1922), воссоздающий картину жизни Европы и России времён Первой мировой войны и революции; его же «Трест Д.Е. История гибели Европы» (даёшь Европу. 1923) как осмысление и обобщение эпохальных конфликтов, противопоставления сил мира и войны в масштабах всего человечества, отстаивание идей интернационализма и солидарности, общечеловеческого братства; особо следует отметить манифест писателя в защиту конструктивизма в искусстве «А всё-таки она вертится». Поиском новой формулы человека были заняты многие литераторы: так, ранний Л.Леонов в романе «Вор» (первая редакция 1927 г.) ратует за искусство, которое делает человека лучше вообще, а не в каких-то отдельных проявлениях, – что тоже было характерно для новой философско-мировоззренческой установки.

Притязания глобальные, но по тем временам отнюдь не формальные, и под них подводились основания. Стремление к *общественному и социальному идеалу* было неотъемлемой состав-

ляющей нового подхода, выполняло функции ценностной и идеологической ориентации, что существенно обогащало общеметодологическую структуру знания, в частности социального.

Примечательно, что тенденции конструктивизма заметны и в характерном для этой эпохи жанре научно-фантастического романа, что проявилось и в тематике, и в художественном стиле. Темы интернационального братства, первооткрывателей космоса, освоения научных гипотез нашли воплощение в ряде таких романов, ставших широко известными, как «Аэлита» (1924) и «Гиперболоид инженера Гарина» (1925–1927) А.Толстого, «Голова профессора Доуля» (1925) А.Беляева и др. «Аэлита» тогда же была экранизирована режиссёром Я.А.Протазановым. Их новизна определялась не только социальной и научной тематикой, но и более свободной, во многом определявшейся продуктивной способностью воображения художественной условностью, ассоциативными усилениями, большой метафорической нагруженностью, а также оригинальной композиционной структурой и другими особенностями.

В целом такое проявление конструктивизма было эвристичным, воплотившим многие идейные искания, представляло собой новую форму духовно-практической деятельности, создало эпохальный стиль и перспективное направление.

3. Наконец, отметим *проективность* конструктивистских идей (от лат. *proectus* – устремлённость вперёд, заданность, проекция будущего), нацеленность на перспективу. Она проявилась не только в технике, строительстве и статических видах искусства, но и как *социальное конструирование, новое понимание мира*. Особо отметим, что оно было изначально присуще конструктивизму и нашло выражение не только в теоретических программах и декларациях (работах К.Л.Зелинского, «Литературного центра конструктивистов» во главе с поэтами И.Л.Сельвинским и А.Н.Чичериным и др.), но и в попытках *практического воплощения идеи рациональной целесообразности жизни*, осуществления новой социально-культурной практики.

Во многих искусствоведческих исследованиях этого периода отмечается, что художники, литераторы, поэты – ранее «певцы свободы», «властители дум» – чувствовали себя конструк-

торами, мастерами, решающими проблемы «художественной инженерии» (Б.Арватов), рассматривали своё творчество не только как выражение личностных притязаний, но и как участие в *общем деле строительства новой жизни*. В своих экспериментах через овладение техникой и конструктивно-научным мышлением они пытались осмыслить переломные моменты в социальной жизни¹.

Соединение техники и искусства было характерной чертой многих жанров. Так, «бунтарь» Вс.Мейерхольд в своём «театре революции» для выражения новых идей, в частности биомеханики, придающей языку жестов и движению не меньшее значение, чем слову, широко использовал элементы спорта, цирка и других зрелищных искусств. Он развивал также реформаторские идеи Р.Вагнера о синтезе искусств, и само его обращение к творчеству немецкого композитора не было случайностью: Вагнер воспринимался как поборник очищения, катарсиса, мечтавший о преобразовании мира, о революциях космических масштабов и обновлении всего человечества. Спектакли Мейерхольда оформляла «конструктор» В.Степанова, проявляя подлинное сценическое мастерство и инженерную изобретательность. Да и как иначе, чем посредством поиска новых сценических средств, можно было создать такие постановки, как пьеса-плакат, пьеса-агитка, посвящённая революции, «Мистерия-буфф» В.Маяковского или та же «Даёшь Европу»²?

Ориентация на массовое искусство требовала разработки новых форм драматургического действия, которые ярко проявились в кино, прежде всего в фильмах С.М.Эйзенштейна «Броненосец «Потёмкин» и «Октябрь». Автор фильмов «на все времена» и работавшие с ним операторы Л.Кулешов и Э.Тиссэ находили такие технические приёмы и небывалые ракурсы, которые создавали новое видение, придавали изображению ка-

¹ См. программные произведения конструктивистов: Бизнес: Сб. Лит. центра конструктивистов / Под ред. К.Зелинского и И.Сельвинского. М.—Л., 1929; Ранний Сельвинский. М.—Л., 1929; *Зелинский К.* Поэзия как смысл. Книга о конструктивизме. М., 1929 и др.

² Этот аспект творчества В.Э.Мейерхольда отражён, в частности, в книге: *Мейерхольд В.Э.* Переписка. 1896—1939. М., 1976.

чественно новый смысл. Наиболее продуктивным и перспективным стал типично конструктивистский метод «монтажа аттракционов», который позволял выделить наиболее впечатляющие куски, поставить их рядом и смонтировать так, чтобы можно было увидеть второй и третий планы кадра вместо привычного видеоряда, что создавало новые смыслы и усиливало эмоционально-экспрессивное воздействие картины.

Ограничимся этими примерами и отсылаем интересующихся к специальной литературе, в которой показано, что конструктивизм утверждал себя как творческое «организационно-рационалистическое течение», рассматривал всё «со строительной точки зрения», и что это вполне отвечало требованиям времени социалистической реконструкции³.

Подводя краткий итог, отметим, что в целом конструктивизм этого периода можно охарактеризовать как большой *социально-культурный сдвиг*. Время показало, что, хотя конструктивизм просуществовал всего два-три десятилетия, он стал эпохой, а конструктивистские идеи и сформированный им методологический подход к реальности, который можно охарактеризовать как *конструктивно-деятельностный*, оказался весьма продуктивным и перспективным и в дальнейшем получил развитие в различных направлениях современной науки, философии и искусства.

Это может вызвать возражения, особенно в отношении социального аспекта: ведь жизнеустроительные проекты конструктивистов не осуществились, да и сам конструктивизм как направление просуществовал сравнительно недолго, а в нашей стране и вовсе иссяк уже в 1930-е гг. Однако известно, что на то были веские причины: свобода творчества оказалась несовместимой с советским режимом, тоталитарным государством, с насаждением метода социалистического реализма в искусстве. В тяжёлой обстановке 1930-х гг. — разруха, голод, политика «большого террора», от которой пострадали миллионы людей, —

³ См.: Ган А. Конструктивизм. Тверь, 1922; Эренбург И. А всё-таки она вертится. М.—Берлин, 1922; Мена всех: Конструктивисты-поэты. М., 1924; Эйзенштейн С. Монтаж: Нравнодушная природа // Эйзенштейн С. Собр. соч. Т. 2. М., 1964; Сидорина Е. Конструктивизм: истоки, идеи, практика. М., 1995.

социальные проекты были обречены. К тому же в отличие от технического социального конструирования, даже в теории, изначально не было, да и не могло быть основано на знании, т.к. его заменяла идеология: идеальные факторы и регулятивы наделялись ролью социального знания, причём не нейтрального, а якобы выполняющего социально-преобразующую роль, декларативно — по построению социализма, по сути — созданию ложной героики.

Даже в архитектуре, где конструктивизм проявился наиболее ярко, волюнтаристское проектирование и крайний утилитаризм сыграли свою роль в том, что удачная градостроительная практика была вытеснена неадекватной человеку массовой застройкой. У нас остались лишь отдельные знаменующие свою эпоху образцы, которые, однако, до сих пор привлекают внимание: например, в Москве сохранился знаменитый «круглый дом» одного из основоположников конструктивизма в России К.Мельникова, которого называли Ф.Брунеллески нового времени. Он был одним из пламенных архитектурных революционеров, воплощавших в камне лозунги свободы и равенства. Его новаторские постройки, ломающие все стили, отличались совершенством строительных приёмов. Его «круглый дом» в районе Арбата — необычное по форме трехэтажное здание представляет собой два врезанных друг в друга бетонных цилиндра с окнами в виде вертикальных шестиугольников, — он впечатляет строгостью конструкций и математических пропорций. Сейчас дом находится в плачевном состоянии, но на его реставрацию никак не найдутся необходимые средства. В сталинские времена автору этого удивительного дома больше не разрешили построить ни одного здания. Он жил в своём доме, почти ни с кем не общаясь, и лишь незадолго до смерти узнал, что на Западе его давно считают одним из величайших архитекторов XX века. Сохранилось также здание Центрального статистического управления на улице Кирова, ныне Мясницкой, которое проектировал Ле Корбюзье, и др.

Архитектурные сооружения в духе конструктивизма стали мировой практикой. Особенно широко используются американские разработки, в частности, типично американский вариант — небоскрёб Эмпайр-стейтбилдинг в Нью-Йорке (1931 г., архи-

тектор Р.Г.Шрив и др., высота с учётом телебашни 449 м). Многие из таких зданий отличаются оригинальностью и выразительностью стиля и получили всеобщее признание: например, Дефанс в современном Париже; ставшее лицом города здание оперы в австралийском Сиднее, культовые здания в некоторых арабских странах. Предполагается, что в наше время рекордсменами во многих отношениях станут башни-минареты в Объединённых Арабских Эмиратах (г. Дубай, высота более 500 м.) и в Саудовской Аравии (г. Джидда, высота около 800 м.). Такие сооружения контрастируют с окружающей природной средой и традиционной застройкой, но нередко именно они становятся конструкциями-символами древних городов.

Если говорить о нашем градостроительстве, то наглядное развитие и обогащение идей конструктивизма можно видеть в деловом центре Москва-Сити; имеются и другие проекты: на Юго-Западе намечается реконструкция площади Гагарина и строительство нового ансамбля зданий Центра информатики и новых технологий. Это – мегапроект, уникальный по идее и технологии воплощения, который называют «домом-окном в третьем тысячелетии», т.к. его стержнем, действительно, является идея дома-окна. Его каркас состоит из 12 модулей в виде кубов и цилиндров, а в каждой из фигур помещается 6–7 этажей. И главное – впервые в мире по диаметру кольца 60 этажей и панорамные лифты будут вращаться в разные стороны. Сама по себе это, конечно, новаторская, поисковая конструкция, которая, так же как и её основные формы, нацелена на будущее. И проблема здесь не в том, что для её воплощения нет технических возможностей. Вызывает сомнения то, как этот высотный, буквально зависающий в воздухе проект впишется в окружающую вполне стандартную и уже устаревшую застройку Ленинского проспекта.

Одна из основных особенностей конструктивизма, которую мы старались выделить, состояла в *сочетании технического конструирования с ярко выраженной социальной направленностью*, в попытках *через новые формы освоить содержание социальных явлений*. Эта особенность также оказалась весьма перспективной и получила дальнейшее развитие как в реалистическом, так и нереалистическом искусстве. В качестве примера приведём из-

вестные факты: Б.Брехт создавал свой театр как «театр эпохи науки», рассматривал сцену как лабораторию, где изучаются новые социальные явления и отношения людей, и ставил своей целью познание мира с целью его изменения. М.Ромм в фильме «Обыкновенный фашизм» использовал «монтажный метод» С.Эйзенштейна: соединяя документ, технику и задачи игрового фильма, он строил сюжет так, чтобы «вскрыть психологию — только не отдельного человека, а социального явления»⁴.

Можно привести много других примеров. В частности, весьма показательной в плане развития конструктивистских идей является, на наш взгляд, «новая музыка», представленная именами А.Берга, А.Веберна, А.Шёнберга. В ней проявилась не только традиционная связь музыки с математикой, но и новые принципы музыкальных построений, отличающиеся от классических рядом особенностей. Искусствоведы — наиболее известный и авторитетный среди них Т.В.Адорно — оценивают эту музыку как технический метод, плодотворную попытку «рационализации» и систематизации художественного творчества, состоящую в том, что место традиционной тональности мажор-минор, лежащей в основе классической музыки, занимает композиция посредством взаимосоотнесённых звуков, в которой исчезают оба лада и образуется один звукоряд по типу хроматической гаммы. Тем самым музыка приобретает атональный, серийный характер (от слова серия — ряд), строится на всех возможных соотношениях 12 звуков, образуя тематический ряд, который повторяется, исполняя роль мелодического рисунка. Основные признаки структуры такой музыки — вариативность и контрапункт, что приводит к умножению смысла через новую полифонию. Это диссонансы вместо консонансов, разные виды математизированных приёмов вместо темы как важнейшей компоненты произведения и др.

«Новая музыка», хотя и медленно, но всё же успешно утверждает себя. Дискуссионным остаётся вопрос, выражает ли она какое-то социальное содержание. В контексте данной работы целесообразно рассмотреть этот вопрос в позитивном плане, поэтому отметим, что специалисты, в частности Адорно,

⁴ Ромм М. Обыкновенный фашизм // Иностранная литература. 1973. № 12. С. 250.

видят в такой музыке противостояние общественной тенденции, низводящей музыку как духовную структуру до уровня простой функции, предмета потребления. Согласно этой точке зрения, в центре «новой музыки» оказывается эмансипированный, но одинокий и отчуждённый субъект, испытывающий страх и ужас перед реальностью, бессилие в условиях «беспросветного страдания». Эти новые человеческие феномены и реалии общественной жизни XX в. не могут быть адекватно выражены традиционными гармоническими средствами. Отсюда — отсутствие мелодий, диссонансы, крик и шоковое звучание расценивается как предельно точная реакция на социальные условия, а также как попытка достичь слуха тех, кто уже не слушает. Стремление выразить смысл социальных потрясений, нонконформистская этическая позиция новой музыки по отношению к современному антигуманизму дают основание для её высокой оценки.

Предположить, что такую оценку разделяют только искусственные критики-эстеты, на наш взгляд, было бы неверно. Такие художественные приёмы, как дисгармония, диссонансы издавна применялись для выражения страдания, трагедии. А они, как правило, и были порождением разлада человека с миром, с окружающей средой.

Приведём один литературный пример. Герой романа Т.Манна «Будденброки» — молодой человек страдает от одиночества, грубости и бездуховности социального окружения, переживает ряд потрясений. В условиях, когда *жизнь плотно сомкнула его уста*, его *единственной возможностью говорить* осталось сочинение музыки. В его импровизациях выражалось такое напряжение, «словно вскрикивала чья-то душа» и прорывались «возгласы страха»⁵. Связь музыкального с социальным раскрыта здесь через диссонансы, в которых нашли выражение боль и бессилие человека перед жизнью. Напомним, что роман написан 25-летним писателем, а герой наделён автобиографическими чертами.

Пример приведён не случайно. Музыкальная тема первого романа Т.Манна перекликается с его «романом старости» «Доктором Фаустусом», посвящённом кризису культуры вообще и

⁵ Манн Т. Собр. соч. Т. 1. М., 1959. С. 782.

музыки, в частности. Писатель считал музыкальный конструктивизм идеалом формы, и для раскрытия необычайно сложной проблематики романа, с её многозначительностью и символизмом, использовал конструктивистские идеи «новой музыки». Они приобрели у Т.Манна особый поворот и оттенки, которых не было у Шёнберга, — открыли более широкий интеллектуальный горизонт и надежду на «прорыв», что стало духовным завещанием писателя. Он надеялся, что его «книга и сама станет тем, о чём она трактует, а именно — конструктивной музыкой»⁶.

Если кратко отметить, какие черты романа дают основание для этого, то, на наш взгляд, это отсутствие картинности и красочности в изложении, сдержанность во внешней характеристике главного героя и сосредоточенность на духовном плане, а в музыкальной сфере — это вмонтированные описания музыки, построение таких моделей, в которых угадывались известные музыкальные произведения (например, музыка Р.Вагнера из «Мейстерзингеров») и др. Главное произведение героя — оратория «Апокалипсис с иллюстрациями» — построено на дюрезовских иллюстрациях к Апокалипсису и непосредственно на текстах Иоаннова откровения с включением общих эсхатологических мотивов, что не только расширило тему, но вобрало всю «апокалипсическую культуру» и явилось «своего рода квинт-эссенцией всех предвещаний конца»⁷.

Разумеется, приёмы конструктивизма использовались и разрабатывались не только «новой музыкой». Конструктивистом в музыке называл себя, например, И.Стравинский, широко использовавший в своих сочинениях метод контрастных «монтажей-коллажей» для выражения «парадоксальности своей художественной мысли» (по словам А.Шнитке). Новые типы музыкального освоения реальности XX в. в плане их соответствия современному мировосприятию и использование с этой целью конструктивистских идей проанализированы в специальной литературе⁸.

⁶ Манн Т. История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа // Манн Т. Собр. соч. Т. 9. М., 1960. С. 223, 242, 243, 248, 250, 333.

⁷ Там же. С. 307–308.

⁸ К примеру, в интересной книге Л.Г.Бергер «Эпистемология искусства» (М., 1997).

Современное конструирование выступает в контексте новых исторических и социокультурных факторов. Отмеченные установки, разумеется, в нём не повторяются, но помогают понять его новые проявления и особенности. В нём другие формы конструкций, типы деятельности, рациональности, но перекличек с прежними немало. О революциях речи нет, но необходимость в социальных преобразованиях очевидна. Отсюда — повышенный интерес к *социальному конструированию*, к социально-культурным проектам, которые сейчас весьма актуальны. Но они требуют особого разговора.

Дискуссия

А.Ю. Антоновский: В докладе в качестве новых и специфических для конструктивизма были отмечены черты, которые можно отнести и ко многим другим направлениям, — это новизна, в архитектуре — стремление к высоте, геометризация и др.

Ю.В. Пуцаев: Да, ещё были названы выход в практическую сферу, целесообразность и т.д. Я вспоминаю, пытаюсь найти какие-то другие архитектурные формы и стили и не нахожу ни одного, который бы все эти признаки в той или иной форме не реализовал. Особенно самые древние. Например, строительство египетских пирамид — там есть и устремлённость ввысь, и геометризация форм. А если вспомнить Щусева, которого тоже можно было бы назвать конструктивистом, его мавзолей, то чем это не пирамида? В чём тогда отличие?

И.П. Фарман: Это интересные замечания, которые можно обсуждать. Однако ещё раз отмечу — уже в качестве краткого вывода, — что главная моя задача состояла в том, чтобы представить конструктивизм концептуально и дать ему общеметодологическую характеристику, то есть выявить не столько специфику его отдельных проявлений, в частности в архитектуре, сколько его основы как направления, которое имело поисковый характер и вместе с тем аккумулировало новые способы осмысления реальности и знание из разных областей, включая конструктивную инженерную и техническую деятельность. Главной целью было показать, что в результате конструктивизм сформирова-

ровался как *новый теоретико-методологический подход, приобретающий общекультурный характер*. Представить конструктивизм в таком ракурсе, на мой взгляд, и означает ввести его в контекст методологической и эпистемологической проблематики.

Что касается новизны и специфики, то они, разумеется, были, и отчасти об этом говорилось. Для более подробного разговора потребовалось бы обратиться к *конкретному материалу в самых разных областях* и, возможно, даже рассмотреть эту конкретику в других понятиях и категориях, скажем, в эстетических, что увело бы нас в сторону от поставленной задачи. Но раз такие замечания сделаны, постараюсь на них ответить.

Итак, стремление к новому, к высоте, геометризация, пирамиды, мавзолеи...

Исторический опыт показывает, что множество новых идей имело своих предшественников и нередко уходило своими корнями в глубокую древность, как в данном случае. Однако тот же опыт говорит о том, что прямые исторические аналогии не корректны во многих отношениях. Не раз отмечалось, что есть вечные, но не неизменные идеи, и в духовном климате каждой эпохи они осуществляются по-разному. Прежде всего потому, что реализация таких идей происходит в разных социокультурных контекстах, посредством разных способов деятельности, типов действий и др. (факторов можно назвать множество), что неизбежно приводит к трансформации как самих идей, так и методов их воплощения. Стало быть, одни и те же идеи в разные эпохи предстают по-разному; сливаясь со своей эпохой, они создают её исторически своеобразный и неповторимый образ.

Обратимся к конкретным примерам. Стремление к высоте присуще человеку от природы, так же как мечты о полёте, что нашло отражение ещё в древнейшем шумерском Эпосе об Этане, содержащем поэтический рассказ о полёте героя на крыльях орла на небеса и открывшейся оттуда панораме земли и моря, — её сравнивают со взглядом из космоса. Гениальные изобретения древних — арки и башни также отражают это стремление, способствуя расширению горизонта видения и тем самым созданию нового пространственного представления об окружающем. К тому же арки и башни имели и разного рода практическое назначение: древнейшие акведуки в Ниневии и Карфаге-

не (на месте нынешних Ирака и Туниса), в Ниме (Франция), а также в других городах — это не только красивые арочные конструкции, но и жизненно важные водопроводные артерии, нередко действующие до сих пор. Сторожевые башни, сохранившиеся в разных странах, как бы осуществляют связь с нынешним градостроительством, где здания башенного типа нередко используются в качестве самых современных средств связи.

Веками среда обитания человека была связана с освоением высоты. Во все времена на высоте строились крепости, замки, культовые сооружения. Наиболее выдающиеся из них, — а некоторые сохранились до сих пор, — отличаются своеобразным обликом. Они олицетворяют своё время, становятся его символами и не случайно воспринимаются как вполне конкретные и определённые вехи истории. Однако их своеобразие определяется не столько высотой, сколько другими особенностями. Высота всегда впечатляет, но она изначальна, к тому же является лишь одной из составляющих, причём иногда даже не стиля, а просто строительной техники.

То же можно сказать о геометризме. Речь шла не о классической системе архитектурных орденов, не о чисто ситуационных моделях, где важна специфика и оригинальность. Выявлять её — дело специалистов. Изымая из контекста такие признаки, как высота и геометризм, ставя их на первое место, мы нарушаем одно из основных правил конструктивизма — «форма *следует* функции». Геометризм, взятый сам по себе, как технический приём и строительная технология, вечен и, действительно, издревле применялся в градостроительстве: глухие стены, проемы дверей в виде трапеции и т.д. были ещё в древнем Уре и Вавилоне в Месопотамии, в городе инков и др. Главным для раскрытия нашей темы было показать, что в конструктивизме эти приёмы стали выполнять не только технические задачи: они приобрели новую роль, создали *новую образность* — в обстановке бурно развивающегося строительства на основе новой техники и инженерного искусства они служили выражением духа общественных преобразований, наделялись соответствующим идейным смыслом и приобретали знаковый характер. В «годы штурма» (название романа П.Бровки) они были символами покорения разных высот, отражением идейных устремлений, социалистического идеала.

Напомним, к примеру, что архитекторы Б.М.Иофан, Д.Н.Чечулин и др. разрабатывали проект строительства Дворца Советов на месте снесённого храма Христа Спасителя, а затем на Ленинских горах, который превзошёл бы по высоте все наши современные высотные здания: при высоте 400 м он должен был оканчиваться 100-метровой статуей В.И.Ленина. Это была бы идеология, воплощённая в камне. Сравнить такой памятник с традиционными мемориальными сооружениями, скажем, с конными статуями царей, нет смысла.

Однако опыт раннего конструктивизма не был чем-то особым: он вполне вписывался в мировой опыт. Практика воплощения геометризма в разные эпохи была различной, обусловлена соответствующим социокультурным контекстом, в частности, не только развитием науки и техники, но и определённой идеологической нагрузкой, необходимостью отвечать запросам времени, как в нашем случае.

Пирамиды с присущей им геометризацией принято считать одной из наиболее ранних форм общего (неличного) стиля, который приобрёл эпохальный характер. Его связывают с опытом познания мира в течение тысячелетий и представляют как результат этого познания, как преодоление хаоса в восприятии мира посредством отхода от видимости и установления порядка, конструктивных связей в виде правильных линий и форм. Найденные в очертаниях мира, они стали средством его выражения. Не случайно геометризм называют открытием мира в формах самого мира. Символом, «заострением» такого стиля, его вершиной и стала пирамида.

Построенные на основе знаний такого высокого уровня, что многое до сих пор остаётся нераскрытым, включая закодированное знание, пирамиды демонстрируют чёткость геометрических форм, достижения в области строительной механики, наук о расчёте сооружений и др. Их высота, особенно при соотношении со временем создания, кажется запредельной (например, высота пирамиды Хеопса, созданной в III тысячелетии до н.э., 146,6 м). Стиль породил систему, установкам которой следовали в самых разных областях: даже человек изображался как чертёж.

Казалось бы, эти принципы сходны с конструктивизмом. Но сходство не означает одинаковость, оно касается только некоторых общих положений. Отличия очень существенны. Геометризм древних пирамид, монолитные колоссы и гигантские скульптурные изображения — это не просто формы, это *образ времени и места*. Они тоже несли социальную нагрузку, были выражением определённого умонастроения. Но другого. У них была другая логика смысла, они служили воплощением вечности и неизменности, коррелировали с определённой территорией и пространством. Именно так они воспринимаются и сегодня.

Различия в восприятии геометризма древних пирамид и современных конструктивистских сооружений, особенно в форме их универсальных образцов — небоскрёбов, очевидны, *это разная образность*. Даже если взять ту же форму, но в современном варианте, например «пирамиды Парижа», сравнение даст тот же результат. Луврская пирамида — стеклянная, прозрачная, её фактура и назначение существенно отличаются от традиционной символики этой геометрической фигуры, олицетворяющей собой мощь и таинство. Первоначально многие считали, что такая пирамида будет инородным телом и нарушит целостность одного из замечательных исторических памятников. Однако с функциональной точки зрения её строительство было оправданным и даже необходимым, и со временем она стала восприниматься как правильное решение проблемы «мумификации» музея, как удачное средство для обновления его облика, более того, она стала как бы воплощением света и свободы.

Ещё раз подчеркнём, что для советского конструктивизма были важны и стремление к высоте, и геометризм, но не сами по себе, а *в совокупности признаков*. Исторически сложившаяся *новая образность* конструктивизма как направления была обусловлена новым общественно-историческим содержанием. Именно в этом контексте стремление к высоте и геометризм конструктивистов наделялись новым смыслом и приобретали свою особую роль.

Наконец, пожалуй, самое главное отличие — это назначение сооружений, выполняемая ими функция. Как мы помним, для конструктивизма это было очень важным.

Б.И. Пружинин: Да, функциональность была важна.

И.П. Фарман: Что представляют собою пирамиды, всем известно: это усыпальницы, склепы, назначение которых — служить местом захоронения фараонов и царей, хотя по представлениям древних они и были рассчитаны на загробную жизнь. Египетские пирамиды, так же как, к примеру, и Галикарнасский мавзолей, «висячие сады Семирамиды» в Вавилоне, Александрийский маяк и др., относили к «семи чудесам света», прославляли ещё в древности. Это уникальные сооружения. Они имели характер исключительности. Такая функциональная направленность кардинально противоположна конструктивизму XX в. с его пафосом строительства новой жизни для народных масс. Главное отличие, в том числе и от других стилей, состояло в том, что с конструктивизмом был связан не просто выход в практическую сферу, а новая мироориентация, направленность на общественные преобразования в духе социализма, на коммунистический идеал и даже перестройку мира. Считалось, что советским людям не до «покоя седых пирамид» и мавзолеев. Приметой времени были физкультурные парады и «живые пирамиды».

Е.Л. Черткова: Как это? А очереди какие стояли в мавзолей!

И.П. Фарман: Да. Но по другим мотивам, прежде всего идеологическим: люди шли «к Ленину». К тому же и сам мавзолей как в первом, деревянном варианте, созданном А.В. Шусевым в 1924 г., так и во втором, каменном (1930), строгом по композиции и колориту, прекрасно облицованном, привлекал внимание отнюдь не только как архитектурное сооружение: он служил ещё и торжественной трибуной, с которой произносились речи и перед которой проходили праздничные многотысячные демонстрации и военные парады. Ясно, что такое назначение уже никак не ассоциируется ни с гробницей царя Карию Мавсола Галикарнасского (Малая Азия, сер. IV в. до н.э.), ни с египетскими саркофагами и соответствующими древними ритуалами.

В.А. Лекторский: Так Шусев и церкви строил.

И.П. Фарман: Да, но у конструктивизма были другие символы — ДнепрогЭС и утилитарные строения; как, например, сохранившийся до сих пор Дом наркомфина, создание архитектора М. Гинзбурга (1928) — по форме «здание-корабль», по на-

значению «дом-коммуна», к тому же — с первым пентхаузом. Кстати, его предполагается реставрировать как памятник архитектуры мирового значения, наряду с «Баухаузом» и др.

Однако хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что ценность конструктивизма состоит не только в том, что он создал новый язык архитектуры и оказал влияние на развитие последующих стилей, скажем, на наш сталинский ампи́р или постконструктивизм 1960-х гг. Это не только материальные образы прошлого. *Взятый в целом, конструктивизм создал новый метод осмысления реальности и успешно осуществил его на практике в разных областях. Именно поэтому он стал одним из ярких и перспективных направлений.*

В. Ф. Петренко: Я хотел бы поблагодарить за очень интересный доклад. Он помогает понять, что конструктивизм — это умонастроение, мировоззрение. Понятие конструктивизма как умонастроения шире, чем конкретные философские концепции. Представляет интерес то, что сторонники этого направления работали над разными проектами. Некоторые конструкты уже состоят из идей, в частности, о новом человеке. В этом плане можно позитивно рассматривать и конструктивизм в архитектуре. Мы должны изучать наших конструктивистов.

В. А. Лекторский: Самые лучшие были у нас.

В. Ф. Петренко: Я продолжу. Обращение к собственной истории, к корням идеологической борьбы и противопоставлений, исходя из этой борьбы, к истории развития собственной культуры и анализу её внутренних кризисов представляется весьма продуктивным. Мне кажется, что и в этом плане доклад И. П. Фарман был очень интересным.

Реплика: Мне тоже понравился доклад. Где-то примерно год назад в Москве была большая конференция по конструктивизму в архитектуре. Там очень много говорилось о критериях конструктивизма и конструктивистского искусства. Но всё-таки, как мне кажется, у нас, как русскоязычных философов, принадлежащих к русской культуре, есть большой соблазн проводить вот такие параллели с тем, что называется конструктивизмом в искусстве. А западные исследователи, которые пишут обзоры по конструктивистским подходам в социологии и психологии, специально оговаривают то, что вот, мол, существует

такое языковое недоразумение: конструктивизмом называют такое направление в искусстве, к которому мы не имеем никакого отношения.

Реплика: Это *они* не имеют отношения.

Реплика: В принципе единственная слабая связь, которая признаётся между конструктивизмом в философии и конструктивизмом в искусстве, — это противопоставление реализму, хотя в каждом из них оно совершенно иного рода и проводится по иным критериям. Даже у нас в сегодняшнем обсуждении проводилось противопоставление «конструкция—деконструкция». А на Западе люди, которых называют конструктивистами, попадают под общую категорию, — их называют постмодернистами, — это Р.Харре, К.Герген и др.

В.А.Лекторский: Р.Харре не считает себя модернистом, он реалист. Он даже целую книжку написал «Разновидности реализма»; у него своя концепция, в которой социальный конструкционизм спокойно сочетается с эпистемологическим реализмом.

Т.Рокмор: Вот конструктивизм в искусстве, о котором вы говорили, он противопоставляется реализму, романтизму или чему-то ещё? Ведь он же чему-то другому противопоставляется. Поэтому, может быть, то, что перед этим говорилось, имеет основания? Может быть, это другой контекст и про другое?

И.П.Фарман: В предыдущей реплике была озвучена известная и до недавнего времени ведущая тенденция — учитывать только западные разработки и не принимать во внимание отечественные достижения, а также признавать только научное знание и не учитывать духовно-практическое, к которому принадлежит и искусство. Но конструктивизм имел несколько направлений, развивался в разных странах, и его создателями были не только наши архитекторы. Все они закладывали основы нового направления не как некой отдельно взятой, а *общей методологии*, отправляясь от соответствующих исторических предпосылок как на Западе, так и в нашей стране. Общеизвестно, что наиболее ярко конструктивизм проявился в архитектуре, а у нас ещё в литературе и искусстве. Действительно, особый исторический контекст обусловил появление некоторых отличительных особенностей советского конструктивизма, и существует точка зрения, согласно которой он как направление родился

в России, а его родоначальником был В.Е.Татлин с его «Угловыми рельефами» (1913—1914). Однако это не означает, что наш ранний конструктивизм как-то выламывается из общей картины и даже вообще не имеет отношения к настоящему конструктивизму. Об этом как раз и могла бы свидетельствовать разработанная нашим конструктивизмом методология, причём не только в архитектуре, а и в других областях. Ведь в конструктивизме были разные, в том числе и неутилитарные направления. Думаю, что современные конструктивистские подходы в социологии и психологии, о которых говорилось, могли бы многое взять из таких предшествующих разработок. Мы просто плохо знаем теоретические работы наших конструктивистов, в частности, по вопросам формирования и воспитания нового человека, раскрытия его творческих способностей и др., мало изучены также и их социальные проекты. Широкую известность получили лишь достижения в сфере искусства, области действительно специфической, в высшей степени личностной и оригинальной. Но, как я старалась показать, и в ней проявился целый ряд методов, которые дают основание говорить о её принадлежности к конструктивизму как направлению в широком смысле этого понятия.

Чему конструктивизм противопоставлялся? Думаю, что не каким-то отдельным литературным и другим направлениям, в частности реализму и романтизму, а всему старому, отжившему, в том числе классическим формам искусства. Если под реализмом понимать воспроизведение действительности в форме самой жизни, внимание к фактам объективной действительности, то конструктивизм отдавал явное предпочтение созданию моделей, идеальных конструктов, ориентации на будущее, демонстрируя решительный отказ от натурализма, реализма фотографического и др. Декларировался радикальный отказ от традиций (об этом в докладе кратко говорилось). Решительно отвергалась старая стилистика. Провозглашалось правило — *минимум художественных средств*, что опять же наглядно проявилось в архитектуре.

Попытки сконструировать новую реальность нашли отражение и в языке. В литературе слова понимались как строительный материал. Требовалась напряжённость, «грузификация сло-

ва», т.е. максимальная выразительность, «слова-кирпичи», как говорил В.Маяковский. Его выражение «мы не за поэзию, а за конструкцию» свидетельствовало об отказе от старых форм стихосложения и о попытках найти новые средства для выражения нового духа времени⁹. Язык вбирал в себя лексику и стилистику газет, неологизмы, много стилизованных речевых конструкций — слоганов, лозунговой, агитационной, пропагандистской и даже эпатажной фразеологии, как мы теперь сказали бы, «риторики», которая была выражением неприятия старых речевых форм. Таким образом, можно сказать, что, с одной стороны, конструктивистская ориентация на эксперимент и проект была попыткой соответствовать новым социальным реалиям, отчасти даже стать ими, а с другой — такой подход явно противоречил классическому реалистическому методу правдивого и критического объяснения действительности. Это было проявлением трансформации традиционной реалистической культуры.

Что же касается романтизма, то я считаю, что отчасти он остался, правда, скорее, в форме романтики. Если иметь в виду вышесказанное, то она проявлялась прежде всего как вера в то, что искусство может оказать влияние на переделку жизненного уклада, что с помощью изменения городской среды можно изменить социум, а также в виде иллюзий по поводу героики труда, «весны человечества», «чувства семьи единой», всемирного братства и др. Некоторые подобные темы — завоевания космоса, распространения там революционных идей — развивались и в научной фантастике, как об этом говорилось выше. Однако в отличие от романтизма как направления начала XIX в. советская романтика не претендовала на выражение души и глубинной сущности человека и не была формой бегства от действительности в прошлое. Её пафос был устремлён в светлое будущее при коммунизме, «общее будущее», по словам футуриста-«будетлянина» и «председателя Земного шара» В.Хлебникова. Активно развивались темы социальных преобразований и коллективных форм общежития. Неоправдан-

⁹ См.: Поэзия как обрабатывающая промышленность: Докл. В.Маяковского на диспуте «Теория и практика обработки слова» в Политехническом музее 19 дек. 1920 г. Оппонент А.Луначарский // История русской советской литературы. Т. 1. М., 1967. С. 724.

ная реальной действительностью, такая романтика сливалась с господствующей идеологией, с созидательным, утверждающим пафосом новой литературы и искусства.

Если обратиться к *западным конструктивистам*, то они тоже разрабатывали новую методологию, и проблематика её была весьма обширной, что нашло отражение как в их теоретических работах, так и на практике; в частности, в книге Ле Корбюзье и А.Озанфана «После кубизма» (1918), с которой обычно связывают начало конструктивизма, в статьях журнала «Де Стиль» (Голландия, 1917–1932), в работе «Международной фракции конструктивистов» (Дюссельдорф, 1922), а также «Баухауза» — художественно-промышленной школы основоположника европейского функционализма В.Гропиуса (Германия, 1919–1933), где преподавали В.Кандинский, П.Клее, О.Шлеммер, Л.Моголи-Надь, ван Дюсбург и др. В той или иной форме международное движение конструктивистов в Европе и Америке просуществовало до 1960-х гг.¹⁰

Нельзя не сказать, что одно из важнейших направлений конструктивизма — инженерно-техническое строительство, в котором метод организации материала вылился в архитектурный стиль, — до сих пор остаётся непревзойдённым по своим масштабам, оно стало глобальным, интернациональным. Его символом является Эйфелева башня, неотделимая от имени её создателя, до этого — строителя мостов и виадуков. Между тем не все знают, что идея создания башни — небывалая и в высшей степени оригинальная — принадлежала сотрудникам Эйфеля, М.Кэшлену и Э.Нугье, авторские права которых он выкупил. Затем им были приглашены архитектор Совестр и скульптор Бартольди, а также более пятидесяти инженеров, которые работали над 5300 чертежей. Несмотря на сильнейшее сопротивление многих, в том числе известнейших современников, которые сравнивали башню с фабричной трубой и скелетоподобной каланчой, которая долго не простоит, она была построена, вернее, собрана из 18 тысяч металлических деталей и 2,5 миллионов заклёпок. Гигантские опоры, несущие стропила; при весе

¹⁰ См.: *Бычкова Л.С.* Конструктивизм // *Культурология: Энцикл.* Т. 1. М., 2007. С. 978–980.

10 тысяч тонн башня кажется мощной и лёгкой одновременно, вид с неё — на 60 км окрест. С 1920-х гг. она стала служить средством радио- и телепередач, её высота с телеантенной — 320,75 м. Со временем в ней увидели ажур и красоту форм, и уникальная металлическая конструкция «на все времена» стала предметом массового паломничества.

Как показало время, многие конструктивистские идеи по-прежнему развиваются, разумеется, варьируясь и обогащаясь, и до сих пор оказывают существенное влияние, в частности, на тот же градостроительный архитектурный пейзаж. Во Франции — это «Тет Дефанс», который уже упоминался, — большой квартал небоскрёбов, являющийся высшей точкой (фр. «тет» — голова) знаменитой городской оси восток-запад. Она берёт своё начало у Лувра, продолжает перспективу Елисейских полей, проходит через площадь Звезды под Триумфальной аркой и упирается в «Большую Арку», или Карфур (фр. — перекрёсток). Это уникальное сооружение впечатляет сочетанием геометрической простоты конструкции с высотой в 110 м. Задуманная как триумфальная, арка по своему назначению стала центром новейших средств связи.

Другой пример: «Жеода» в парке «Ла Виллет» перед фасадом национального музея науки, техники и промышленности, — гигантская полая металлизированная сфера диаметром 36 м. Название взято из области геологии и означает замкнутую полость в горной породе, частично заполненную кристаллами минералов. Зеркальная поверхность сферы отражает цвет неба и все его изменения, внутри неё мог бы разместиться Собор Парижской Богоматери вместе со своим шпилем. Вполне в духе конструктивизма, она имеет сложную систему различных назначений, которые осуществляются с использованием новейших технических средств: спутников, радиоволн, дистанционной передачи данных, демонстраций кинофильмов и др. И ещё одно интересное замечание: в парижской прессе писали, что некоторые сооружения в этом парке походят на «остепенившихся внучатных племянников» русского конструктивизма 1920-х гг.

Приведённые примеры с архитектурной точки зрения — извечный геометризм, но в этих сооружениях соединились ясность замысла, конструкты на основе новейших достижений

науки, техническая смелость при использовании новых строительных материалов и, конечно, многочисленные практические функции как воплощение надежды на союз современной архитектуры и технологии с насущными запросами людей. Эти достопримечательности являются сочетанием материального производства, технических новаций и художественного творчества, они говорят на языке современности¹¹. Примечательно, что в Париже не собираются останавливаться на этом и намечают строительство 300-метрового здания цилиндрической формы и других оригинальных гармоничных и многофункциональных комплексов, которые станут центрами притяжения людей. Высказываются также соображения о том, что архитектура, если она целесообразна и красива, может многое и что проводимая политика обновления на основе такого восприятия будет способствовать не только изменению архитектурных пейзажей городов, но и перестройке образа мышления и психологии людей.

Это не новая идея; ранние конструктивисты тоже разрабатывали идею соединения материального с духовным, были её активными приверженцами, в частности, рассматривали архитектурный пейзаж как фактор общественного воспитания и действенной агитации. Действительно ли такие факторы могут оказать влияние на образование новых представлений о реальности, на общественное мнение и мировоззрение, и может ли в результате этого произойти фундаментальное видоизменение существования, реструктурирование социальной среды — это тема для размышлений психологов-конструктивистов и наук о человеке.

Всё-таки нельзя не сказать, хотя бы коротко, о негативных последствиях влияния конструктивистских идей на современное массовое строительство. Внедрение типовых проектов и индустриальных методов строительства, использование исключительно строчечно-блочных конструкций, подчинение функциональной и технической целесообразности привело к тому, что многочисленные типы зданий и сооружений — производственные, общественные, жилищные и др. — стали «на одно лицо».

¹¹ Здесь я использовала сведения из статей «Пирамиды Парижа» (Нувель Обсервер. 1985. № 38 (1315) и «Париж в постоянном поиске» Марселя Карню (За рубежом. 1988. № 15 (1448). С. 12–13).

Повсюду мы видим удручающую картину многоэтажных бетонных параллелепипедов, именуемых «башнями». Преобладание стандартов привело к тому, что урбанистический пейзаж приобрёл серый, однообразный характер: примитивные геометрические формы, бесспорное *засилье прямых углов*, часто мешающее людям в обыденной жизни, отказ от орнамента, декоративных форм и украшений лицевого фасада зданий и др.

Понятно, что это связано с социальными нуждами, но всё же, думается, что такая рациональная комплексная организация, какой является современное индустриальное строительство, могла бы позаимствовать что-то более совершенное из тех впечатляющих воплощений архитектурной мысли, которые уже есть во многих странах и поражают не только высотой, которая доминирует, но и всем своим эстетическим обликом.

В.А.Лекторский: Это интересная тема, можно было бы много говорить и по поводу того, что было в начале XX в. Помните? Это разные виды нового искусства, в том числе в архитектуре. Например, особняк Н.Рябушинского со всякими украшениями и завитушками. А конструктивизм — это чистая функциональность, вот и всё.

И.П.Фарман: И линия, господство линии.

Реплика: Дело в том, что такие традиции тоже в архитектуре есть — восточные.

В.А.Лекторский: Не будем спорить, мы же здесь не архитектурой занимаемся. Нас прежде всего интересует конструктивистская эпистемология, хотя более широкое обсуждение тоже полезно, и то, что нам рассказала Инна Петровна, конечно, интересно.

И.П.Фарман: Так мы и говорили о методологии, о новом подходе, о восприятии.

В.А.Лекторский: Да, методология и наши отечественные традиции — они в самом деле были очень интересными.

Если в эпистемологии конструктивизм противопоставляется реализму — вот есть то, что есть, и есть то, что мы сами придумали, изобрели и сконструировали, — то в более широком плане есть некоторые традиции, а есть то, что мы сами пытаемся пересоздать. И в самом деле, было такое умонастроение. Я думаю, что при всей разности проявлений конструктивизма, в них есть что-то общее. Кстати, Выготский может быть понят в этом

контексте, он тоже был конструктивистом, правда? И уж на него-то Герген ссылается как на своего предтечу. А вот еще такой факт. У меня есть книжка Фихте в переводе на русский язык, издания тридцать четвертого года, с предисловием. Знаете, какое предисловие? Автор объясняет, почему Фихте издается в это время и зачем он нам нужен. Получается, что Фихте — это наш советский философ, конструктивист, который считает, что нужно все создавать, развивать деятельность. Или взять соцреализм — по замыслу, — это была чисто конструктивистская штука. Другое дело, что из этого получилось.

И ещё я напомуню вам об идее глобального проектирования, которую высказал Г.П.Щедровицкий. Она предполагает тотальное проектирование: все нужно проектировать. И ещё в связи с тем, что мы говорили о нашей истории. Я вспоминаю нашего известного философа, ныне покойного, в высшей степени экстравагантного человека, А.А.Зиновьева. В своей последней книжке он написал, что Советский Союз на пятьдесят лет предвосхитил будущий мир, что он слишком рано начал и что все к этому придут. Зная Зиновьева, я подумал, что он всегда любил высказывать какие-то парадоксы.

А недавно я слушал доклад, с которым выступил директор Института искусственного интеллекта. Доклад был посвящен анализу современных тенденций развития общества и человека с точки зрения развития новых научных достижений и информационных технологий. Он ввел такие термины, как е-общество и е-человек, т.е. электронное общество и электронный человек. Он ставит вопрос: что происходит, к чему мы идем? И считает, что к тотальному проектированию, к конструкции даже телесности и что сейчас вот такие планы вполне реальны. Он сказал также, что если бы Советский Союз не развалился, то лет через сорок исчезла бы всякая разница между тем или иным социальным строем, что все были бы в одном электронном обществе. И там, с его точки зрения, было бы плохо, но всё идет к этому.

Так что это тоже какой-то фон для наших разговоров о конструктивизме, уже в таких конкретных областях, как эпистемология и науки о человеке. Все это, конечно, интересные вопросы, и их ещё надо обсуждать.

Социальный конструктивизм и социальное конструирование

Наше обсуждение еще раз показало, насколько многозначно само понятие «конструктивизм» и сколь разнообразны философские концепции, носящие это название. Конструктивизм как широкое направление, или даже скорее движение, в современной гуманитарной мысли является собой характерный компонент «постсовременной» культурной ситуации. Название этого широко обсуждаемого сегодня направления вызывает самые разные исторические ассоциации и аналогии. Даже сторонники конструктивизма не удовлетворены таким самоназванием из-за этих неизбежных ассоциаций и стараются как-то отделить себя от своих «однофамильцев», вводя уточнения вроде «коммуникативный конструктивизм», «радикальный конструктивизм» или «социальный конструкционизм». Из множества проблем и идей, развиваемых в этом направлении, одной из главных является идея «социального конструирования реальности», придающая конструктивизму какое-то новое звучание. Если раньше конструктивистские идеи развивались как способ решения теоретико-познавательных проблем, а позднее — художественных и социальных, то теперь происходит процесс переосмысления когнитивных феноменов как социальных конструкций, а социальных — как когнитивных.

Идея конструктивизма в европейской философии имеет долгую историю — от античности до наших дней. В различных исторических культурных контекстах эта идея приобретала зна-

чение и функции, весьма отличные от утверждаемых современными конструктивистами. В качестве теоретико-познавательной идеи конструктивизм практиковался еще в античности, особенно в трудах античных математиков, на пример, младшего современника и оппонента Платона Евдокса Книдского, утверждавшего конструктивистское происхождение математических объектов. В математическом мышлении конструктивистские идеи и поныне не утратили своего значения.

В эпистемологии конструктивистское понимание познания получило обоснование и распространение в философии нового времени и было наиболее концентрированно выражено в трудах И.Канта. Познание понималось как конструкция разума, который препарировал природу в соответствии со своими собственными закономерностями. Конструктивизм развивался в русле философской программы обоснования знания в контексте недоверия к опыту, с одной стороны, и утверждения активности субъекта познания – с другой. Проблема обоснования возможности достижения в этих условиях объективного истинного знания составляла смысловой центр интеллектуального контекста, в котором реализовывались идеи конструктивизма того времени. Он был включен в контекст критики познания, понимаемой как осмысление его предпосылок, возможностей, границ и рефлексия над ними. Конструктивизм был непосредственно включен в критицизм, выполнявший функцию самоопределения науки и её самоутверждения, ибо указание на границы познания одновременно утверждало и его позитивные познавательные и преобразующие возможности в пределах этих границ. Критицизм сочетался с гносеологическим оптимизмом, который, в свою очередь, фундировал оптимизм социальный. Это единство и взаимоподдержка социального и гносеологического оптимизма составляет ядро философии Просвещения. Критика познания служила обоснованию возможности достижения объективного и истинного знания и тем самым права науки на социальное признание её авторитета, на высокий социальный статус и особую роль в преобразовании общества на рациональных основаниях.

Новым, «эстетическим» этапом в развитии идей конструктивизма было, в частности, литературно-художественное движение первой четверти прошлого века, нацеленное на констру-

ирование новой социальной среды и посредством этого создание нового «конструктивного» человека. Из области научного познания идеи конструктивизма переместились в социальную и гуманитарную сферы, сохраняя при этом такие его основополагающие принципы, как критицизм и веру в силу человеческого разума. Только теперь это уже был социальный критицизм революционного времени, дошедший до радикального отказа от существующих способов организации жизни. Оптимизм же был непосредственно связан с конструктивизмом и на нем основывался. В отличие от предшественников, конструктивные способности направлены теперь не столько на познание природы, сколько на преобразование всей жизни общества. Революционные изменения начала XX в. способствовали восприятию идей социального конструирования, основанного на восприятии социальной, как, впрочем, и природной, реальности не как данной, а как творчески создаваемой, проектируемой на основе идеалов и представлений о должном. И поскольку творческие способности человека наиболее полно раскрываются и реализуются в искусстве и литературе, в них и нашли свое наиболее яркое выражение и воплощение конструктивистские идеи того времени. В идеологии конструктивизма соединились революционный нигилизм и романтика утопических идеалов, обращенная, как и всякий утопизм, к тотальному конструированию нового мира. Представителями этого направления была поставлена задача конструирования такой окружающей среды, которая бы активно направляла жизненные процессы. Присущий утопизму инженерный подход к реальности нашел в конструктивизме свое наиболее адекватное выражение. «Октябрьская метла» (В.В.Маяковский) расчистила место для конструирования новой культуры. Конструирование новой реальности, соответствующей новому идеалу и воплощающей его, — вот пафос конструктивистов того времени.

Победа плана над стихией, изобретательство и техника, художественное освоение открываемых техникой возможностей творчества, создание конструкций «без балласта изобразительности» (А.Веснин) и одновременно выражение художественными средствами конструктивных свойств материала, будь то железобетон (в архитектуре) или слово (в поэзии), — все это было

в арсенале конструктивизма того времени. Такому слову в поэзии отводилась та же роль, что и железобетону, применение которого в строительстве открыло новую эпоху конструктивистской архитектуры.

В отличие от предшествующего «эпистемологического конструктивизма», отечественный конструктивизм можно назвать «утопическим» из-за его близости революционно-утопическим идеям построения нового общества. Он был своеобразным и ярким выражением стиля революционной эпохи, базирующейся на мировоззрении и идеологии коммунизма. Особенно ярко эти идеи были реализованы в архитектурных проектах конструктивистов. Но идеи соединения технического и художественного творчества прозвучали и в литературных поисках поэтов того времени, объединенных в ЛЦК – литературный центр конструктивистов, возглавляемый Корнелием Зелинским и Ильей Сельвинским. Об идеологии и настроении авторов ЛЦК свидетельствуют характерные названия издаваемых ими коллективных сборников – «Мена всех» (М., 1924), «Госплан литературы» (М., 1925) или, к примеру, название статьи идеолога конструктивизма К.Зелинского «Конструктивный социализм», помещенной в коллективном сборнике «Бизнес» (1929 г.). Еще более претенциозно звучит название декларации «ЗНАЕМ. Клятвенная конструкция (Декларация) конструктивистов-поэтов»¹. Печатным органом конструктивистов был журнал «На литературном посту»².

¹ В качестве иллюстрации духа конструктивизма приведем отрывок из этой декларации: «Конструктивизм как абсолютно творческая (мастерская) школа утверждает универсальность поэтической техники; если современные школы порознь вопят: звук, ритм, образ, заумь и т.д., мы, акцентируя И, говорим: И – звук, И – ритм, И – образ, И – заумь, И – всякий новый возможный прием, в котором встретятся действительная необходимость при установке конструкции» (*Чичерин А., Сельвинский И.* Клятвенная конструкция конструктивистов-поэтов // Литературные манифесты от символистов до наших дней / Сост. С.Джимбинов. М., 2000. URL address: http://www.9151394.ru/projects/liter/bibl_11/manifest/doos/doos1.htm/

² Среди авторов журнала «На литературном посту» упоминается и наш известный историк философии В.Ф.Асмус, но мне не удалось найти каких-либо его конструктивистских работ.

На первый план идеологи ЛЦК выдвигали понимание художественного произведения как конструкции, что противопоставлялось отвергаемому ими буржуазному искусству, трактуемому как пассивное отражение действительности. (В этом пункте — противопоставление конструирования отражению — современные конструктивисты являются прямыми последователями наших.) Главное назначение произведения искусства — максимальное участие в «организационном натиске рабочего класса» посредством его насыщения злободневной тематикой и применения наиболее «техничных» средств и приемов художественного выражения духа времени. В литературе одним из таких средств был принцип «грузификации слова», его максимальной уплотненности, по аналогии с увеличением полезного эффекта в технике путем уменьшения затрат по весу и материалу на единицу силы. В манифесте «Мена всех» принцип «грузификации слова» или «конструкторского» распределения материала уточняется как «максимальная нагрузка потребности на единицу его, т. е. коротко, сжато, в малом — многое, в точке — всё»³.

Пафос техники преобладал и главенствовал в литературных опытах конструктивистов, оттесняя на второй план острые социальные проблемы, за что это направление было подвергнуто суровой критике со стороны идеологов-марксистов того времени, и к 1930 г. ЛЦК пришел к самоликвидации. Как и любой утопический проект, революционный конструктивизм завершился «башней Татлина» — прекрасной моделью, не имеющей воплощения⁴. И хотя утопии никогда не достигают своей цели, не реализуются в том виде, в каком замышляются, тем не менее они вносят свой вклад в культуру, доводя до предельной ясности

³ «Мена всех»: Сб. ст. М., 1924. С. 8.

⁴ К счастью, «бумажным» оказался и нереализованный проект конструктивиста И.Леонидова, предлагавшего возвести на Красной площади огромную башню для Министерства тяжелого машиностроения, которая должна была подняться выше колокольни Ивана Великого и символизировать победу и мощь пролетариата. Будем надеяться, что так же завершится и проект «памятника Газпрому» в Санкт-Петербурге, прозванному в народе «кукурузой».

ти и наглядности заключенные в них идеи. Так произошло и с конструктивизмом, еще раз показавшим, что утопия наиболее полезна и плодотворна именно как «бумажный проект».

Современный конструктивизм декларирует свою полную непричастность как к классическому «эпистемологическому» конструктивизму, так и тем более к конструктивизму «утопическому». Однако имена или названия редко бывают случайными. И то, что сторонники этого направления не смогли подобрать иное самоназвание, отчасти свидетельствует о хотя и непризнаваемой ими, но глубокой связи со своими предшественниками. Главным, что их объединяет, остается, конечно, идея конструкции как выражения творческого, активного начала человеческого сознания и познания. А в качестве основного «разъединяющего» принципа оказывается идея критицизма как в её классическом понимании в контексте проблемы обоснования возможности объективного знания, так и в утопическом контексте обоснования идеала совершенного общества посредством раскрытия антагонизмов существующего. В новейшем конструктивизме идеи объективности и истины признаются безнадежно устаревшими, а критика общества уступает место «терапевтическому» исправлению сознания. Таким образом, в нём произошел отказ как от гносеологического оптимизма «эпистемологического» конструктивизма, так и от социального критицизма конструктивизма «утопического».

Если посмотреть на исходные идеи современного конструктивизма, на первый взгляд с точки зрения эпистемологии все выглядит вполне обычно: понимание познания как активного, т.е. конструктивного процесса, — кто с этим будет спорить? Или понимание специфики социального знания как социокультурно обусловленного и со стороны его субъекта, и со стороны содержания знания. Об этом так много написано, в том числе и в отечественной философии и психологии. Теперь это уже не считается спецификой только социального знания, но признается и в отношении современного естествознания как одна из характеристик его «постнеклассической» стадии. То же касается и борьбы с фундаментализмом, тематизацией ситуативности и исторического своеобразия знания — все это уже стало общим местом в эпистемологии.

Особенность современного конструктивизма — в особом взгляде на знание, в новом ракурсе его рассмотрения, когда оно выступает в качестве инструмента обеспечения жизнедеятельности организма (индивида, социальной группы, общества). Важным моментом является изучение того, как научное познание влияет на жизнь людей, меняет и структурирует бытие человека. Познание является здесь синонимом жизни как процесса самоорганизации и самосохранения. Такой подход открывает большие просторы для исследования специфики социальной реальности.

В отличие от ранее рассмотренного «эпистемологического» конструктивизма, современный конструктивизм отличается новым ракурсом в рассмотрении социального знания — как конституирующего элемента человеческого опыта повседневной жизни. Изучается процесс освоения человеком не объективного мира, а практики социального взаимодействия, где знание является средством конструирования социального опыта. Особенно важен акцент на активности ментального мира в жизни человека и социума. И этот акцент вполне созвучен духу времени: чем больше человек полагает, что обретает независимость от природы, тем большее значение он приписывает созданному им ментальному миру, вплоть до утраты различия между реальным и виртуальным мирами, свойственной постмодернистскому сознанию.

Осуществляемый в русле конструктивизма анализ знания как конституирующего элемента социальной реальности⁵ не влечет с необходимостью тех эпистемологических выводов, которые делаются на его основе. Тем не менее современный конструктивизм обнаруживает серьезные философские притязания — делается попытка переформулировать и решить средствами современной социальной науки «вечные» вопросы философии. Подобные попытки разрешения философских проблем средствами науки предпринимались неоднократно. Необычность здесь состоит в том, что отвергается стихийный реализм, свойственный ученым по самой природе исследователь-

⁵ Здесь речь идет лишь об одном его направлении, развиваемым в социально-гуманитарных науках и именуемым «социальным конструкционизмом», или, как его еще называют, «коммуникативным конструктивизмом».

ской деятельности. В борьбе с эссенциалистским «удвоением мира» конструктивисты пошли не по пути редукции идеального к материальному, что уже неоднократно было, а по пути запрета вопросов онтологического характера. Познание стало рассматриваться исключительно со стороны познающего, а само познаваемое также как являющееся содержанием сознания. Знание рассматривается как особая реальность, как «окружающий мир», с которым сталкивается или в котором существует человек в своей повседневной жизни. Оно не представляет (репрезентирует) какой-либо реальности, а составляет субстрат, образующий саму эту реальность. При этом не человек формирует свой образ реальности, а, напротив, наши представления, знания формируют нас по своему образу и подобию. Они обуславливают наш опыт и предписывают нам способ осмысления мира и деятельности в нем. Это касается и научного знания как элемента ментального мира, в котором оно переплавляется в обыденные понятия. Познание выполняет задачу упорядочения внутреннего мира социального субъекта, а не объяснения объективной онтологии бытия. При таком понимании действительно неуместно ставить вопрос о его истинности, поскольку критериями служат уже не доказательство, проверка, обоснование, а доверие, пригодность, приемлемость и т.п.

Знание, рассматриваемое как конституирующий элемент в структуре социальной реальности, обнаруживает, конечно, иные характеристики, чем знание в структуре познавательной деятельности, где оно, сохраняя все черты социальности (включенность в конкретную социокультурную реальность с присущей ей культурной традицией, конструктивность, понимаемую как выражение активности человеческого сознания, ситуативность, историчность), все же к ней не сводится. Познавательная деятельность, развившись в особый тип отношения к миру, нацелена на выработку знания «об объекте» и потому ориентирована на идеалы объективности, истинности, проверяемости, согласованности, общезначимости и т.д. Знание в структуре познавательной деятельности отличается от знания как элемента повседневности. Но так же, как знание об объекте не возникает в безвоздушном пространстве, вне социума, вне культуры, так и социальная жизнь, при всем её своеобразии, не может протекать вне приро-

ды и истории, не испытывая сопротивления объективного мира. Поэтому разрыв этих двух сфер реальности носит относительный характер и преодолевается на философском уровне осмысления бытия. Когда же философские вопросы рассматриваются в пространстве конкретно-научного исследования, нередко могут открыться новые и неожиданные ракурсы, но при этом возможна и односторонность, и абсолютизация этой односторонности. Философские притязания конструктивистов понятны, ибо очень уж «философски нагружена» область их интересов. Но особенно эпатажные манифесты конструктивистов, вроде «эпистемологического солипсизма», надо принимать *cum grano salis*.

Из трех рассмотренных вариантов конструктивизма нас более всего интересует сравнение двух последних.

Выбор такого сопоставления обусловлен как совпадением названий, так и провоцирующими такое сближение высказываниями и названиями работ современных конструктивистов, таких, например, как «Изобретенная действительность». Это название известного сборника статей конструктивистов под редакцией П. Ватцлавика вполне подходит и для обозначения какого-нибудь утопического проекта. Можно обнаружить сходные черты рассматриваемых направлений в их понимании социальности как сконструированной реальности, в отождествлении образа действительности и самой действительности. Утопия — это тоже теоретическая конструкция, идеальная модель. Ибо что такое остров Утопия или город Солнца, как не придуманные, или иначе — изобретенные образы идеального общества? Сходны они и в отрицании понимания познания как отражения. Если современные конструктивисты отрицают понимание познания как репрезентации, то утопические конструктивисты отрицали искусство за его пассивность и отражательность. Подобно понятиям в интерпретации конструктивизма, идеал утопических конструктивистов также не отражает мир, поскольку он не может быть получен из опыта, но творит его. Объединяет их и акцент на творческой роли идей, или, в терминологии новых конструктивистов, «социальных представлений», их определяющего влияния на жизнь. Утопические проекты — это тоже «социальные представления», реально воздействующие на социальное поведение, на ход истории.

Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается лишь внешний характер указанного сходства. В то время как различия между ними оказываются весьма значительными. Так, если конструктивисты отказываются ставить и решать проблемы онтологии, причем не потому, что они не входят в компетенцию конкретных социальных наук, а потому, что считаются ими бессмысленными, утопические проекты базируются на твердом онтологическом фундаменте. Они опираются на осмысление «вечной» идеи социальности и основанные на ней представления о структуре и законах общества, знание которых служит опорой для проектирования идеального общественного устройства. Принципы рациональной организации общества выводятся из онтологии социальности. Поиск истины — не последняя задача для утопии и радикально отрицаемая в современном конструктивизме.

Утопизм совершенно не приемлет плюрализм равнозначных реальностей. Он всегда императивен, претендует на знание объективной истины и старается донести это знание до других. В противоположность этому социальный конструктивизм всякую рациональность, в том числе и научную, рассматривает как результат взаимного обмена смыслами или «конвенциональной интеллигибельности». Поэтому для утописта конструирование знания не равно конструированию реальности. Только осмысление сущности социальности дает ключ к пониманию и критике реального существования и помогает найти пути его изменения в нужном направлении. В отличие от конструктивизма, утопия строит метафизику социального бытия. Предлагаемые утопией конструкции ориентированы на идеал, а не на эффективность, пригодность, жизнеспособность и т.п. Утопия противопоставляет реальную действительность её идеальному образу, или виртуальной реальности, тогда как в конструктивизме по существу не проводится различий между реальной и виртуальной действительностью. Поскольку реальность понимается как состоящая из интерпретаций и оценок, то достижение «счастья» возможно в любой ситуации и не путем преобразования мира, а путем изменения своего отношения к нему — т.е. путем пересмотра своих интерпретаций. Как писал Ватцлавик, больным человека делает не болезнь, а ее интерпретация.

Это же можно повторить и в отношении конструктивистского понимания общества. Такая позиция возможна и приемлема в ментальной среде, где преобладает удовлетворенность существующим положением дел, но в ситуации осознания глобального кризиса метод смены картины реальности, если он не повлечет за собой изменения в самой реальности, едва ли окажется эффективным для выживания как человека, так и человечества.

В результате проведенного сопоставления можно сделать вывод, что несмотря на совпадения во многих частных позициях, отечественный и современный конструктивизм расходятся в основополагающих для каждого из них принципах. Современный конструктивизм не просто отличается от утопизма, но представляет противоположную ему крайность в понимании природы социального. Если воспользоваться классификацией К. Мангейма, современный конструктивизм выполняет отличную от утопической идеологическую функцию, поскольку способствует консервации и стабилизации общества, а не его радикальным преобразованиям. Утверждаемый социальным конструкционизмом принцип изменения отношения к действительности (подразумевается, что мы не можем изменить её) противостоит утопическому принципу радикального преобразования мира, если он не соответствует нашим идеалам. В отличие от раннего «эпистемологического» и недавнего «утопического» этапов эволюции идеи конструктивизма, современный конструктивизм выражает скорее дух усталости и разочарования в познании и культуре вообще, неверие как в социальный идеал, так и в возможности реализации классического идеала познания.

Дискуссия

А.А.Воронин: Как я понимаю, утопия всегда предполагает насилие. Клячу истории надо загнать, как говорил Маяковский. Не так ли?

Е.Л.Черткова: Это известный довод против утопии, его широко применял Поппер, в чем я с ним не могу согласиться. Обвинять Платона в бедах, принесенных тоталитаризмом, видеть в нем провозвестника большевизма — это своего рода пре-

зентизм, переинтерпретация классика в контексте нашей эпохи. Платон видел путь к утопии исключительно мирным, он предлагал поставить во главе государства философов, разум и мудрость которых обеспечили бы справедливое управление обществом. Насилию подвергся только он сам. Принудительную силу он видел в идеях, а не в насилии. Верно в вашем замечании то, что попытки осуществления утопии неизбежно встречают «сопротивление материала», но история знает немало случаев ненасильственных попыток осуществления определенного социального идеала. Правда, такие попытки были локальными и недолговечными.

А.А.Воронин: Но Платону, несмотря на его попытки, так и не удалось воплотить в жизнь свою модель?

Е.Л.Черткова: Да, не удалось. Платон трижды пытался осуществить свой проект идеального государства и даже сильно пострадал «в борьбе за это». Но в итоге он пришел не к отказу от утопии вследствие её неосуществимости, а к утверждению, что вопрос о реализуемости утопии не имеет никакого значения. Платон слишком высоко поместил свой мир идей, что давало ему основание не связывать ценность идеала с вопросом о его осуществимости. Идеи самоценны и, будучи образцами совершенства, не могут быть в точности воспроизведены в мире вещей.

А.А.Воронин: И все же утопическое сознание обязано навязать неправедному миру праведный идеал? Единственный путь — революция.

Е.Л.Черткова: Авторы утопий не обязаны любыми средствами, включая революционное насилие, реализовать свой идеал, но лишь предлагали его обществу. Классические утописты опирались на убеждение, на силу разума. Как я уже говорила, Платон предлагал философам возглавить управление государством.

В.А.Лекторский: Утописты совсем не обязательно являются и революционерами. Фурье, Сен-Симон — они разве революционеры?

В.И.Аршинов: Они просто выдвигали проект наилучшего общественного устройства.

Е.Л.Черткова: Именно так. И не только предлагали, но старались его обосновать как интеллектуально, так и этически. Хороший пример — утопия, предложенная Томасом Мором. Он

начинает с анализа причин, по которым в обществе процветает коррупция, воровство, возможность одних жить за счет труда других. У него очень интересное и поучительное отношение к золоту. И на основе такого критического анализа он предлагает свои пути выхода из нетерпимого, на его взгляд, положения. Это и составляет основное содержание его «Утопии».

А.А.Воронин: И все же насилие над историческим процессом — неотъемлемый компонент всякой утопии.

Е.Л.Черткова: Насилие, к сожалению, неизбежный компонент всякого государственного управления. У нас сейчас переполнены тюрьмы. Мы что — утопию реализуем? Суть утопии — приведение в соответствие сущности и существования, сущего и должного. Пути же могут быть самыми разными, не обязательно насильственными. Это уже скорее поле ответственности политиков.

Ю.В.Пуцаев: Я не очень понял смысл приведенного вами высказывания конструктивиста о том, что больным человека делает интерпретация болезни, а не сам ее факт.

А.А.Воронин: Болезнь определяется как соотношение нормы и патологии. Если у всех воспаление легких, тогда твое воспаление легких болезнью не является.

Е.Л.Черткова: Нет, речь идет не о патологии, а об изменении своего отношения к определенным обстоятельствам и отношения к тебе других людей. Здесь попытка перенести психотерапевтические методы на всю сферу социального. Суть этого высказывания в том, что можно сделать человека счастливым, не меняя социальных порядков или даже общественного устройства, а просто переинтерпретировав свое понимание событий, в данном случае собственной болезни, и изменив таким образом отношение к ней. У Ватславика — это его высказывание я приводила — есть утверждение о том, что общество нуждается в терапии. Задача конструкционистского психолога состоит в том, чтобы проводить эту терапевтическую работу: консультации, тренинги и прочее. Это как раз тот путь, о котором говорил в своем выступлении В.Ф.Петренко. Я ничуть не умаляю ценности и важности таких направлений, как нарративная психотерапия. Я лишь против таких толкований, когда она претендует на замещение теоретической психологии, с одной стороны, и теоретической социологии — с другой.

А.Ю. Антоновский: Существует ли способ или объективный механизм отделения утопического от неутопического? В чем состоит утопичность? По Мангейму, утопично то, что идеологи считают нереализуемым, а утописты считают идеологическим то, что еще не отжило. В этом случае различение идеологии и утопии не допускает объективной фиксации, возможности отсекаать нереализуемые проекты.

Е.Л. Черткова: Я должна отметить в реплике Александра две неточности. Во-первых, истолкование утопического как нереализуемого не соответствует понятию утопии, по крайней мере, моему пониманию утопии. Это обиденное словоупотребление. Мечты, фантазии, желания, намерения – много чего на свете нереализуемо, но не всё при этом является утопией. В то же время Бердяев говорил о том, что самое страшное у утопии как раз то, что она осуществляется. Во-вторых, Мангейм как раз предлагает свой вполне определенный критерий различения идеологии и утопии – прежде всего по их роли в социальном развитии: утопии способствуют радикальным социальным изменениям, провоцируют их, в то время как идеология стабилизирует общество, способствует его устойчивости. В моем противопоставлении современного конструктивизма и социального конструктивизма начала века я как раз опиралась на этот функциональный критерий Мангейма. Но когда цели радикального преобразования теряют свою актуальность, утопия может, почти не меняя своего содержания, превратиться в идеологию, что и произошло у нас в 30-е гг. XX в., когда, особенно в фильмах, жизнь изображалась такой, какой она должна быть, но не такой, какой она была в действительности. В них по существу изображалась утопия. Тогда это называлось социалистическим реализмом.

А.Ю. Антоновский: Можно ли сказать, что утопия сама тоже является идеологией?

Е.Л. Черткова: Это зависит от того, что вы понимаете под идеологией. Если понимать под идеологией ложное сознание, главной функцией которого является оправдание действительности, то это не свойственно утопии. Но если понимать идеологию как систематическое представление проекта преобразования действительности со своими задачами и методами их реализации – то можно.

Реплика: Можно ли все нереализуемые проекты называть утопическими?

В.А.Лекторский: А разве всегда можно заранее определить, реализуем проект или нет? Многие казавшиеся утопическими идеи впоследствии были реализованы. Я могу привести пример осуществления утопии Кампанеллы в государстве иезуитов – Парагвае. И там индейцы, кстати, прекрасно себя чувствовали. Правовое государство тоже сначала было утопией, но постепенно это реализуется. Неправильно относиться к утопиям, как к каким-то фантазиям.

Е.Л.Черткова: Согласна с вами. Таких примеров было немало в истории, правда, все они были локальными и кратковременными. В утопии выражается представление о должном, и иногда все же это должное получает свое воплощение в реальности, как в вашем примере с правовым государством. Можно привести и пример с демократией. Идея демократической формы правления тоже сначала была разработана в утопии, в частности у Ж.-Ж. Руссо, в его теории общественного договора. Впоследствии политики превратили её в проект, и усилиями многих людей она стала воплощаться в реальность.

В.И.Аршинов: Утопия сейчас рассматривается в самых разных аспектах. Например, у Э.Блоха она понимается как философия надежды.

Е.Л.Черткова: Да, это верно. Понятие утопии очень многозначно, и оценки её роли и места в жизни общества весьма различны. В нашей постперестроечной печати утопия стала скорее бранным словом, чем научным понятием. Но в современной западной литературе она трактуется более позитивно и разнообразно. В частности, упомянутый здесь Эрнст Блох, автор таких известных работ, как «Дух утопии» и «Принцип надежды», трактовал утопию как выражение надежды. Надежда – это у него первый коррелят фантазии. Связывая утопию с фантазией и надеждой, он, во-первых, подчеркивал неотъемлемый и непреходящий характер утопии, поскольку мы не можем жить без надежды, мы можем лишь менять образы нашей надежды. Во-вторых, он утверждал онтологическую укорененность утопии в незавершенности самого бытия, поэтому «фактическая» действительность не может опровергать утопию. Утопия коре-

нится в процессуальности действительности и является провозвестником нового. Надежда утверждает конструктивность нового, она не дает погрузиться в бесплодную мечтательность, но и удерживает от филистерства, от компромиссов с несовершенной действительностью, от утверждения данного в качестве абсолюта. «Фундированную» надежду он считал самым позитивным способом бытия-в-возможности.

Проблема Я в конструктивизме

В своем докладе я бы хотела не сосредоточиться на описании конструктивизма как направления, а говорить о локальной проблеме — проблеме *Я* и о том, как она понимается в конструктивистском ключе. Хотя на самом деле ее трудно назвать локальной, она является одной из фундаментальных философских проблем. В определении *Я* существует множество трудностей и часто вопрос о *Я* превращается в спор о терминах. Не буду углубляться в обсуждение сложностей определения *Я*, но сформулирую относительно этого два основных положения, из которых я исхожу.

Во-первых, я предлагаю выделять три плана в понимании *Я*: 1) *Я* как центр познания — эпистемологический план; 2) *Я* как самость — психологический план; 3) *Я* как саморепрезентация — социальный план. На мой взгляд, в истории философии прослеживается смещение акцента с эпистемологического плана на психологический и социальный, и именно два последних играют существенную роль в конструктивистском понимании *Я*.

Во-вторых, необходимо отметить, что *Я* понимается мной как сложносоставная система, отдельными элементами которой являются *Я*-образы. Эта система находится в постоянной изменчивости и развитии: изменяется количество *Я*-образов, изменяется их набор, одни исчезают, на смену им приходят другие и т.д. Именно поэтому мне представляется особенно важным говорить о конструировании *Я*.

Основной интерес для конструктивистского понимания *Я* представляют различные концепции, объединенные в направлении социального конструкционизма, о чем речь пойдет чуть позже. Однако можно назвать некоторых предшественников идеи *Я* как конструируемого. Например, у И.Фихте¹ *Я* создает само себя и в каком-то смысле весь мир. Однако здесь возникает порочный круг, поскольку, с одной стороны, *Я* уже полагается изначально, с другой — является целью, к которой надо стремиться, т.е. оно содержит в себе одновременно начало и конец. Мне кажется, впрочем, что когда Фихте пишет о *Я*, он понимает под ним нечто совсем иное, нежели мы понимаем сегодня, поэтому я бы все же не стала включать концепцию Фихте в конструктивистские представления о *Я*. Тем не менее на примере Фихте мы видим, что представление о *Я*, возникающем в результате творческой активности сознания, существует и в классической философии.

Значительно ближе к конструктивистскому пониманию *Я* — концепция Ж.-П.Сартра. Важным фактором в конструировании *Я*, по мнению Сартра², является также присутствие Другого в моем опыте. *Я* как акт саморефлексии и как его объект возникает из отношения индивида к другим. Сначала человек чувствует себя наблюдаемым, объектом Другого. И лишь потом, в результате речевой коммуникации, возникает полноценное *Я*. Оно как бы загораживает подлинную жизнь субъекта от него самого (Сартр называет его одним из видов «ложного сознания»), и субъект пытается избавиться от него. Но он не может этого сделать, т.к. само по себе пустое сознание тяготеет к самообъективации в виде *Я*, а жизнь в обществе людей заставляет сознание принимать образ *Я* (именно другие люди заставляют человека принять образ *Я*, тем самым затрудняя ему доступ к самому себе). Поэтому сознание должно постоянно менять свое *Я* и его образ (*Я* и его образ неотделимы). Постоянная смена *Я*, по Сартру, — важный показатель аутентичности жизни. Смена *Я* необходима для самопознания, она помогает не «застревать» в образе, навязанном нам обществом.

¹ См., например: *Фихте И. Факты сознания // Фихте И. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. М., 2000. С. 392–544.*

² См.: *Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.*

Сартр также говорит о магическом Я³. Чародеем для Я является не только Другой, но и мы, когда начинаем рассматривать наше Я (Мои), являемся заклинателями самих себя. Я (Мои) бесконечно близко к нам, поэтому как бы мы ни отступали от него, нам трудно посмотреть на него со стороны, как на любой другой объект. Таким парадоксальным образом Сартр делает вывод, что хорошо знать себя означает лишь знать себя с точки зрения Другого, т.е. заведомо ложным способом.

Хочу здесь подчеркнуть, что Я создается не Другим, а лишь под его влиянием. Воздействие социума на формирование Я велико, но не безгранично. Важным в концепции Сартра мне также кажется то, что Я, по его мнению, может конструироваться в том числе и из фиктивных, ложных воспоминаний, поэтому вопрос об «истинном Я» повисает в воздухе. Противопоставление «социальное Я как навязанный образ» и «подлинное/истинное/настоящее Я» в конечном счете оказывается бессмысленным, потому что подлинность Я всегда является условной, конвенциональной.

Хочу напомнить также идею К.Маркса, подхваченную и М.Хайдеггером: это идея о человеке как авторе самого себя. Хайдеггер⁴ пишет о том, что человек стремится создать свое аутентичное Я, а этот процесс возможен только на основе проекта быть самим собой. Только аутентичная личность может обладать существенными характеристиками самости (индивидуальность, тождественность себе, единство, субстанциональность). Быть Я — означает достичь всех этих качеств и оставаться верным им. У человека есть возможность выбирать собственные возможности в различных ситуациях, возникающих в его жизни, так он реализует свое авторство себя. По Хайдеггеру, все бытие человека сводится к постоянному стремлению к целостности, аутентичности и борьбе за ее сохранность.

Другой корпус идей, связанных с конструктивистским подходом к Я, содержится в психологии. Во-первых, речь идет о психоанализе З.Фрейда, где мы видим, что собственно Я-Его фактически является конструируемым результатом взаимодействия Super-

³ См.: Сартр Ж.-П. Трансцендентность Эго. набросок феноменологического описания // Логос. 2003. № 2. С. 86–121.

⁴ См.: Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002.

Его и Id: в каком-то смысле Super-Ego «усмиряет» часть бессознательного, вычлняя в нем сознательные структуры. Сознательное Я возникает при соприкосновении бессознательного с внешним миром. Во-вторых, можно упомянуть концепцию психосинтеза Р.Ассаджоли⁵. С точки зрения Ассаджоли, постижение своего Я необходимо. Однако люди, которые не способны постигнуть свое Я, могут создать соответствующий идеальный образ, а затем стараться воплощать его в жизнь. Идеальные модели могут быть не только жизненными ориентирами по принципу «кем я хочу быть», но и экстравертивными идеалами – например, патриот, посвящающий себя родине, женщина, посвящающая себя любимому и таким образом поглощенная им, полностью отождествляющая себя с ним. Вокруг выявленного центра объединения и формируется новая цельная личность. Именно процесс ее создания и называется психосинтезом. Для осуществления психосинтеза необходимо четко сформулировать программу реализации «себя».

В гуманистической психологии Абрахама Маслоу⁶ высказывается идея о потребности человека в самоактуализации. Высшей из человеческих потребностей, с точки зрения Маслоу, является потребность в самоактуализации, т.е. в раскрытии своих потенциалов наиболее успешным образом. По Маслоу, новорожденный ребенок еще не является человеком, он лишь человек в потенции. Человеком нельзя родиться, им нужно стать. В этом становлении помогают родители, общество, культура – именно они формируют человека, а затем он сам встает перед задачей поиска и раскрытия своих индивидуальных особенностей, своих «сильных» сторон. Маслоу отмечает, что зачастую этот поиск связан с трудностями, поэтому многие люди отказываются от него, таким образом отказываясь от возможности самоактуализации. Однако именно достижение самоактуализации является проявлением высшей человеческой сущности. Именно в ней Я реализует само себя, отвлекаясь от голосов Других и прислушиваясь лишь к себе. Самоактуализация также связана с нонконформизмом, с противопоставлением своего уникального Я любым другим инстанциям.

⁵ См.: Ассаджоли Р. Психосинтез // Психосинтез: теория и практика. М., 1994.

⁶ См.: Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.

Все вышеупомянутые философские и психологические концепции лежат в основе конструктивистского понимания *Я*, которое получило наибольшее развитие в социальном конструкционизме. Однако прежде чем переходить к рассмотрению этого направления, хочу отметить следующее. Мне представляется, что конструирование *Я* связано с его постоянным становлением и развитием, и *Я* человека никогда не бывает завершенным, изменения происходят постоянно.

Я предлагаю выделять два вида изменчивости, условно я их называю онтогенез и филогенез *Я*. Онтогенез — это развитие *Я* в ходе индивидуальной жизни. Многие психологи, в частности, Жан Пиаже, пишут о том, что *Я* не возникает при рождении человека, оно возникает, устанавливается в ходе его индивидуального развития, прежде всего в ходе общения, интеракций с другими людьми. Отмечается, что изначально ребенок не в состоянии осознать уникальность своей позиции относительно других людей и предметов, это приходит позже, когда ребенок учится смотреть на себя со стороны. Именно умение взглянуть на себя со стороны, способность к самонаблюдению, порождает *Я*. Даже в речи ребенка употребление слова «*Я*» применительно к себе возникает сравнительно поздно, обычно в возрасте около трех лет. Сначала у ребенка формируется один *Я*-образ, однако со временем увеличивается количество его социальных связей и соответственно этому увеличивается число *Я*-образов. Вероятно, максимальное количество *Я*-образов наличествует у человека в возрасте его наибольшей социальной активности. К старости количество кругов общения сокращается и ряд *Я*-образов, более не востребованных, исчезает.

Второй вид изменчивости — филогенез *Я*, под которым подразумевается развитие *Я* в ходе истории развития человечества. В традиционных культурах, в первобытном обществе *Я* представлялось дробным, оно было «размыто» в социуме (роде, племени) и природе. В царствах Древнего Востока правом называть себя «*Я*» обладал только главный иерарх — царь, главный жрец или бог. В античной Греции с ее принципом золотой середины индивидуальность также не поощрялась, а гомеровский человек представлялся зависящим от судьбы и богов, потому уровень его ответственности за свои поступки был невелик.

Однако у Сократа появляется идея личного бога, «даймона», чей «голос» мы можем сравнить с «внутренним голосом» человека, а в поздней античности римский философ Сенека высказывает мысль о том, что человек должен разбирать свои поступки сам с собой, как на суде, где он сам будет и истцом, и ответчиком, и судьей – этот суд мы бы сейчас назвали «судом совести». В средние века внутренний разговор человека с собой превращается во внутреннюю молитву, разговор человека с Богом. В эпоху Возрождения подчеркивается творческая многогранность человека, его способность ставить цель и добиваться ее, в том числе и в своем собственном становлении. В эпоху романтизма рассматривается проблема множественного Я, конфликта «истинного Я» и «маски», Я и общества. В капиталистическом обществе человек проявляет конформистские склонности, стремится избавиться от ответственности, бежит от свободы и становится винтиком в общественных машинах – бюрократической, производственной и т.д. На современном этапе, который часто называют постмодернистской эпохой, часто звучат слова о «смерти субъекта»; высказывается опасение, что цельность Я современного человека находится под угрозой, что Я распадается на отдельные ситуации, являясь чем-то вроде «пучка восприятий» из представлений наивного эмпиризма. Разумеется, современные социокультурные условия создают для поддержания чувства целостности Я существенные сложности, поскольку современному человеку приходится взаимодействовать в многочисленных социокультурных и информационных контекстах. Однако это не значит, на мой взгляд, что мы должны говорить о «смерти Я», напротив, тема Я, и в частности, тема Я-образов становится особенно актуальной.

Проиллюстрировав таким образом изменчивость Я в ходе исторического развития, подчеркнём, что Я является культурно-историческим продуктом, т.е. оно является обусловленным культурно-историческим контекстом, в котором находится человек. Именно это представление о происхождении Я и объединяет разные направления социального конструкционизма, где, на мой взгляд, наиболее полно рассматривается идея конструирования Я. Мне кажется более уместным использовать название «социальный конструкционизм», а не «конструкти-

визм», поскольку большинство представителей этого направления настаивают на употреблении термина «конструкционизм», чтобы не возникало путаницы с термином «конструктивизм», обозначающим разные направления в эпистемологии, математике и искусстве. В социальном конструкционизме можно выделить множество поднаправлений — одни из них больше склоняются к философии, другие — к социологии, третьи — к психологии, четвертые — к лингвистике и нарратологии. В подходе к Я их объединяет одна идея: Я является конструируемым, а не заданным изначально, оно является исторически обусловленным продуктом социума, основным средством конструирования которого является, собственно, язык и отраженные в языке социальные отношения.

Центральную роль в социальном конструкционизме занимает понимание Я как жизненной истории, как нарратива. Здесь мне хотелось бы сказать, прежде всего, о Михаиле Бахтине, который, хотя формально не принадлежит к социальному конструкционизму, но в понимании Я во многом к нему близок. В работе «Автор и герой в эстетической деятельности»⁷ Бахтин показывает, как автор видит и знает все, что известно герою, и он знает значительно больше и о герое, и о мире, в котором последний существует. Герой, его сознание и его мир находятся в сознании автора. Герой открыт и рассеян в своем мире, задача автора — собрать его в единое целое. Автор своими силами рождает нового человека, в мире, в котором он сам не может существовать, и устраняет себя из «поля жизни» героя. В случае, если герой автобиографичен, он должен взглянуть на него глазами Другого. Сознание автора (как Другого) и сознание героя (как Я) являются сознанием сознания, они принципиально неслиянны и сознание героя конкретно локализуется и завершается в незавершенном сознании автора. И даже в автобиографии автор не совпадает полностью с самим собой как героем автобиографии. Автор все время является одновременно и зрителем по отношению к герою и событиям его жизни. Отношения автора и героя являются, по сути, важной иллюстрацией отношений Я и Дру-

⁷ См.: Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.

гого. Бахтин говорит о том, что полноценным *Я* может стать, только если мы можем отнести к нему с позиций Другого, т.к. Другой видит во мне то, чего не можем видеть мы сами: он обладает «избытком видения» и благодаря этому дополняет мое знание о себе. Мы можем сказать, что для Другого мы, в каком-то смысле, являемся героем, а он является нашим автором, обладая уникальной возможностью видеть нас со стороны. Так, Бахтин отмечает важный для конструктивистского понимания *Я* момент коммуникации, диалога *Я* и Другого, причем под Другим здесь подразумевается наш собственный взгляд на себя со стороны. Развивая дальше мысль Бахтина в рамках представлений социального конструкционизма, можно отметить, что он близок к представлению о *Я* как нарративе, в данном случае автор-Другой рассказывает жизненную историю героя-*Я*.

Таким образом, *Я* рождается тогда, когда мы пытаемся артикулировать, передать другому (или же самим себе) информацию о себе. Мы даем себе описание, формулируем свою сущность, пытаемся увязать воедино факты своей биографии в последовательном и логичном повествовании. Так в разных концепциях человек является автором, а иногда всего лишь соавтором своего *Я*, а само *Я* называют теорией, нарративом, жизненной историей, полифоническим романом и т.п.

Один из основоположников социального конструкционизма и конструкционистского понимания самости американский профессор психологии Кеннет Герген, приобретший особую известность своей работой «The Saturated Self» («Насыщенная самость»)⁸, поясняет, что все формы понимания нами окружающего мира и себя (в этом же контексте рассматривается и *Я*) являются продуктами социума, исторически и культурно обусловленного взаимодействиями между людьми. Особую роль в конструировании *Я* играет язык как основное средство интеракций между людьми. Именно язык является одним из главных факторов в окружающей человека культурной среде, который и создает определенные условия, называемые в социальном конструкционизме «дискурсом».

⁸ *Gergen K.J.* The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life. N. Y., 1991.

Философы-конструкционисты Браунин Дэвис и Ром Харре⁹ предлагают называть «дискурсивными практиками» все способы, которыми люди активно создают социальную и психологическую реальности. Таким образом, дискурс понимается ими как институционализированное использование языка и схожих с языком систем. Важно помнить о том, что каждый язык уже налагает свои рамки на дискурс — различие менталитетов представителей разных народов не только подчеркивается языковым различием, но и создается благодаря ему. Сами личности, формирующие дискурсивные практики, являются одновременно формируемыми ими. Дэвис и Харре пишут о создании «позиций» (positioning) в ходе интеракции (они предлагают ввести это понятие вместо понятия «роли»): каждый человек занимает в каждом отдельно взятом процессе коммуникации конкретную позицию (она может меняться в зависимости от дискурса), определяемую его личностными особенностями. В отличие от теории ролей, где личность является отделяемой от каждой из социальных ролей, которые она выполняет, теория позиций фокусируется на способе, которым дискурсивные практики конструируют говорящих и слушателей, причем в ходе этих интеракций возможно одновременное формирование новых позиций: позиция возникает в ходе разговора, в котором говорящие и слушатели выступают в качестве личностей. Новые позиции возникают непосредственно в процессе разговора, и таким образом объясняется прерывность в формировании *Я*, которая создается посредством использования различных позиций. Если использовать метафору *Я* как романа, то позиция *Я* в каждом из дискурсов будет представлять одного героя этого романа, а сочетание позиций во всех дискурсах — произведение в целом.

С точки зрения Р.Харре, *Я* является определенного типа теорией, которой обладает тот или иной человек. Теория эта и является конструкцией, активно создаваемой самим человеком в рамках дискурса. Представитель нарративной психологии испанский психиатр Луис Ботелла указывает, что в его понима-

⁹ *Davies B., Harré R. The Discursive Production of Selves // Journal for The Theory of Social Behavior. 1991. № 20 (1). P. 43–63.*

нии *Я* конструируется не как теория, а как «нарратив»¹⁰. В чем различие? По его утверждению, теория состоит из неких ожиданий или гипотез личности о самой себе, тогда как основа нарратива — это определение ценностей и самооценка. Однако оба эти направления принимают как основную предпосылку то, что наши нынешние идентичности, которые мы себе приписываем, являются личными способами связывания нашего прошлого с ожидаемым будущим. Это чувство личностной связности может исчезать в некоторых клинических случаях (например, при паранойе), и тогда ощущение будущего пропадает, или же в случаях депрессии наличествует ожидание негативного будущего. Так, создание *Я*-конструкции необходимо для наведения моста между прошлым и будущим человека, т.к. она определяет то самое настоящее, в котором человек существует на данный момент. Она увязывает события жизни человека (прошедшие и предполагаемые) в единый узел. По мнению К.Гергена, нарратив создается непосредственно индивидом, тем не менее он формируется в рамках налагаемых языком социокультурных ограничений. Нарратив ограничен данным ему словарем языка, который он использует. Еще М.Мерло-Понти утверждал, что мы можем знать множество языков, но существуем во вселенной, созданной лишь одним из них, тем, который мы считаем для себя основным¹¹. Таким образом, детали, из которых конструируется *Я*, различны для каждой языковой среды. Что же такое нарратив? Собственно, это *жизненная история*, рассказанная самим человеком.

Представление о *Я*, рассказывающем свою жизненную историю, есть и у Д.К.Деннета, не принадлежащего к конструкционистскому направлению. В статье «Почему каждый из нас является новеллистом» (точнее было бы перевести «novellist» как «автор романов»)¹². Деннет высказывает точку зрения о существовании *Я* не в качестве реального, а в качестве абстрактного

¹⁰ См.: Botella L. Personal construct psychology, constructivism, and post-modern thought // *Advances in Personal Construct Psychology* (Vol. 3). Greenwich, CN, 1995. P. 3–36.

¹¹ См.: Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.

¹² См.: Деннет Д.К. Почему каждый из нас является новеллистом // *Вопр. философии*. 2003. № 2. С. 121–130.

объекта, который он сравнивает с ньютоновским понятием «центра гравитации» – фикцией, существующей и работающей в рамках классической механики, несмотря на то, что это понятие является воображаемым. Таким же, по мнению Деннета, представляется и *Я* – оно вводится как абстракция для удобства описания различных феноменов человеческого сознания. Будучи объектом воображаемым, *Я* как бы постоянно заново проходит становление, находясь в непрерывном процессе самоконструирования, переписывания заново жизненной позиции. По словам Деннета, мы не можем изменить нашего прошлого, но мы постоянно рассказываем и пересказываем заново историю нашей жизни, не уделяя особого внимания ее истинности. У Деннета *Я* формируется в ходе постоянно создаваемых нами рассказов о себе, а также создаваемых о нас рассказов другими людьми. Для сохранения предполагаемого единства своего *Я* человек придумывает и рассказывает себе и другим различные истории, описывающие, кто он такой, и «возникает иллюзия, что эти рассказы рождаются из единого источника (не только потому, что в физическом смысле они проистекают из одного рта, но и потому, что, воздействуя на аудиторию слушателей, они заставляют ее определять рассказчика как единого агента)»¹³. Так мы видим, что в философии сознания Д.Деннета есть ряд идей, близких к пониманию *Я* как нарратива.

Миллер Мэйр формулирует основной принцип конструкционистской психологии: «Личностные процессы психологически направляются историями, в которых эти личности живут, и историями, которые они рассказывают»¹⁴. Ему вторит Герген: «Наша нынешняя идентичность не является неожиданным таинственным событием, она разумный результат нашей жизненной истории...»¹⁵. Из слова Горгена можно сделать вывод о

¹³ Цит. по: *Черданцева И.В.* Проблема «Я» и способы ее решения в философских учениях раннего буддизма и Д.Деннета // Научный журнал «Известия АГУ». 2003. № 4 (30). С. 87.

¹⁴ *Mair M.* Kelly, Bannister and a story-telling psychology // International Journal of Personal Construct Psychology. 1989. № 2, 1. P. 1–14.

¹⁵ *Gergen K.J.* Realities and Relationship: Soundings in Social Constructionism. Cambridge, 1994. P. 187.

том, что эта история создается с помощью разума, то есть целенаправленно, а не спонтанно. Само-нарратив (self-narrative) увязывает все события нашей жизни в единую систему, подобную логично построенной истории, а Я, таким образом, является одновременно и ее героем, и ее рассказчиком.

Специалист по нарратологии и теории нарратива Джеральд Принс определяет нарратив как «репрезентацию по меньшей мере двух настоящих или вымышленных событий или ситуаций в определенный промежуток времени, каждое из которых не является предпосылкой или следствием другого»¹⁶, а нарративный психолог Теодор Р.Сабрин как «способ организации эпизодов, действий и отчетов о действиях; это нечто, что соединяет простые факты и фантастические вымыслы...»¹⁷. Любопытная подробность: нарратив создается отнюдь не из сугубо реальных событий и фактов – здесь реальность сочетается с фантазией, причем не принципиально, в каких пропорциях они сочетаются – человек сам определяет значимость каждого из событий, для его внедрения в конструкцию собственного Я.

Я-нарратив¹⁸ представляет собой не одну-единственную историю, а совокупность всех жизненных сюжетов в которых оказывается Я. Так, нарратив представляется нам как роман с множеством действующих лиц, в качестве которых выступают различные Я-образы человека. Однако все эти действующие лица относятся физически к одному актору, воплощенному в одном теле. Конструирование Я-нарративов было бы невозможно без использования символических ресурсов языка.

В ряде постмодернистских концепций, достаточно распространенных и на данный момент, предпринята попытка доказать, что автор этих жизненных историй отсутствует или же не имеет власти над создаваемыми нарративами: об этом говорят

¹⁶ Prince G. Narratology. N. Y., 1982. P. 4.

¹⁷ Sabrin T.R. The narrative as a root metaphor for psychology // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct. N. Y., 1986. P. 9.

¹⁸ Я могла бы назвать его «метанарративом» в противовес более узкому пониманию нарративов как историй, соответствующих определенным Я-образам, однако так я бы рисковала внести путаницу с «метанарративом» в философии Ж.Лиотара.

и концепции «смерти субъекта»¹⁹ и «смерти автора»²⁰, утверждающие потерю человеком ответственности за «авторство» своей самости, своих поступков и своего опыта, а также концепция «шизоанализа»²¹, представляющая человека как существо, полностью подчиненное своему бессознательному и своим желаниям, и потому обладающее децентрированной самостью, подобной шизофренической. Однако мне кажется, что подобные концепции слишком поспешно пытаются провозгласить распад самости. Несмотря на то, что современная ситуация действительно заставляет человека включаться во множество дискурсов одновременно, это вовсе не означает, что он полностью растворяется в этих дискурсах, теряя свое Я.

Постмодернизм рассматривает Я как децентрализованную, диалогическую и полифоническую нарративную конструкцию. Здесь постмодернисты частично пересекаются с конструкционистами. М.Мэйр²², клинический психолог, автор работ по нарративной психологии и психологии личностного конструирования (personal construct psychology), предполагает, что самость лучше рассматривать как сообщество разных Я, а Германс, Кемпен и ван Лоон²³ (голландские психологи и психиатры, близкие к конструкционизму и занимавшиеся проблемой самости) предлагают идею полифонического романа (т.е. романа, в котором не единый автор, но множество голосов автора, высказывающихся с разных точек зрения) в качестве метафоры самости. Так, у них Я обладает возможностью с помощью воображения занимать различные позиции и диалогически общаться с другими своими позициями. Эти различные голоса и рассмат-

¹⁹ Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1994. С. 9–46; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

²⁰ Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.

²¹ Deleuze G., Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. University of Minnesota Press, 1983.

²² Mair M. Metaphors for living // Nebraska Symposium on Motivation, Lincoln, 1977; Mair M. Personal Construct Psychology. Lincoln, 1976.

²³ Hermans H.J.M., Kempen H.J.G., van Loon R.J.P. The dialogical self: Beyond individualism and rationalism // American Psychologist. 1992. № 47. P. 23–33.

риваются как «возможные Я» (Маркус и Нуриус), и формируют сложносоставную структуру самости. Концепцию «возможных Я» (*«possible selves»*) в своей совместной статье предлагают Хейзел Маркус и Пола Нуриус²⁴, американские психологи, занимающиеся проблемами самости и идентичности. Это набор Я-образов: какими мы хотели бы быть, какими мы боялись бы стать, какими мы можем стать. Авторы подчеркивают, что идея возможных Я устремлена в будущее – это наше ожидание пути развития нашего Я. Наше настоящее Я называется Я-концепцией – то, какие представление о себе мы имеем на данный момент. Я-концепция является не монолитной сущностью, а набором определенных Я-схем, которые, в свою очередь, являются генерализацией прошлого опыта индивида в тех или иных случаях. В разных ситуациях возможно проявление различных рабочих Я-концепций. Здесь, однако, нужно отметить, что данная теория является все же психологической, и предлагаемые авторами «возможные Я» являются определенными идеализированными поведенческими стратегиями человека, рассматриваемыми в тех или иных обстоятельствах, в том или ином контексте. Здесь, как это часто бывает в концепциях психологов, предлагается чисто практический подход к проблеме Я: в каждой конкретной жизненной ситуации человеку представляется выбор наиболее подходящей для ее решения альтернативной версии своей самости, которую он сам формулирует, исходя из своего общего жизненного опыта. Мы же понимаем под Я-образами нечто иное, чем «Я, каким я хочу быть» или «Я, каким я могу стать». Я-образ – это полноценная версия Я, которую я воспринимаю и репрезентирую в качестве Я в определенном дискурсе. Я-образ выступает вместо Я, обладая его основными структурными особенностями, однако Я гораздо шире чем Я-образ. Я-образы включаются в единую структуру Я, в качестве его способов репрезентации.

Как показывают приведенные примеры, в социальном конструкционизме существует множество различных и в то же время схожих представлений о Я. Можно так же говорить отдельно

²⁴ Marcus H., Nurius P. Possible selves // American Psychologist. 1986. № 41. P. 954–969.

о понятии идентичности, о том, как конструируется стабильная идентичность, но это будет уже другая обширная тема. Скажу только, что, с моей точки зрения, идентичность представляет из себя тот «механизм», который увязывает все *Я*-образы в единую структуру *Я*.

Суммируя вышесказанное, я хочу еще раз отметить несколько принципиальных моментов. Во-первых, в конструктивизме возникновение *Я* понимается не как событие, которое происходит единожды, а как процесс, который протекает постепенно. Соответственно, для поддержания стабильного *Я*, поскольку оно состоит, как уже много раз говорилось, из множества элементов, необходимо нахождение определенных точек опоры, как и в любой конструкции должны быть какие-то опорные моменты, какое-то устойчивое основание. И этими точками опоры, с моей точки зрения, должны служить некие общественные нормы и требования к индивиду на данном социокультурном уровне, внутренние моральные нормы, определенные устойчивые социальные связи индивида или его устойчивые интересы. Однако главную роль в конструировании и поддержании целостности *Я* играет сам человек. Надо подчеркнуть, что значимость событий, из которых конструируется *Я*, не зависит от их реальности или достоверности. Здесь ключевым моментом будет являться оценка, даваемая человеком этим событиям. Конечно, нельзя выкинуть какое-то уже произошедшее событие своей жизни из своего опыта, но, тем не менее, важно отношение человека к нему, важно то, что он включает в свою жизненную историю, когда он артикулирует ее определенным образом. Так, некоторые события могут быть отброшены, как незначительные, а какая-то выдумка о себе, в которую сам человек верит, наоборот, может приобрести особую важность. *Я* конструируется в виде жизненной истории, нарратива и в рамках различных дискурсов может до определенной степени варьироваться. И мне кажется, что в конструкционизме человек представляется более активным в построении своего *Я*. Он не просто «жертва обстоятельств», вынужденная существовать с заданными параметрами собственного *Я*, как это представляется в классической философии. Конечно, мы говорим о том, что на развитие характера влияет обще-

ство, но в то же время человек выступает в качестве сотворца собственной самости. Конечно, влияние общества исключить невозможно, но, тем не менее, индивид сам выбирает, какие фрагменты собственной самости включать в создаваемую конструкцию, а какие, наоборот, отбросить за ненадобностью. И стабильность и связность Я-конструкции также зависит от усилий человека, прилагаемых для обеспечения этого единства. И последнее, что я хочу отметить: несмотря на психологический уклон конструктивистского понимания Я (ведь большинство авторов, о которых шла речь, скорее психологи, нежели философы), мы можем говорить, что исходя из лингво-социокультурных условий, в рамках которых протекает конструирование Я, конструируется Я и как субъект познания, поскольку социокультурная среда создает предпосылки и модели познавательного процесса и утверждает Я не как некую безликую надиндивидуальную сущность, которой Я представлялось в классической философии, а создает Я как погруженную в культурную среду познавательную инстанцию, осуществляющую познание не неким предзаданным врожденным, но самостоятельно конструируемым уникальным способом.

Дискуссия

А.Ю. Антоновский: Вы озвучили такую мысль, что Я состоит из своих составляющих как из элементов. Я не понял из текста, все эти перечисленные вами инстанции, они образуют единое большое Я или те Я, которые вы перечислили, это самостоятельные данности, которые не сводятся друг к другу и не образуют единого целого?

Е.О. Труфанова: Это достаточно сложный вопрос. На мой взгляд, они образуют единое целое, все это как бы система, в которой все элементы работают на результат этой единой системы. То есть если мы берем индивидуальное Я и говорим о том, что каждый элемент является самостоятельным, то получается, что у человека в голове будет, грубо говоря, множество разных личностей, и это уже клинический случай.

А.Ю. Антоновский: А что их объединяет?

Е.Л. Черткова: Обложка объединяет.

Е. О. Труфанова: Если мы говорим о Я как построении жизненной истории, то мне очень нравится эта метафора – Я как полифонический роман. То есть речь идет о том, что мы берем произведение, в котором множество героев, но все служат единому сюжету. Так вот, Я-образы – это те образы, которые человек формирует в различных дискурсах, прежде всего мы говорим о различных интеракциях в разных коммуникативных ситуациях. Каждой определенной ситуации соответствует свой Я-образ. Но, тем не менее, существуют последовательность и связность этих Я-образов воедино. То есть, грубо говоря, сейчас я выступаю на конференции – это выступает одно мое Я, когда я приду домой и буду общаться с близкими, то это будет уже другое мое Я. Это близко к понятию социальных ролей в социологии, но не сводится к ним.

А.Ю. Антоновский: То есть Я как центр нарративной гравитации? То, что Я может рассказать о себе – это и есть Я, начало, объединяющее все другие Я?

Е. О. Труфанова: Да, в каком-то смысле. Именно здесь как раз проявляется конструктивная активность человека, в том, как он объединяет воедино свои разные позиции.

А.Ю. Антоновский: А то, что Я никогда другим не расскажет?

Е. О. Труфанова: Оно расскажет самому себе, поскольку тут еще есть внутренний диалог, это тоже способ коммуникации.

А.Ю. Антоновский: А если оно и себе даже этого рассказать не в состоянии?

Е. О. Труфанова: А если оно и себе этого не расскажет, то оно этого и не знает о себе.

А.Ю. Антоновский: А вот как вы относитесь к мидовской концепции Я как «I»? Есть Я как «me», есть Другой, а есть различие между ними, и вот это различие и есть «I» – то, когда мне не удается оправдать чужие ожидания. Такое Я, которое не сводится ни к рассказам, ни к чему, а существует как отдельная инстанция...

Е. О. Труфанова: То есть, «me» как социальное Я, как у Мида, допустим, а «I» – это какой я есть сам по себе, такая «вещь в себе».

А.Ю. Антоновский: Когда этому Я не удастся реализовать все заложенные в нем нормы, сознательно или бессознательно. Как ошибка в «me». Оно ведь не сводится к нарративу.

В.А.Лекторский: Мид писал в начале тридцатых годов, у него была совсем другая концепция. У Мида есть «I» и «me», между которыми имеется принципиальное различие. «Me» это в каком-то смысле социальная конструкция, а «I» нет.

А.Ю.Антоновский: Это ошибка в выстраивании этой конструкции, но она может послужить и для дальнейшего конструирования.

Е.О.Труфанова: Я не настаиваю на том, что Я является полностью социально обусловленным. Конечно, можно вообще все перевести в область бессознательного, потому что, возможно, не все Я-образы человек осознает на самом деле. Потому что бывают ситуации, когда человек удивляется самому себе — как я мог так поступить или как я мог это сказать, т.е. мы можем говорить о том, что есть некая terra incognita.

И.П.Фарман: И все-таки, какая доминанта в этой Я-конструкции, на ваш взгляд, является самой существенной? Меня интересует роль критического самосознания индивида. Какое-то самосознание есть у каждого человека, но вот насколько он способен критически проанализировать действия своей собственной личности и какую роль в Я-конструкции это может занимать? Или это никакой роли не играет, и у вас вообще об этом речи не идет?

Е.О.Труфанова: Нет, мне кажется, это как раз очень важный момент. По-моему, критическое самосознание связано со способностью человека посмотреть на себя со стороны. Как раз об этом пишет Бахтин, когда он пишет об авторе и герое... Мне кажется, что тут можно привести такую аналогию: когда автор пишет о герое, автор обладает полнотой видения мира, в котором живет герой. То есть герой воспринимает этот мир изнутри, он для него нечто неизвестное, незнакомое и т.д. А автор смотрит как бы сверху и воссоздает весь мир в целом. Мне кажется, и это уже в каком-то смысле было у Сартра, что для того, чтобы вообще было возможно удержание Я-конструкции как единой, как стабильной, действительно необходим этот взгляд со стороны и определенное критическое отношение к содержанию Я.

Ю.В.Пуцаев: Применимы ли к Я понятия «ложное», «истинное»? Вы сказали «Я как нарратив». Не секрет, что чаще всего человек воспринимает себя не совсем таким, каким он явля-

ется в действительности. Например, он воспринимает себя как хорошего, замечательного, умного, а в действительности таковым не является.

Е. О. Труфанова: Да, на самом деле, возникает вопрос, где критерий действительности: потому что я воспринимаю себя как хорошего, красивого, умного, другой меня воспринимает как нехорошего, некрасивого и глупого, а кто из нас прав — это еще вопрос. То есть можно провести, как в социологии, опрос общественного мнения, и если 90% напишут, что я плохой, нехороший и так далее, то мне, наверное, остается задуматься над проблемой, почему же это так не совпадает с моим собственным самоощущением.

Здесь, на самом деле, сложный момент. Многие философы говорят о различных «ложных» *Я*. В частности, Д. Деннет писал о фиктивных *Я*. У него есть такая метафора: *Я* как глава государства. Это *Я* выбирается по «демократическим принципам» из множества фиктивных *Я*. Однако после «выборов» фиктивные *Я* не исчезают и остаются в подсознании, и если в какой-то момент «главное» *Я* перестает удовлетворять сознание, происходит «государственный переворот» и место «главы государства» занимает другое фиктивное *Я*. Но на самом деле в единую *Я*-конструкцию ложные *Я*-образы не могут включаться осознанно. Если человек создает *Я*-образ с заведомо ложными о себе сведениями, то он и сам, прежде всего, осознает, что это *Я* является ложным, и таким образом оно все равно является отчужденным от него. Если он создает его совершенно искренне и действительно считает себя таким-то и таким-то, то это его артикуляция его собственного *Я*, то есть для него она является истинной.

Ю. В. Пуцаев: А *Я* как нарратив здесь, только если я о себе рассказываю? Или если другие обо мне рассказывают — тоже? Это чей рассказ?

Е. О. Труфанова: Вот как раз об этом я не сказала. Мне кажется, что *Я* нужно понимать — я использую для этого термин из философии Умберто Эко — как «открытое произведение». У Умберто Эко это идея того, что в произведении содержится не только то, что написал автор, но и то, что в нем увидел читатель. Так вот с этой точки зрения *Я* с одной стороны можно понимать как мой нарратив, а с другой стороны, это то, как данный нарратив воспринимают окружающие, как они его дополняют.

Ю.В.Пуцаев: Нет, а чужой-то нарратив может быть? Просто рассказанная история о ком-то? Кто-то умер, совершил подвиг. О нем написан такой панегирик, нарратив героя. Это раскрытие его *Я* или нераскрытие?

Е.О.Труфанова: Нет, это взгляд со стороны на другого человека.

В.А.Лекторский: Можно его принять, можно нет, можно отвергнуть то, что про вас журналист написал. А можете поверить в это.

Е.О.Труфанова: Как Борхес писал в рассказе «Я и Борхес», что есть *Я*, о котором пишут в газетах, и *Я*, которым я являюсь, у них есть ряд общих точек пересечения, но тем не менее это два разных человека.

Деятельность и феномен (деятельностный подход и феноменология)

Деятельностный подход в философии (связанный у нас с такими именами, как Э.В.Ильенков, Г.П.Щедровицкий, Г.С.Батищев и др.) и феноменология (прежде всего, в её гуссерлевском варианте) представляются на первый взгляд противоречащими друг другу или, как минимум, очень трудно сочетающимися друг с другом методами или способами философствования. Как пишет Владислав Александрович Лекторский в своей книге «Эпистемология классическая и неклассическая», «в самом деле, как можно совместить, например, феноменологию с этим подходом, если первая исходит из идеи созерцания, интуитивного схватывания, а последний – из идеи конструирования и создания?»¹. Хотя, с другой стороны, как нам представляется, такой видный отечественный философ, как М.К.Мамардашвили, совмещал в своём философствовании идеи как деятельностного подхода, так и феноменологии.

Но действительно противоречий между феноменологией и деятельностным подходом предостаточно, чтобы показалось, что можно говорить лишь о несхожести данных философских методов. Например.

1. Деятельностный подход утверждает, что познание детерминируется социокультурными нормами. Феноменология сознания же подвергает редукции всё натурально данное, существую-

¹ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 76.

щее вне сознания, в том числе культурные и общественные институты и нормы. Более того, по Гуссерлю, феноменология как претендующая на роль «первой философии» требует полной беспредпосылочности², а следовательно, беспредпосылочности требует и само познание.

2. С этим связано то, что познание и сознание в деятельностном подходе — это функция от времени и истории. Любое познание исторично, не может выйти за данный ему социально-исторический горизонт. Феноменология же подчёркнуто аисторична. В ней время — это функция от сознания.

3. Деятельностный поход *предметен*. Это деятельность по созданию и воспроизводству предмета, либо существующего в независимо данной действительности, либо как хотя бы конструирующего предмет из данных, предложенных *извне*. Как здесь вчера аккуратно и осторожно говорили, есть нечто, что мы в научной деятельности описываем как атмосферное давление, т.е. это нечто предполагается, как минимум, как существующее независимо от сознания. Для феноменологии же в её гуссерлевском варианте нет ничего вне сознания. Да, сознание в ней интенционально, всегда направлено на что-то, и в этом смысле тоже предметно, но предмет феноменологии — это предмет или сущность самого сознания, который не существует вне последнего.

4. Феноменология утверждает, что её дело — созерцание, в котором оно берёт нечто так, как оно есть, ничего не прибавляя от себя. В рамках же деятельностного подхода говорится о проективно-конструктивной функции познания, о научных конструкциях, об активной роли субъекта по строительству этих конструкций.

Тем не менее мой тезис состоит в том, что феноменология не вполне чужда деятельностному подходу, а в последнем есть определённое феноменологическое измерение или содержание. То есть они не так уж предельно далеко отстоят друг от друга. Конечно, это конкурирующие друг с другом подходы или методы, соперничающие философии, но в каком-то смысле они вырастают из единой почвы, хотя и дают при этом разные всхо-

² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. С. 138.

ды. Таким образом, я хотел бы предположить, что, хотя «феноменология вряд ли может быть интерпретирована как деятельностная концепция»³, в деятельностном подходе можно обнаружить некоторые элементы феноменологического метода, а в феноменологии — некое сходство с предпосылками и идеями деятельностного подхода.

Как я уже заметил выше, то, что между деятельностным подходом и феноменологией могут существовать точки схождения, показывает творческая эволюция отечественного философа М.К.Мамардашвили, которая состояла в отходе от идей диалектической логики к феноменологии. Но и первоначально он занимался тем, что вскрывал в философии Маркса её феноменологическое содержание (см. его статью «Анализ сознания в работах Маркса»). А что касается его поздней экзистенциально-феноменологической философии, то в ней на наш взгляд есть отчётливое «деятельностное» измерение. Надо только вспомнить о следующих его постоянных идеях, имеющих отчётливое деятельностное содержание: внутренний *труд* души как одно из онтологических начал, теория постоянного *творения* мира, *первоактивность* сознания и др.

Или, например, можно обратиться к Ж.-П.Сартру. Его философию можно считать «своеобразным вариантом деятельностного подхода»⁴, хотя общепризнанно, что он принадлежал к феноменологической традиции.

Теперь очень кратко, но более конкретно о схожести феноменологии сознания и деятельностного подхода.

1. Во-первых, деятельностный подход схож с феноменологией в том, что человеческому мышлению в нём отводится чрезвычайно важная роль. Оно включено в бытие как его необходимая (пусть и абстрактная) часть, причем это абстракция особого уровня в силу ее универсальности. То есть природа или мир, например, для диалектической логики немыслим, непредставим без человека, его мышления и его деятельности. Сознание и человеческая практика — неотъемлемый элемент тотальной органической целостности. Вот что, например,

³ Лекторский В.А. Указ. соч. С. 81.

⁴ Там же. С. 79.

пишет Э.В.Ильенков в «Диалектической логике»: «С природой, как таковой, люди вообще имеют дело лишь в той мере, в какой она так или иначе вовлечена в процесс общественного труда, превращена в материал, в средство, в условие активной человеческой деятельности. Даже звездное небо, в котором человеческий труд реально пока ничего не меняет, становится предметом внимания и созерцания человека там, где оно превращено обществом в средство ориентации во времени и пространстве, в “орудие” жизнедеятельности общественно-человеческого организма, в “орган” его тела, в его естественные часы, компас и календарь. Всеобщие формы, закономерности природного материала действительно проступают, а потому и осознаются именно в той мере, в какой этот материал уже реально превращен в строительный материал «неорганического тела человека», “предметного тела цивилизации”, и потому всеобщие формы “вещей в себе” выступают для человека непосредственно как активные формы функционирования его “неорганического тела”»⁵.

По Мамардашвили, кстати, феноменологическая природа рассуждений Маркса состояла в том, что Маркс рассматривал «органическую целостность» таким образом, что в его понимании сознание является необходимым элементом функционирования этой целостности или «системы»: «Уже в исходном пункте имел дело с системами, реализующимися и функционирующими посредством сознания, то есть такими, которые содержат в себе свои же отображения в качестве необходимого элемента»⁶. И именно поэтому, «пользуясь схемой системной причинности, Маркс фактически прослеживает эффекты действия системы одновременно и на стороне объектов, и на стороне субъекта и делает для себя интересное открытие, что применительно к этим одновременно взятым эффектам бессмысленно проводить различие предмета и сознания, реального и воображаемого. ...Отношения кажутся именно тем, что они представляют на самом деле»⁷.

⁵ Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М., 1991. С. 214.

⁶ Мамардашвили М.К. *Как я понимаю философию*. М., 1992. С. 252.

⁷ Там же. С. 256.

2. Во-вторых, можно говорить об определённой «энергичности» феноменологии вот в каком смысле. «Энергия» в переводе с древнегреческого — это деятельность. В деятельностном подходе «суть деятельности — в созидании человеческого мира человеком, в творении собственных отношений и самого себя»⁸. При этом в дело вступает диалектика сущности и явления, в рамках которой также упраздняется их дуализм. Сущность обязательно проявится в явлении, будет дана в деятельности, т.е. она существует энергично и даже «энергично». Пользуясь паламитской богословской терминологией, в деятельности сущность даётся нераздельно с явлением, неотделимо от него.

Но также и феноменология упраздняет дуализм явления и сущности, поскольку за явлением для феноменолога никакой сущности уже просто нет, феномен, явленное не скрывает её как глубинное основание своего бытия. Явление и есть сущность (сущность сознания), в котором бытие дано полностью так, как оно только может быть. В феноменологии «отпадает дуализм способности и свершения. Всё действительно... Гениальность Пруста — это его произведение как совокупность проявлений его личности... Видимость не скрывает сущности, она её раскрывает; она *есть* эта сущность»⁹.

3. Кроме того, а это, на мой взгляд, самое интересное, фактическое положение дел, их «поверхность» на феноменологическом уровне, были взяты как руководящая модель для глубинной основы деятельностного подхода, философской теории диалектики. Мне кажется, что диалектика лежит в основе любого деятельностного подхода. Где деятельностный подход, там обязательно будут присутствовать диалектические идеи. Главная идея диалектики — идея единства противоположностей. Мышление и вещи как полные противоположности не имеют между собой ничего общего в плане абстрактного сходства, но являются равно необходимыми и дополняющими друг друга частями конкретного, как говорил Гегель, спекулятивного единства. Мне представляется, что глубинной и руководящей интуицией, приведшей к этой идее, было именно созерцание фак-

⁸ Лазарев В.С. Предисловие к книге В.В.Давыдова «Деятельностная теория мышления». М., 2005. С. 9.

⁹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М., 2004. С. 21.

тического положения дел, того, как мышление и вещи, их взаимоотношения предстают в человеческой деятельности. Это традиционная в новой западноевропейской философии проблема, которой, например, задавался И. Кант: как у меня получается двигать своей рукой? Диалектик, грубо говоря, рассуждает так: так вот же в самой деятельности, в самом движении происходит совпадение мышления — мое желание двинуть рукой и движением руки. Как говорил Мамардашвили, у Декарта человек — это третья субстанция, в которой сходятся две его знаменитые *res extensa* и *res cogitans*. Это третья субстанция, деятельность человека, в которой эти две субстанции соединяются. Мамардашвили ссылался на Декарта, говорил, что у него в письмах содержится эта эзотерическая идея третьей субстанции, но, по-моему, эту третью субстанцию у Декарта в письмах никто больше не смог найти. Мне кажется, что идея деятельностной третьей субстанции у Мамардашвили — явно из идей диалектической логики.

Итак, фундаментальные онтологические структуры в диалектике стали строиться и трактоваться так, как мышление и вещи соотносятся фактически, на деле, «на поверхности» для созерцающего их взгляда. Ведь у мышления и вещей получается прежде всего именно *на деле* соответствовать друг другу, *практически* успешно переходить друг в друга. Вроде бы между ними нет ничего общего, но их в то же время нельзя и отделить друг от друга на практике, поскольку научно-техническая практика может похвастаться удивительными успехами. Диалектика словно бы предполагает, что это их соотношение на деле и есть их подлинно бытийное, высшее или самое глубокое, фундаментальное отношение. Метод восхождения от абстрактного к конкретному и состоял в том, что от спекулятивной абстрактности, которая ещё не развернула своих определений в противоречивое единство, восходят к фактически данному как высшей стадии бытия.

4. В конце концов, одно из определяющих понятий в феноменологии — это *конституирование* сознанием феноменов, и в этом понятии тоже присутствует оттенок не только *данности*, но и *созданности*, т.е. творения сознанием своих сущностей.

5. Также апелляция к «жизненному миру» (*Lebenswelt*) у позднего Гуссерля имеет, на мой взгляд, определенное сходство с апелляцией к практике в марксизме как к ведущему онтоло-

гическому Первоначалу, определяющему собой человеческий мир. Человеческая практика, человеческая деятельность, говоря марксистским языком, — вот во многом содержание гуссерлевского *Lebenswelt*. Например, в главе «Галилеевская математизация природы» в «Кризисе европейского сознания» он пишет о том, что геометрические идеальности возникли из практического искусства измерения площадей, которое ничего не знает об этих идеальностях. Измерение поля в человеческой деятельности и есть тот исток, тот жизненный мир, из которого черпают смысл потом научные идеальности. Таким образом, если не абсолютизировать феноменологию, несмотря на ее требования, на ее призывы к полной беспредпосылочности, получается, что она сама по себе весьма и весьма предпосылочна. Так же, впрочем, как и деятельностный подход. И вот если пытаться говорить о некоем стилистическом единстве деятельностного подхода и феноменологии, то должно быть нечто общее, что их объединяет. Можно предположить, что деятельностный подход или конструктивизм цивилизационно обусловлен. Чем? Это стиль философии Нового времени, который заключается в стимуляции человеческой активности, человеческой деятельности. Явно или неявно, эта ветвь философии ориентирует на умножение конструкций, на высвобождение человеческой мобильности. Вот, например, даже такой феноменологичный философ, как Витгенштейн. С одной стороны, он писал в предисловии к «Лингвистическим исследованиям»: моя цель — ясность, что я никогда не стремлюсь возводить конструкции, постройки. В то время как суть современной цивилизации — это как раз возведение конструкций, построек. Но вот одна из его известных метафор: цель моей философии — показать мухе выход из бутылки. То есть, так или иначе, он тоже «за» некий свободный, нескованный полет мухи. Как бы действуй, лети! Или его подход к языковым играм: по его мнению, с ними все в порядке, нужно просто разобраться с языком философии, который запутывает языковые игры и напрасно затрудняет их.

Неоднозначность конструктивистского или деятельностного подхода, на мой взгляд, состоит в следующем. С одной стороны, в этом умножении конструкций можно видеть такое сложное цветение, расцвет «ста цветов». Но, с другой стороны, как

утверждает один из распространенных тропов античной философии, все слишком великое рано или поздно рухнет под собственной тяжестью. Так же и бесконтрольное, неостановимое умножение конструкций рискует повлечь за собой, например, потерю стимула для самой деятельности конструирования, когда может пропасть желание заниматься этими конструкциями. Так исчезает аппетит у человека, который уже пресыщен, слишком много съел. Этой неоднозначности не избежала, на мой взгляд, и феноменология, как имеющая определенное содержательное и стилистическое единство с деятельностным подходом.

Дискуссия

А.Ю. Антоновский: Мне интересна вот эта метафора: если слишком много конструкций, то возникает пресыщение. А вот мне кажется, наоборот! Если много конструкций и мы теряем контроль над ними, то потребуются новые конструкции, чтобы компенсировать слабость прежних конструкций. Многие теоретики техники считают, что чем больше мы построили, тем больше требуется устройств, которые эту постройку будут поддерживать (это, собственно, теорема положительной обратной связи).

В.А. Лекторский: А потом еще, а потом еще. И так до бесконечности.

Ю.В. Пуцаев: Но это же должно строиться на каком-то фундаменте, и получается, что Земля стоит на трех китах, а три кита на трех слонах, и так до бесконечности.

В.А. Лекторский: То есть вы возражаете?

Ю.В. Пуцаев: Я думаю, что тут более уместен образ ветки, которая прогибается под снегом. Рано или поздно, если снега будет слишком много, она сломается.

А.Ю. Антоновский: Я слышал или мне показалось, что вы назвали Витгенштейна феноменологическим философом?

Ю.В. Пуцаев: Ну, это, наверно, слишком сильное утверждение. Я сказал «феноменологичный». В его подходе можно найти феноменологические темы. Например, он постоянно говорил: не думай, а смотри, созерцай. Или с симпатией относил-

ся к теории Гёте с его морфологией цветов. Он также говорил, что его цель — это увидеть некие проявления, прафеномены, за которыми уже ничего нет.

В.А.Лекторский: Да, у Витгенштейна была установка на описание того, что есть. Не придумывать нужно, а описывать язык, языковые игры. Я читал книжку «Витгенштейн и феноменология», где его тоже пытаются сделать феноменологом. На основании его установки на дескрипцию. Гуссерль считал, что феноменология — это не теория даже, а дескрипция, описание феноменов. Он был против теорий.

Т.Рокмор: Есть следующий миф относительно феноменологии. В частности, этот миф высказан в книжке «Феноменологическое движение» Г.Шпигельберга. Согласно этому мифу, именно Гуссерль изобрел феноменологию. Понятно, что есть разные типы феноменологии. Но если феноменология — это просто описание того, что есть, то есть и другие философы, которые претендовали на описание, — феноменологи. Например, была феноменология и до Канта. Был такой И.Г.Ламберт, которого можно считать феноменологом. И самого Канта можно рассматривать в таком контексте как феноменолога. Поэтому нужно различать феноменологию, основанную на описании феноменов, на что Гуссерль претендовал, и феноменологию, которая конструирует феномены. Тогда в каком-то смысле можно и Маркса считать феноменологом. И немецкий идеализм тоже в этом смысле можно считать феноменологией. Я считаю, что нет принципиальной разницы между феноменологией и конструктивизмом. Предлагаю расширить рамку рассмотрения и включить больше философских фигур в ваш анализ, и тогда он будет более глубоким, более интересным. Не стоит ограничивать понимание феноменологии только гуссерлевским типом феноменологии.

Ю.В.Пуцаев: Я согласен с тем, что вы сказали. Собственно, и сам Шпигельберг пишет в своей книге, что феноменология — это набор разных программ, которые очень трудно объединить в какое-то чётко оформленное единое целое. Степень разногласия между феноменологами гораздо выше, чем в каких-то других философских направлениях. По поводу Гуссерля я, конечно, не утверждаю так уж безапелляционно, что он изобрел фе-

номенологию, но, с другой стороны, меня больше интересует именно гуссерлевская феноменология. Традиционно ее воспринимают как некую установку только на созерцательность, но не на действенность. А у меня как раз и была цель показать, что феноменология именно в гуссерлевском варианте имеет некие точки схождения с деятельностным подходом и с диалектикой. Но, с другой стороны, в силу такой расплывчивости понятия феноменологии в феноменологи при большом желании можно записать кого угодно – хоть Платона, хоть Гегеля. Например, А.Кожев утверждал в работе «Диалектика реального и феноменологический метод у Гегеля», что Гегель феноменолог, ведь он описывает все как есть. То есть в феноменологи, в зависимости от собственного понимания феноменологии, можно зачислять самых разных философов. В этом видна некая размытость такой философской программы. Честно говоря, у меня стиль Гуссерля очень часто вызывает ощущение какого-то шаманского заклинания из-за его постоянных призывов «видеть то, что есть», обратиться к самоданности, к самоочевидности. То есть постоянный гуссерлевский призыв «назад к самим вещам!» носит характер чего-то тавтологического, шаманского. На меня лично это производит такое впечатление. Призывам опираться на *видение*, «увидеть то, что есть», трудно задать какие-то общие содержательные рамки, потому что каждый может просто увидеть своё, несообщимое. М.Хайдеггер под феноменами понимал нечто другое, чем Гуссерль, но при этом тоже был уверен, что обращается к неким первоочевидностям.

В.А.Лекторский: У нас в России есть группа молодых философов, которые считают себя феноменологами. Они начали издавать журнал «Логос». Он выходит до сих пор. Недавно они отмечали пятнадцать или шестнадцать лет с момента основания журнала. Я даже был приглашен на юбилей. Я знаю этих людей. Один из них, И.М.Чубаров, написал работу «Развитие феноменологии в русской философии», где он зачислил в феноменологов практически всех русских философов. И Соловьев там, и Трубецкой, и Шпет. Поэтому – это еще вопрос, как следует понимать феноменологию. Можно, конечно, с одной стороны, расширить её границы, но с другой стороны, при слишком большом расширении как бы не пришлось туда запи-

сать вообще всех философов. Хотя в русской философии тенденция к интуитивизму была довольно сильная. Можно и интуитивистов считать феноменологами. Ну, у нас Шпет, конечно, был явный феноменолог. Некоторые считают, что Лосев был феноменологом. Мамардашвили поздний, наверное, тоже был феноменологом.

Н.Т.Абрамова: Можно маленькую реплику? Мне кажется, что доклад интересен тем, что в нем предпринята попытка выявить нечто общее между совершенно разными подходами. Поэтому аналитичность этого сообщения мне показалась очень оригинальной.

Компьютерное проектирование социальной реальности и его границы

Апелляция к совершенству новых технологий составляет отличительную черту проективного оптимизма компьютеризации социальной реальности. Компьютеризация рассматривается не просто как способ облегчения решения некоторых технических проблем, но как способ конструирования и переконструирования новых межличностных отношений. Проективно-конструктивное отношение к социальной реальности получает в идее всеобщей компьютеризации особенно яркое выражение. Заявившая о себе оптимизирующая сила компьютерных моделей затронула сердечные струны и породила тем самым желание овладеть новыми технологиями, желание «приобщиться», продвинув компьютеризацию в свою собственную область, стремление найти оптимально возможное решение частных задач. Сам «воздух» современности оказался налит, с одной стороны, информацией об оптимальных возможностях и пользе компьютерного моделирования, а с другой, — желаниями многих «идти в ногу» с прогрессом, «не остаться в стороне» от инноваций. Столь мощные импульсы дали свой результат. Высокая оценка результатов развития сферы информатики и компьютерной практики привела в известное движение общее информационное поле. На информацию о «славных делах» компьютеризации — о реальных практических результатах, которые принесли с собой быстродействующие машины и программные устройства — откликнулись многие, особенно те, кто нуждался в оптимизации труда и управления.

Эта овладевшая умами идея приобрела многих сторонников. Движимые естественным стремлением к «лучшему», многие захотели стать к нему причастными.

Всматриваясь в истоки возрастающего интереса, усиливающегося внимания к компьютерному моделированию, мы видим, что в числе главных мотивов оказался высокий ценностный вес, который был получен от разработок и внедрения компьютерных моделей. Положительные результаты в деле оптимизации у «другого» внушали и укрепляли надежду на возможное решение задачи и у тебя самого. Другими словами, вокруг компьютерного моделирования возникла «аура прославления»: насыщенные об успехах, о достижениях, которые получены в сфере искусственного интеллекта, многие откликнулись на «звон сердца» и пришли «под знамена» компьютеризации.

Стремление к инновациям порождается, как мы видим, не одной лишь «техникой»; в структуре компьютерного образа мира велика также роль ценностной и эмоционально-психологической компонент. А это значит, что идея компьютеризации живет, образно говоря, в двух ипостасях — «технологической» и аксиологической.

Главная цель внедрения состояла в том, чтобы использовать «лучшее» из лучших — компьютерную модель. Внедрить — значит произвести замену одного на другое (лучшее). Присмотримся к тому, каким же было то, что нуждается в модернизации.

Все названные социальные сферы стали средой внедрения компьютерных средств. Отличительная черта этой среды состоит в том, что она «страдает» существенной эмпиричностью. Сами конечные пользователи ЭВМ по большей части являются программно неподготовленными людьми. Такого рода социальной среде присущи сложившиеся «человеко-бумажные» процедуры и операции, в ней наблюдается отсутствие технологичности. Именно в такую среду «вторгается» строгая, математически регламентированная и сложная инженерная технология обработки данных.

Экстенсивное развитие идеи компьютерного моделирования выразилось в стремлении к овладению новыми технологиями. Среди тех, кто захотел и уже стал «приобщенным» к слав-

ным оптимизирующим средствам, оказались и те, кто лишь позднее в ходе состоявшегося использования стал размышлять о границах компьютеризации.

Обратимся далее к тому, как сами пользователи компьютерной техники выражают отношение к своему опыту. В Швеции, например, в числе обследованных оказались социальные и общественные учреждения: в том числе, страховые кассы, медицинские учреждения, лесное хозяйство, аэропорты и др. По мнению метеорологов, медицинских сестер, хирургов, реставраторов художественных произведений и др., результаты, получаемые с помощью счетно-решающих устройств, имеют формальный характер, бедный по смысловому содержанию. Это связано с принципиальной особенностью когнитивной схемы, лежащей в основании компьютерного моделирования, — с ее формальной природой, с «системой правил», заложенных в основание. Ведь машина оперирует лишь тем знанием, которое инвариантно ее собственному языку. Поэтому, хотя сферы приложения искусственного интеллекта различны, тем не менее «картины», получаемые на выходе, часто обладают значительным сходством: индивидуальность как бы «стирается»; грани индивидуальности «сплющиваются», смещаются в одну точку. Компьютерное моделирование, будучи абстрактно-общим, не способно проникнуть в более глубокие пласты содержания. Отсюда возникает непонимание общей картины изучаемого явления, что не только не продвигает к цели, но и может губительно сказаться на результатах. В ряде случаев личный практический опыт более надежен, более точен, дает более высокие профессиональные показатели, нежели результаты, полученные инструментально, с помощью новой техники. Качество работы в большой степени находится в зависимости от навыков, определяется «телесным» опытом. Так, по мнению хирургов, успех операции зависит от того, имеется ли навык врача-ремесленника. Художники-реставраторы пришли к аналогичному выводу¹.

Из выводов, к которым пришли пользователи новых технологий, следует, что компьютерное моделирование не является универсальным, все охватывающим средством. Для некоторых

¹ См.: The Philosophy of Computer Development. L., 1988.

объектов практической деятельности более адекватны корпоративно принятые, традиционные средства. Я имею в виду объекты, которые построены на иных принципах функционирования: имеющие многомерную, нелинейную природу, известную «размытость», а не жесткую организацию. Особая природа объекта нуждается в особых, внекомпьютерных формах и средствах обеспечения. Целому ряду профессий присущи иные исследовательские приемы с иным языком. Более адекватными здесь являются воображение, интуиция, неосознаваемые мыслительные акты, неявные формы знания. Другими словами, – вся та мыслительная деятельность, которая составляет принадлежность творческих актов, внутреннего опыта. Таким образом, не подвергая сомнению высокой ценности концептов информатики, ряд исследователей привлёк внимание к возможности повышения качества профессионализма и на иной, в частности, на внекомпьютерной основе. Здесь имеется в виду наличие практических умений, получаемых, как правило, при визуально-непосредственном, личном контакте с предметом исследования. Названные условия, составляющие смысл опытного знания, важны для получения полноты картины. Полнота обеспечивается за счет гибкости, возможности перестройки шагов в конкретной ситуации, путем принятия конкретных решений. Опору такого рода умений составляют практические структуры сознания.

Школьные и высшие образовательные учреждения ныне также широко используют специфические учебные пособия на гипертекстовой основе, мультимедийные справочники и энциклопедии, сетевые коммуникации в самых разных масштабах, от класса до Internet. Все эти средства видоизменили лицо учебного процесса. Вопрос о том, в какой мере эти изменения оправданны, мне хотелось бы обсудить в связи с использованием интерактивных обучающих программ, в частности о дистанционном образовании.

Термин «обучение на расстоянии», как правило, связывается с некоторой учебной инфраструктурой и относится к учебному заведению, предоставляющему соответствующие услуги, а не к самим учащимся. При использовании этих технологий складывается принципиально иная организация работы самого обучаемого. Если при традиционном подходе студент слушает

лекции, ведет конспекты, посещает библиотеки, семинары, то он фактически встроен в организованный учебный процесс. В идеале преподаватель при общении с учеником имеет возможность давать оценку ответу на заданный ему вопрос, учит мыслить самостоятельно и критически. Все это требует, чтобы и ученик проявлял непрерывную активность. Однако в ситуации дистанционного образования студент поставлен в условия, когда он должен сам себя организовать, чтобы получить необходимый уровень знаний, т.е. здесь акценты смещаются в сторону самостоятельной работы. И хотя, конечно, в принципе у студента при дистанционной форме и открывается возможность получить образование в любом университете мира, однако он лишается потока общения, возможности проникнуть и понять внутренний мир «другого». Необходимость такого знания важна, с точки зрения К.Р.Роджерса, для поддержания эффективности коммуникативных отношений, названных автором эмпатией². Открывается эмпатия через переживание, достигаемое в обоюдном внутреннем контакте. Перед учителем, которому необходимо умение проникнуть и понять внутренний мир своего ученика, также возникают сходные задачи. Здесь эмпатия важна для того, чтобы «расшевелить» застывшее восприятие ученика, разбудить его рефлексивные способности. Как отмечает ученый, если таких шагов не предпринимать, то восприятие учеником самого себя, т.е. его самосознание, будет оставаться «застывшим»: за границей осознанности останутся многие главные «качества» его личности.

По мнению пользователей, образование не получило от компьютеризации столь убедительного ускорения. Даже массовое использование компьютера в учебном процессе не сократило заметным образом общий срок обучения. Реальное внедрение дистанционного образования в обучение опирается пока лишь на энтузиазм и безграничную компьютерную веру³. В целом, хотя информатизация обучения, как поиск оптимизирую-

² Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1995. С. 336.

³ См.: Dreyfus H.L. How Far is Distance Learning from Education? // Dreyfus H.L. On the Internet. Rout ledge. L.—N. Y., 2001.

щих стратегий образования и обладает большими дидактическими перспективами, в то же время лишая живого общения роботизирует сознание ученика.

Проективный замысел компьютерной идеологии, овеванный ореолом точности и познавательной силы, оказался соединённым с духовным настроением. Исходная гипотеза об оптимизирующей силе новых технологий послужила путеводной звездой при подведении любых «объектов» под знак компьютеризации, указывала на возможность радикальной перестройки любых социальных сфер науки и практики. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что укоренение компьютерного образа связано с рационально организованной верой. Такая вера апеллирует к «совершенству» символично-цифровой модели, к оптимизирующей силе конструктов информатики, к ожиданию преобразовательных возможностей соответствующих ассимилирующих процедур. Понимание «границ» искусственного разума является адекватным ответом на агрессивность проективного оптимизма компьютерного образа мира.

Дискуссия

Т.Рокмор: Какова ваша позиция по вопросу о соотношении психики и мозга? Некоторые философы считают возможным сведение психики к мозгу (Чёрч, Деннет). Для меня не очень ясно, когда вы говорите о возможности редуцирования психики к мозгу, какое это отношение имеет к конструктивизму?

Н.Т.Абрамова: У меня другая тема выступления. Вопрос о взаимосвязи психики и мозга мною не обсуждался. Компьютерная метафора, о которой я упоминаю, построена на мысли о подобии деятельности мозга и компьютера. Против такого допущения выступали Брунер, Дрейфус, Сёрл, Виноград, Флорес, Брушлинский, Бирюков и другие. Аргументы «против» были, кратко говоря, следующие: невозможна подмена мышления процедурой переработки информации; ментальность не сводится к формальной, «синтаксической» обработке информации; компьютерные программы не могут претендовать на сферу духа и др.

Я считаю, что сознание продолжает оставаться тайной, которая не может открыться путем сведения его ни к компьютерной метафоре, ни к структуре мозга.

В.Ф. Петренко: Что такое компьютерный образ мира?

Н.Т.Абрамова: Компьютерный образ мира — это способ видения мира, а компьютерная модель является инструментом преобразования социальной среды. Тем самым инструментом, который человек использует для максимизации своей деятельности. И, как любой инструмент, компьютерное моделирование имеет границы своего использования.

Содержание

Предисловие	3
<i>В.С. Стёпин</i>	
Конструктивные основания научной картины мира	4
<i>В.А. Лекторский</i>	
Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии?	31
<i>В.С. Швырёв</i>	
Идея предпосылочности научного знания и современный конструктивизм	43
<i>И.Т. Касавин</i>	
Конструктивизм как идея и направление	63
<i>В.М. Розин</i>	
К проблеме границ конструктивизма	73
<i>И.П. Фарман</i>	
Конструктивизм как метод и социально-культурная практика	88
<i>Е.Л. Черткова</i>	
Социальный конструктивизм и социальное конструирование	117
<i>Е.О. Труфанова</i>	
Проблема Я в конструктивизме	133
<i>Ю.В. Пуцаев</i>	
Деятельность и феномен (деятельностный подход и феноменология)	153
<i>Н.Т.Абрамова</i>	
Компьютерное проектирование социальной реальности и его границы	164

Научное издание

Конструктивизм в теории познания

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 09.10.08.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 11,00. Уч.-изд. л. 8,47. Тираж 500 экз. Заказ № 048.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:
iph.gas.ru

Издания, готовящиеся к печати

1. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза: Пробл. геномики, психологии и виртуалистики. Вып. 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г.Майленова. – М.: ИФ РАН, 2008. – 230 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0113-6.**

Сборник представляет собой результаты работы сотрудников сектора, завершённой в 2007 г. В подготовленных статьях осуществлен философско-методологический анализ основных аспектов проблемы развития научных технологий модификации (исправления дефектов и совершенствования) природы человека, основанных на использовании новейших разработок в области гуманитарных наук (психологии и социологии), биомедицинских технологий и технологий, ориентированных на модификацию виртуальной реальности человека. Эти аспекты обсуждаются в плане развития принципов гуманитарной экспертизы, включающей в качестве элемента систему принципов современной биоэтики.

2. **Домников, С.Д. Хозяйство и культура: Введение в феноменологию традиционного текста [Текст] / С.Д. Домников ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2008. – 151 с. ; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 143–149. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0110-5.**

Проблематика философии хозяйства разрабатывается с использованием методов философской антропологии и феноменологии. Рассматривается соотношение феноменологического подхода к изучению традиционных культур и наиболее распространенных в социально-гуманитарной практике подходов семиотики, структурной антропологии, психоанализа и герменевтики. В качестве предмета исследования выступает социальная организация и народная культура традиционных аграрных обществ. Источниковедческую базу составляют традиционные тексты земледельческих обществ, в той или иной степени оказавших влияние на формирование культурной традиции Европы и России (преимущественно афразийско-средиземноморского, переднеазиатского и восточнославянского этнокультурного ареала).

3. **Многомерность истины [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Редкол.: А.А. Горелов, М.М. Новосёлов. – М.: ИФРАН, 2008. – 215 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0115-0.**

В книге представлены результаты исследований по фундаментальной проблеме эпистемологии – проблеме истины. Стандартные определения истины получают нестандартную интерпретацию в изменяющихся условиях научного и философского познания. Вводятся новые аспекты исследования и предлагаются оригинальные определения истины. Представляет интерес освещение проблемы истины с точки зрения эво-

люционного подхода. Проводится сравнительный анализ научной и внеаучных традиций познания. Значительное место заняли фоновые темы: истина и творчество, истина и интерпретация, истина и мистический опыт.

Книга предназначена для эпистемологов, методологов науки, а также всех, интересующихся проблемами истины, познания и творчества.

4. **Политико-философский ежегодник. Вып. 1 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. — М. : ИФРАН, 2008. — 199 с. ; 20 см. — Библиогр. в примеч. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0111-2.**

Первый выпуск ежегодника знакомит читателей с состоянием исследований в области политической теории, проводимых в Отделе социальной и политической философии Института философии РАН. Центральное место занимает рубрика «Понятие политического», дополненная рубрикой «Dixi», посвященной анализу проблем современной российской политики. В разделе «Текущие исследования» представлены статьи на темы государства, толерантности, социал-либерализма, национального самосознания.

5. **Понятие истины в социогуманитарном познании [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. А.Л. Никифоров. — М. : ИФРАН, 2008. — 212 с. ; 20 см. — Библиогр. в примеч. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0114-3.**

В статьях сборника рассматриваются общие проблемы современной теории истины, возникшие в ходе развития философии науки на протяжении последних десятилетий. Обоснована необходимость уточнения классической концепции истины в связи с выявлением социокультурной обусловленности знания и постмодернистским отказом от понятия истины. Рассмотрены современные походы к разработке прагматистской и когерентистской теорий истины; проанализирована связь понятий истины и знания и т.д. Исследованы возможности применения понятия истины для гносеологической оценки знания в области социологии, экономики, истории.

6. **Свободное слово. Интеллектуальная хроника: Альманах 2007/2008 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Сост. и отв. ред. В.И. Толстых. — М. : ИФРАН, 2008. — 342 с. ; 20 см. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0130-3.**

Альманах теоретического клуба Института философии РАН является одиннадцатой книгой публикаций сокращенных стенограмм клубных дискуссий, опубликованных ранее (1996–2007 гг.), в которых обсуждаются актуальные и злободневные вопросы социально – экономического и социокультурного развития современной России. Публикуются материалы, связанные с 20-летием клуба «Свободное слово».

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами развития постсоветской действительности.

7. *Симуш, П.И.* Поэтическая мудрость С.А.Есенина [Текст] / П.И. Симуш ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2008. — 231 с. ; 20 см. — Библиогр.: с. 227—228. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0116-7.

Известный философ Петр Иосифович Симуш, автор большого числа трудов по теоретическому осмыслению, предлагает новую работу, посвященную философии гениального поэта и мыслителя. Она дает необычное истолкование судьбы и поэзии С.А. Есенина с философской точки зрения, которая укоренена в глубинах религиозного сознания. Принципиально новый взгляд в Есениниане является своего рода зеркалом современной эпохи, переживаемой многострадальной Россией. Книга доставляет разнообразный и свежий материал для думающего читателя.

8. *Спиридонова, В.И.* Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли [Текст] / В.И. Спиридонова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2008. — 186 с.; 17 см. — Библиогр. в примеч.: с. 176—184. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0118-1.

В работе проводится комплексный анализ особенностей развития идеи государства в западной и российской социально-философской мысли; анализируются ведущие доминанты российской государственности; определяется российская специфика эволюции в условиях модернизации; прослеживается динамика взаимодействия глобализации и национального государства. В монографии исследуется одна из важнейших составляющих консенсусного мышления — категория общего блага; изучаются новейшие западные теории солидарности в применении к современной российской ситуации.

9. *Старовойтов, В.В.* Современный психоанализ: грани развития [Текст] / В.В. Старовойтов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2008. — 127 с. ; 17 см. — Библиогр.: с. 116—120. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0122-8.

Монография посвящена исследованию различных аспектов современного и классического психоанализа. Социальное направление в психоанализе изучено на примере творчества Эриха Фромма. Исследовано взаимоотношение психоанализа и религии, а также психоанализа и художественного творчества. Проведено сравнительное исследование проблемы Я в психоанализе и современной западной философии, показано, что позитивистский подход Фрейда ко всем этим проблемам оказался во многом неадекватным. Автор обнаруживает соответствие между школами современного психоанализа и различными философскими течениями: герменевтикой, феноменологией, философией диалога.

10. *Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 2* [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. М.С. Киселева. — М.: ИФ РАН, 2008. — 263 с. ; 20 см. — Библиогр. в примеч. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0117-4.

Второй выпуск сборника посвящен проблемам анализа человека в его «ближайшем рассмотрении». Методологией исследования в большинстве статей является «индивидуализация» материала, при этом степень «резкости наведения» зависит от выбранного автором аспекта исследования: социологического, исторического или собственно методологического.

- 11. Шкатов, Д.П.** Модальная логика и модальные фрагменты классической логики [Текст] / Д.П. Петров; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М. : ИФРАН, 2008. — 135 с. ; 20 см. — Библиогр.: с. 130–135. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0128-0.

Монография посвящена исследованию взаимосвязи между пропозициональными модальными логиками и классическими логиками первого и более высоких порядков. Наряду с известными результатами, такими как разрешимость первопорядкового защищенного фрагмента и сходных фрагментов классических логик, приводятся результаты полученные автором; в частности, доказываемая разрешимость модальных логик с интуиционистской основой и модальностями, возникающими при анализе логик знания с потенциально бесконечным множеством познающих субъектов.